

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. Ф. Пахомова

МОДЕЛИ ПРОЦВЕТЕНИЯ

**(Сингапур, Малайзия,
Таиланд, Индонезия)**

Москва

2007

ББК 65.5 (5)
П12

Ответственный редактор
доктор экономических наук Г. К. Широков

Редактор *А. З. Алмазова*

П12 Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 256 с.

ISBN 978-5-89282-301-2

Работа, посвященная социально-экономическому развитию Сингапура, Малайзии, Таиланда и Индонезии, охватывает период с 50-х годов XX века вплоть до последнего времени. Особое внимание уделено смене стратегий и моделей роста, переходу этих стран к инновационным технологиям, знаменующим наступление цивилизации III тысячелетия.

Интерес читателей может вызвать и успешный опыт, и просчеты этих стран в планировании, организации сотрудничества с иностранными инвесторами, приватизации, борьбе с финансовым кризисом, создании особых форм ускоренного экономического развития – центров роста, экспортно-производственных зон, промышленных парков, научных инкубаторов, венчурного капитала и исламских банков.

За шесть десятилетий каждое из этих государств Юго-Восточной Азии прошло свой путь общественной и экономической модернизации, особенности которой автор выявляет путем сравнительного анализа и междисциплинарного подхода.

ББК 65.5 (5)

ISBN 978-5-89282-301-2

© Л. Ф. Пахомова, 2007

© Институт востоковедения
РАН, 2007

Оглавление

Введение	5
Глава I. Эволюция Сингапура	21
Курс на индустриализацию.....	21
Сингапур – Цюрих Востока.....	34
Переход к суперсовременному производству	38
Новая внешнеэкономическая стратегия	50
Трудовые ресурсы – главное достояние страны	60
Глава II. Стратегия развития Малайзии	72
Новая экономическая политика и ее итоги	72
От консервативных к инновационным методам аграрных преобразований.....	78
От ориентации на экспорт к многоотраслевой экономике	85
Модернизация инфраструктуры.....	96
Приватизация по-малайзийски	100
«Перспективы 2020» – устремление в инновационный мир	113
Преодоление финансового кризиса и консолидация банковской системы.....	119
Построение «информационного общества»	125
Коррекция экономического курса	131
Глава III. Политика модернизации Таиланда	139
Начальные этапы	139
Концепция «прифронтовой экономики»	144
Преодоление финансового кризиса	154
Социальные аспекты модернизации	164
Таиландский вариант инновационной экономики.....	173

Глава IV. Развитие экономической системы Индонезии	177
Становление системообразующих институтов	177
Экономическая политика режима «нового порядка»	189
Трансформация низших укладов.....	204
Последствия финансового и структурного кризиса	211
«Эра реформирования»	217
Поиск путей к прогрессу.....	229
Заключение	238
Библиография	246
Summary	255

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении десятилетий страны Юго-Восточной Азии искали и находили методом проб и ошибок свои пути изменения национальной экономики для ее успешного и ускоренного развития. Модели социально-экономического роста, равно как и его стратегии, формировались в разных странах далеко не в одно время, а их эффективность оказывалась различной. Сопоставляя то, что намечалось при разработке социально-экономических программ Сингапура, Малайзии, Таиланда и Индонезии, с показателями реализации поставленных задач, можно обнаружить их сильные и слабые стороны, а также оценить эффективность механизмов, создаваемых для их осуществления. Сравнительный метод дает возможность четче выявить и общее, и особенное в вариантах капиталистического развития рассматриваемых стран. В этой связи необходимо остановиться на методологии исследования различных фаз становления и эволюции государственных структур и, в конечном счете, социальных и экономических систем.

Конкретные модели общественного развития создаются в различном национально-историческом и культурном пространстве. На начальном этапе становления государственности, который пришлось пройти Индонезии, Малайзии и Сингапуру, центральная власть содействовала возникновению так называемых функциональных институтов, а затем и соответствующих систем, а именно банковской, бюджетной, таможенной, налоговой и некоторых других. Экономист В. Д. Андрианов, исследуя экономические процессы в странах Юго-Восточной Азии, а позднее и в России, предлагает плодотворную концепцию функциональных экономических систем, которая представляет своеобразный симбиоз из воззрений многих выдающихся ученых, в той или иной мере следующих принципам экономического регулирования. Он полагает, что «новая исследовательская системная парадигма, поскольку она не может быть сведена к частной дисциплине, а изучает взаимодействие различных сфер общества, экономики, политики, социологии, культуры, идеологии... позволяет лучше понять особенности смешанной системы. Сама же функциональная экономическая система пред-

ставляет собой открытые, саморегулирующиеся структуры [204, 2006, 06–08. С. 7-21].

Таиланд, испытавший, по определению академика Н. А. Симонии, полукOLONиальное иго, лишь постепенно модернизировал ряд своих институтов, но вместе с тем видоизменял и развивал функциональные структуры.

Прежде всего решалась задача преобразования исторически сложившейся модели хозяйства колониальных времен, экономических связей и архаических структур. По словам Н. А. Симонии, странам Востока «приходится решать двуединую задачу: с одной стороны, трансформации колониального синтеза и интеграции части его структур в современный капиталистический способ производства, а с другой – “обволакивания” архаичных традиционных структур, их постепенной модернизации и на этой основе вовлечения в орбиту современного способа производства» [103. С. 273]. Правительства искали и находили более или менее применимые к конкретным условиям каждой страны формы преобразований, адаптации к стремительно менявшемуся миру. Наиболее доступным был поиск новых возможностей саморазвития, в ряде случаев синтез, а также имитация нововведений. Экономисты и государственные деятели, как правило, были под влиянием теорий и концепций подъема экономики, разработанных или действующих не только в западных странах, но и в третьем мире. Шел поиск, хотя и неодинаково успешный, такого сочетания концепций и теорий, которое бы позволяло и решать первоочередные задачи, и выработать стратегию социально-экономического развития применительно к конкретным условиям страны. В государствах, вставших на путь такого поиска, появлялись собственные исследователи и ученые, которые положили начало формированию национальных школ экономистов, социологов и политологов.

В середине XX века в четырех государствах Юго-Восточной Азии, о которых идет речь, была популярна теория «догоняющего» индустриального развития, которая предлагала сочетать (в тех или иных пропорциях) политику замещения импорта с ориентацией на экспорт. Несколько позже широко распространилась теория модернизации, которая рассматривалась как своего рода продолжение догоняющего развития. В 50-е и 60-е годы страны ЮВА завершали доиндустриализацию и приступали к первой фазе модернизации хозяйства. Общей для них стала политика импортзамещения и большего или меньшего протекционизма, хотя она и проводилась в разное время и в разной степени. На второй фазе модернизации больше внимания уделялось специализации, что обусловило появление экспортных производственных зон.

Во многом под воздействием этих идей страны ЮВА стали постепенно формировать свои модели успешной организации хозяйства. Со временем, благодаря структурным реформам и модернизации общественного производства, этим странам удалось добиться высоких и относительно устойчивых темпов экономического роста. В Сингапуре и Малайзии процессы модернизации происходили более быстро и успешно, чем в Таиланде и Индонезии. В результате между первой и второй парой стран увеличивался разрыв в техническом уровне производства, масштабах внедрения достижений научного и научно-технического прогресса, а также в степени реорганизации хозяйственной жизни. Этот разрыв становился все ощутимее, поскольку была различной эффективность реализации программ и планов в названных государствах.

Нетрудно проследить, насколько решение тех или иных социальных проблем зависит от того, какая часть национального дохода выделяется государством и общественными структурами на эти цели. Прежде всего следует проанализировать действия механизмов перераспределения общественного продукта. Они включают новые элементы социальной рыночной экономики: льготные цены, субсидирование определенных категорий населения, перераспределение средств между центром и районами. При изменении форм собственности интересен опыт использования правительствами рассматриваемых стран возможностей общественного сектора и его роли в распределительных и перераспределительных механизмах, равно как и в социальных процессах. Выясняется, что из-за различий в темпах развития углубляется, хотя и в разной степени, имущественное неравенство среди населения, наблюдаются более резкие перепады в развитии районов и территорий, ухудшается экология. Эти и другие процессы приводят к выводу, что рыночные механизмы не всегда эффективны, и многие экономические и социальные проблемы им неподвластны.

Имевшие широкое хождение в недавнем прошлом всевозможные теории экономического роста (импортзамещения, экспортной ориентации, экономики, основанной на науке и знании) повлияли на формирование моделей социально-экономического развития во всех четырех исследуемых странах. Следует отдать должное стремлению авторов этих моделей предусмотреть будущее функционирование национального хозяйства как некоего единого целого, а это в условиях многоукладной экономики – весьма сложная задача. При том, что исходных статистических данных в то время было недостаточно, все же разработчики программ стремились оперировать важнейшими стоимостными показателями макроэкономики, как-то: валовой внутренней продукт, национальный доход, валовые ка-

питаловложения и др. Создававшиеся в разных странах программы экономического роста на первых этапах были самыми общими, но это не мешало их динамичности.

В последующие годы среди экономистов определились две крайние по своей ориентации позиции. Сторонники первой исходили из необходимости либерализации экономики и ориентации на свободные рыночные силы, а приверженцы второй – отстаивали сохранение планирования и государственного регулирования, необходимого, как считали они, для обеспечения благоприятных условий производства и потребления.

Помимо этих направлений, существовало еще несколько различных подходов к проблеме становления и развития национального хозяйства. В 80-е годы наряду со сторонниками кейнсианской и некейнсианской школ, теорий дирижизма, интервенционизма, монетаризма и других появилось, например, течение так называемых контрреволюционеров, которые ставили под сомнение целесообразность любого вмешательства государства в экономику и наличия государственного сектора. По их мнению, перед государством и его аппаратом, состоящим из бюрократии, ставились невыполнимые для них задачи. При этом, считали они, допускалась фатальная ошибка – пренебрежение к подготовке квалифицированных кадров, в частности управленческих работников и специалистов. Например, индийский экономист Дипак Лал считал, что контроль государства над экономикой вызывает крайне нежелательные тенденции, мешающие развитию производства, порождает конфликты, требует значительных затрат и что его необходимо упразднить. Другие «контрреволюционеры» полагали, что контроль государства над экономикой приводит и к сплошной политизации хозяйственной жизни, и к расцвету коррупции [154. С. 5].

Попытаемся проследить, как в Сингапуре, Малайзии, Таиланде и Индонезии на протяжении нескольких десятилетий апробировались самые различные теории и концепции. На основе их симбиоза в конечном счете правительства вырабатывали экономические платформы и строили планы, которые воплощались в жизнь более или менее успешно.

Одной из самых распространенных в последней четверти XX века была постиндустриальная теория. Хотя сам термин «постиндустриальное общество» был впервые введен в обиход американским социологом Д. Рисменом в 1958 г., но лишь его соотечественник Д. Белл позднее теоретически обосновал это понятие. Он выдвинул свою концепцию анализа развитого общества и описал процесс формирования новых начал организации социума в условиях стремительного научного прогресса и технологических дости-

жений. В своей монографии «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973 г.) ученый предлагал сосредоточить внимание прежде всего на развитии науки, новых технологий, организации производства, повышении роли и качества народного образования. Д. Белл не отвергал целесообразности полного или частичного планирования. Он считал также, что благодаря развивающейся демократии и обновлению политических структур может появиться надежная мотивация трудовой деятельности [76. С. 123, 483].

Методологическую основу теории Белла составляет примат информационной технологии в организации современного общественного производства. Логическим следствием этого становится возвышение меритократии, т. е. формирование научной элиты и профессионалов, обладающих новейшими знаниями, к которым перейдут и управление экономикой, и реальная власть. Эту идею Белл, однако, не стал развивать в своей следующей книге «Культурные противоречия капитализма» (1976). Но, хотя автор уже не утверждал, что интеллектуалы будут обладать действительной властью, он все же призывал их проникнуться сознанием своей ответственности и готовиться к возможной главенствующей роли в социуме [88. С. 483]. Характеризуя постиндустриальное общество, Белл отмечал, что «постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие общественные формы как “стадии” социальной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры» [88. С. 167]. Сама же постиндустриальная формация есть «общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [119. С. 27, 102].

Подводя итоги анализа теории постиндустриализма, В. Л. Иноземцев утверждает, что «основой концепции постиндустриального общества остается оценка нового социума как резко отличающегося от общества, господствовавшего на протяжении последних столетий: отмечается, прежде всего, снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в

производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры» [88. С. 19].

Примерно в то же время, как и теория постиндустриального развития будущего мира, обретает популярность и концепция информационного общества, авторство которой принадлежит американским и японским ученым (М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер и др.), а также предложенная японским социологом Т. Сакайя доктрина “knowledge society” (общества знаний) или “knowledge-value society” (общества стоимости, создаваемой знанием) [88. С. 57, 58, 267–268]. В своей работе «Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего» (1990 г.) он отмечал, что в современных условиях традиционные факторы производства уже не определяют ту ценность, которую потребители признают за тем или иным продуктом; именно в этом, по его мнению, и состоит один из фундаментальных сдвигов, происходящих в современной экономике [176; 88. С. 338]. Информация и знания сами по себе рассматриваются как “knowledge value”, т. е. как ценности, порождаемые знанием, внедренные в производство. Эти ценности способствуют становлению индустрии знаний (“knowledge industries”) и в развитых экономиках их вклад в валовый внутренний продукт стремительно увеличивается. Т. Сакайя полагает, что характерным признаком современного общества является не сам факт широкой распространенности знаний, а то, что они непосредственно воплощаются в большинстве создаваемых в обществе благ и таким образом экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаниями и их взаимодополняемости [88. С. 339].

В Оксфордском толковом словаре понятие инновации (innovation) означает любой новый подход к конструированию, производству или сбыту товара, в результате которого инноватор или его компания получают преимущества перед конкурентами. Это неизбежно побуждает к скорейшему использованию на практике научных и технологических достижений. Обновление становится не только важной составляющей экономического роста, но заметно меняет характер и производственный процесс, и сбыта продукции. В последние десятилетия именно инновации в любом виде предпринимательства позволяют опережать конкурентов на мировом рынке и, более того, во многом предопределяют темпы экономического развития страны. Однако необходимо принимать во внимание и то, что подготовка к очередному этапу нововведений требует определенного времени, на протяжении которого темпы роста могут уменьшиться.

Специфическая черта новой экономики – наличие плотной сети взаимосвязей. Повышение уровня производства на одном заводе, фирме сказывается сначала на результатах их деятельности, но за-

тем в силу взаимозависимости экономических единиц в процесс вовлекается вся сеть. Наиболее наглядный пример этому дает Интернет, который благодаря развитию технологии в компьютерной промышленности распространился сначала в сфере коммуникаций, а затем и в большинстве видов хозяйственной деятельности.

Своя модель формирования постиндустриального будущего разрабатывается в Китае и других странах. Оно рассматривается как научно выверенное развитие социума, имеющее в виду создание гармоничного общества.

В российской науке пока еще нет единого и общепризнанного определения типа экономики, основанной на широком применении новых знаний. Нет, следовательно, и соответствующего термина. Российский экономист В. Михеев, например, использует три термина, вошедших в лексикон с середины 90-х годов: *новая экономика*, *экономика знаний*, *экономика, основанная на знаниях (ЭОЗ)*, или *Knowledge based economy (КВЕ)* [87. С. 34–35]. Некоторые другие исследователи пользуются терминами *наукоемкая экономика*, *новая экономика*, употребляя их как синонимы. Действительно, на первый взгляд, эти понятия достаточно близки, и хотя у них есть свои смысловые нюансы, существует молчаливый консенсус признавать общие, типичные для характеристики новой социальной модели черты, нашедшие отражение во всех приведенных терминах.

Прежде всего, народное хозяйство должно обладать способностью постоянно воспринимать инновации, включать их в производственный процесс, умело их использовать, а также создавать новые знания. Кроме того, необходимо сохранять высокие темпы экономического роста без сопутствующей инфляции, наращивать инвестиции в технологический капитал, что позволяет повышать производительность труда, не поощряя инфляционные тенденции. Самый убедительный пример новой экономики дают США 90-х годов. Многого добились и страны Евросоюза, включившиеся в этот процесс. В 2000 г. в Лиссабоне была принята «Декларация Евросоюза», в которой определялась стратегическая цель общественного и хозяйственного развития государств – членов Союза на текущее десятилетие: развитие экономики, базирующейся на знаниях. Определены характеристики такого хозяйства: высокая конкурентоспособность, устойчивый рост, увеличение числа рабочих мест и их современное оснащение, содействие социальной интеграции. Для всего этого необходимо совершенствовать политику построения «информационного общества», проводя ускоренные структурные реформы. Важнейшая составляющая инновационной политики ЕС, как отмечает российский исследователь Л. Баас, – это «модернизация социального блока на основе инвестирования в людские ре-

сурсы и построение, по терминологии ЕС, государства активного благосостояния» [210. 2005. № 3. С. 5].

В. Михеев подчеркивает, что теоретически экономика знаний представляет собой новый фактор производства в дополнение к традиционным – средствам труда, предмету труда и самому труду. Возникли и новые явления – торговля знаниями, патентами, лицензиями, *ноу-хау*, *ноу-уай*. Этот автор поясняет, что «идея» труда не просто содержится в других факторах производства, а выступает на рынке как самостоятельный товар. Товар «научная идея изделия» становится дополнительным фактором производства, использование которого убыстряет экономическое развитие [87. С. 138–139].

Эти и многие другие научные концепции постиндустриального общества отражают сложный эволюционный процесс современного мира. К анализу подключаются не только экономисты и социологи, но и реальные политики, влияющие на формирование социумов нового типа или, по крайней мере, их элементов.

Главные из этих элементов – создание высокотехнологичного и среднетехнологичного производства; формирование деловой среды, способной обеспечить маркетинг, аудит, консалтинг, коммуникации; институт гарантий и защиты права собственности инвестора. Ключевая концептуальная новация – торговля с минимизацией риска для обеих сторон. По мере развития этих и некоторых других институтов, создается сеть услуг постиндустриального типа на основе информационных и коммуникационных технологий.

Во второй половине 90-х годов исследуемые страны ЮВА продолжали следовать концепции догоняющего индустриального развития, которая включала в себя также некоторые элементы постиндустриальных моделей. Авторы этой концепции осознают значение прогресса науки и технологии и необходимость создания условий для перехода к сервисной экономике; при ней меняется структура занятости и формируется новый социум.

Важнейшим явлением, преобразующим многие социально-экономические процессы, стала глобализация. Ее воздействие испытывают, хотя и в различной степени, все государства, которые пытаются ответить на ее вызовы, привносящие новые и неоднозначные тенденции в мировую экономику. Как отмечали Г. К. Широков и А. Г. Володин, глобализация возникла и растет в результате изменений в производительных силах, когда наука стала производительной силой, а живой труд перестает быть источником новой стоимости. Последнее становится функцией науки, капитала и труда. Сначала аграрно-сырьевая экономика вытесняется промышленностью, и характер обмена меняется, затем на первый план выдвигается сфера услуг. В результате этих процессов формируется новая взаи-

мозависимость, которая может трактоваться и как взаимодополняемость. При этом «импульсы глобализации идут от центра мировой системы» [78. С. 8, 9, 14, 38]. Г. К. Широков обращал внимание на сложный, многоаспектный характер глобализации, в которой воедино сплелись социально-исторический опыт общества и прочие факторы, воздействующие на формирование экономических и политических процессов, а равно и на межгосударственные взаимодействия. Отсюда возникает необходимость применения метода исследования, основанного на междисциплинарности, соединяющей в себе элементы истории, экономики, социологии, политической науки и других обществоведческих дисциплин [78. С. 14]. Автор настоящей работы полностью разделяет мнение о плодотворности такого подхода, позволяющего шире и глубже проанализировать особенности и специфические черты некоторых моделей индустрализирующихся стран, а именно Сингапура, Малайзии, Таиланда и Индонезии.

Во время финансового кризиса в Азии 1997–1998 годов и особенно после него в периодических изданиях встречались статьи, авторы которых подразделяли развивающиеся экономики Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии на две группы. К первой относили «тигров» – Сингапур, Республику Корея, Гонконг, Тайвань. Вторую группу «драконов» составили Малайзия, Таиланд, Филиппины, к которым иногда, не без оснований, причисляли и Индонезию. Такое принятое журналистами подразделение государств в определенной степени правомерно, так как оно исходит из примерной оценки макроэкономических показателей отдельных стран и их места в мировой экономике.

Вместе с тем в ходе дискуссий об экономическом росте внимание исследователей все более привлекает концепция «вариантов капитализма» (*varieties of capitalism – VOC*). Она утверждает необходимость более глубоко и всесторонне анализировать капитализм как в высокоразвитых, так и в развивающихся экономиках, с тем чтобы установить его типологические особенности в странах с различными экономическими структурами. Преобладающий подход – выявление степени развитости главных институтов, на которых основывается рынок, и определение их роли.

Иной подход к анализу хозяйства страны демонстрирует концепция новых сравнимых экономик (*New Comparative Economics – NCE*). В фокусе внимания ее сторонников – институт собственности и опора на право собственности. Состояние и перспективы развития экономики соотносятся с прочностью правовой системы в стране, соблюдением правопорядка и стабильности. При таких условиях гарантируется меньший риск для держателей акций и кредиторов, а

также обеспечивается надежный законодательный уровень защиты инвестора, который может действовать, не опасаясь ни экспроприации со стороны государства, ни препятствий со стороны частных агентов. В конечном счете такая уверенность в стабильности определяет дальнейшую возможность роста и новых инвестиций.

Новый сравнительный анализ экономик охватывает самые различные аспекты. В частности, изучаются права собственности индивидов и государства, законодательное обеспечение экономической деятельности, управление рисками, эффективность институтов, оптимальные размеры внешней торговли. Тщательному анализу подвергается оценка деятельности фирм и компаний, в том числе координация управления, внутрифирменные отношения, – все это в совокупности оказывает воздействие на макроэкономике. К тому же существует некоторая взаимосвязь различных институтов и рынка. Например, перемены в банковском деле предопределяют неизбежность взаимодействия фирм для согласования общей реакции на такие изменения.

Соответственно, рыночные экономики стран подразделяются на две группы: свободные (Liberal Market Economies – LME) и управляемые (Coordinated Market Economics – CME). При свободной рыночной экономике фирмы действуют, подчиняясь законам иерархии и конкуренции, а также во многом исходят из неоклассической теории получения максимальной прибыли. К управляемым рыночным причисляют национальные хозяйства, если они начинают продуцировать собственные сети экономических взаимосвязей. Одно из соображений исследователей, предложивших делить страны на эти две группы, заключалось в том, что вряд ли целесообразно по единым критериям оценивать возможности любой экономики и, следовательно, рекомендовать определенное поведение государства по отношению к ней.

Для сторонников новых и новейших концепций рыночной экономики как первого, так и второго типа характерен широкий разброс мнений и по этому поводу.

Начавшийся в странах Юго-Восточной Азии поиск новых социально-экономических моделей инновационного типа выявляет реальное неравенство в уровнях развития этих стран и их разные возможности реализации подобных проектов. Все эти страны вынуждены ускорять индустриализацию и модернизацию, стремясь как можно скорее включиться в группу промышленно развитых государств или хотя бы приблизиться к ней. Однако требуются немалые капиталовложения для того, чтобы обеспечить необходимые трудовые ресурсы и материально-техническую базу, а также для

внедрения принципиально новой организации производственного процесса и корпоративного управления.

Стремительно набирающий темпы технический прогресс создает предпосылки для ускоренного развития всех факторов производства. И поскольку конкуренция в глобальных масштабах растет, постольку и выигрывают те, кто получает преимущества в процессе производства. В результате удается умерить рост инфляции и, напротив, получить дополнительные источники средств для новых инвестиций, позволяющих обеспечить дальнейший технологический и научный прогресс.

Начиная с последнего десятилетия прошлого века концепция экономики и общества, базирующихся на знании и науке, обретала все больше приверженцев. Как отмечал председатель Экономического комитета Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) Чунг Йонган, «широко признается тот факт, что в процесс производства вступил новый фактор – знание и это изменило не только способ производства продукта, но и трансформировало все экономики. Экономический комитет признает важность такого развития и поддерживает в странах – членах АТЭС исследования, направленные на осмысление природы и причин формирования экономик, базирующихся на знании и науке (*knowledge-based economy – KBE*). Необходимо также подумать, какая государственная политика может содействовать такой экономике» [112. С. 3; 113. С. 5]. Эксперты Экономического комитета АТЭС определили характерные черты этой новой системы хозяйства, при которой «производство и распределение, а также использование знаний стали основной движущей силой роста, создания богатства и занятости во всех отраслях». Констатируется следующее: «в таких экономиках именно способность переводить идеи в полезные продукты и процессы становится для фирм источником повышения их конкурентоспособности. Те фирмы, которые не в состоянии эффективно использовать преимущества знаний, могут уступить свою долю участия на рынке более инновационным соперникам» [113. С. 5–7].

В последние десятилетия технический и технологический прогресс, основанный на новейших достижениях науки и революции в сфере информации, стал самопродуцирующим во всех звеньях производства и распределения. Способность создавать и использовать обеспечивает развитие всех составляющих национального хозяйства, начиная от его традиционного сектора и кончая самыми современными, высокотехнологичными отраслями промышленности и сферы услуг. Обычно полагают, что наращивать выпуск продукции и услуг можно, вовлекая в производственный процесс неиспользованные мощности, новую рабочую силу, новые мате-

риальные ресурсы или дополнительный капитал. Но увеличивать выпуск продукции и услуг можно и благодаря лучшей организации производственного процесса, позволяющей добиться прироста добавленной стоимости.

На то, что необходимо расширить инструментарий анализа экономического развития, обращает внимание В. Л. Иноземцев. Он отмечает, что на пути становления зрелой постиндустриальной цивилизации становится все более явным несовершенство ряда макроэкономических показателей, как-то: валовой национальный продукт, национальный доход. Это потому, считает он, что в условиях информационной революции движение стоимостных показателей ничего не говорит о реальном соотношении производимых и потребляемых благ. Кроме того, не учитываются нематериальные активы, равно как и качественные характеристики продукта. Отсюда, заключает он, вытекает необходимость пересмотра важнейших хозяйственных индикаторов, «самой теории экономического роста и его темпов, переоценки проблемы государственных расходов, внешнего и внутреннего долга и многое другое» [88. С. 53].

В новых условиях обретает особое значение исследование того, как относится государство к науке и исследовательской работе, а также определение объема государственных и частных затрат на НИОКР. При этом важно выявить, насколько эти факторы воздействуют на повышение производительности труда, одинаковы ли результаты научных центров на макроуровне и на уровне фирм. Надо определить, какие элементы считать основными составляющими тех экономик и обществ, которые базируются на знании и науке в странах ЮВА. Следует выявить также масштабы и формы участия инновационного бизнеса в стратегии развития экономики знаний. В частности, насколько «бизнес-стратегии» в исследуемых странах исходят из оценки комплексных инвестиций в информационную и коммуникационную технологии (ИКТ).

Эти технологии во многом определяют динамику инновационного развития, прежде всего, в Сингапуре, а затем и в Малайзии и Таиланде. В Индонезии развитие капитализма в целом характеризуется нерешенностью основных социально-экономических проблем, что определяет его неустойчивость и порождает напряженность в обществе. Здесь давно уже ведутся поиски приемлемого пути развития, варианты которого пока еще далеки от экономики знаний. Тем не менее и в Индонезии отдельные элементы будущей экономической архитектоники проступают достаточно отчетливо.

Вместе с тем уже сейчас подтверждается предположение, что успех инноваций, предпринятых одной фирмой, т. е. в конечном счете создание новых продуктов, стимулирует рост рынка и потребитель-

ский спрос. Инновации могут способствовать улучшению качества продукции и удешевлению производства, увеличению новосозданной стоимости. Конкурирующие компании стремятся перенимать передовые достижения для получения аналогичных преимуществ. В результате во всей отрасли возникает множество изменений, и в короткий срок она преобразуется. Со своей стороны, связанные с нею другие отрасли и виды производств, поставляющие отдельные детали или сырье, также стремятся вводить у себя технологические новшества. Таким образом, внедрение инноваций во всей экономике постоянно расширяется.

Многие экономисты на Западе, а также в странах ЮВА, прежде всего Сингапуре, Малайзии и Таиланде, рассматривают перспективу создания экономики знаний как весьма продуктивную макроэкономическую модель. Что касается Индонезии, то она лишь начинает нащупывать контуры такой модели, которая была бы применима в условиях ее социально-экономической действительности.

Модели экономики знаний в исследуемых странах ЮВА находятся на разных стадиях своего формирования и пока еще мало изучены. На данном этапе возможен лишь анализ концепций, а также констатация первых проб, проблем и результатов этого многотрудного и сложного процесса. Тем не менее определяя, в какой мере сформировались и как функционируют появляющиеся инновационные системы, можно выявить общие закономерности этого процесса, в частности особенности рыночных форм инновационной деятельности. Например, общей чертой для этих стран было отсутствие весомого научного потенциала. Все они, хотя и в различной степени, представляют поле деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Творческий опыт ТНК в создании инновационных систем позволял этим странам сокращать сроки перехода к новым технологиям. Необходимость сочетать интересы обеих сторон в каждом случае предопределяет и подход к решению проблем. Но для всех принимаемых программ характерно признание определяющей роли государства в обеспечении условий инновационной деятельности: создаются так называемые центры ускоренного роста, инновационно-технические кластеры, особые экономические зоны, технопарки. Государство содействует также формированию необходимых для экономики знаний институтов – фондового рынка, венчурного капитала, малого и среднего инновационного бизнеса.

Ключевым для сторонников этого курса представляется законодательное обеспечение прав собственности индивида и государства. Много внимания уделяется антикоррупционным мерам, управлению рисками, определению оптимального объема внешней торгов-

ли. Тщательно анализируется деятельность фирм и компаний, в том числе практика продаж, управления, внутрифирменные отношения. В своей совокупности они воздействуют на макроэкономические показатели.

Одновременно возникают новые тенденции в системах экономической организации, менеджмента. Меняются производственно-функциональные и распределительные структуры.

В Сингапуре определяющая черта экономики знаний – это характерное для общества переходного типа сочетание (если не симбиоз) старых и новых структур. Вместе с тем в отличие от развитых западных стран и Японии, в которых формируется новая экономика, у Сингапура не было классической и высокоразвитой системы образования и научных исследований, собственных школ в разных отраслях науки. Зато у этого города-государства было другое относительное преимущество – отсутствие архаичного аграрного сектора, который бы отягощал общество грузом своих проблем. Поэтому, ввиду безусловного и весьма ощутимого отставания от индустриальных стран Запада по уровню подготовки современных кадров высокой квалификации, задачи их формирования и использования реальных плодов науки в национальном хозяйстве выдвинуты в Сингапуре на первый план.

В начале XXI века объем наукоемкой продукции, согласно оценкам, составлял 2,3 трлн. долл., из которых на долю США приходилось 39 %, Японии – 30, Германии – 16, России – 0,3 %. По индексу технологического прогресса Россия, согласно данным экспертов Всемирного экономического форума (ВЭФ), занимала 66-е место. Наукоемкая продукция производится на основе 50 – 60 макротехнологий. Причем семь развитых стран, обладая даже менее 50 макротехнологиями, контролировали около 80 % мирового рынка данной продукции [207, 30. 03. 2004]. Примечательно, что уже в 1992 г. в первую группу (20 стран) с высоким уровнем процента наукоемкой продукции вошли Южная Корея (0,5471 при исходной величине 1), где доля частного сектора в науке наибольшая, а также Сингапур (0,6468).

Россия в 2001–2002 гг. была отнесена ко второй группе – странам со средним уровнем развития науки (от 0,51 до 0,11). Ее рассматривали как «неосновную» инновационную страну (*non core innovator*), ставя на 66-е место по технологическому индексу из 80 государств, рассмотренных экспертами Всемирного экономического форума (ВЭФ). Макроэкономическая ситуация в России начала улучшаться с 1998 г. в основном за счет загрузки простаивавших основных фондов, и лишь отчасти за счет инноваций в трех-пяти отраслях промышленного производства. В 2001 г. только 0,09 % промышленных

производителей использовали передовые технологии, а в 2003 г. в создании новых технологий принимали участие лишь 322 из 3 млн. российских фирм, компаний и организаций. Россия поставляла на мировой рынок от 0,3 до 0,5 % высокотехнологичной продукции, тогда как, например, доля Сингапура составляла 6 % [206, 28. 02. 2004; 207, 20. 02. 2004].

В марте 2002 г. были утверждены «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий до 2010 г. и на дальнейшую перспективу». В этом документе впервые основной целью в государственной политике в области науки и технологий объявлялся переход к инновационному развитию. Вопрос о том, как образовать в России инновационную систему, которая бы позволила раскрыть конкурентоспособность экономики и научного сообщества, обсуждался и в феврале 2004 г. на совместном заседании Совета безопасности, Государственного совета, Совета по науке и высоким технологиям при президенте РФ. Создание инновационной системы рассматривалось неразрывно с первоочередными задачами: удвоить ВВП за десять лет, отойти от сырьевой направленности экспорта, сократить бедность. Отмечалось, что без перехода России к экономике знаний страна обречена оставаться сырьевым придатком мирового хозяйства [207, 28. 02. 2004].

Согласно последующим разработкам Министерства промышленности, науки и технологий именно государству предстоит определить стратегию, наметить, в каких сферах выгоднее и перспективнее предусмотреть инновации, по примеру не только развитых стран, но и все большей части развивающегося мира.

В Российской Федерации необходимые для этого институциональные преобразования стали более или менее интенсивно проходить с начала XXI века. К ним относятся изменения системы государственной власти, реформы государственного управления, электроэнергетики и железнодорожного транспорта, валютного регулирования и контроля, формирование особых экономических зон и ряд других. В странах ЮВА также были проведены аналогичные и во многом схожие преобразования, что обуславливает актуальность исследования их опыта. В России почти на тридцать с лишним лет позже, чем в Сингапуре и Малайзии, начали создаваться особые экономические зоны. По Закону об ОЭЗ, принятому в июле 2005 г., учреждение такой зоны на территории России определяется правительством, но этому должна предшествовать инициатива субъекта Федерации. Закон призван обеспечить возможность коммерциализации научных разработок, лучший инвестиционный климат и тем самым способствовать развитию экономически застойных районов.

Однако для деятельности национальных и зарубежных инновационных компаний предстоит создать особо благоприятные условия.

В январе 2006 г. были подписаны первые соглашения правительства с главами победивших на конкурсе регионов о создании четырех технико-внедренческих и двух промышленно-производственных зон. В бюджете этого же года было выделено 8 млрд. руб. на создание инфраструктуры в утвержденных ОЭЗ. Намечаются и другие конкурсы по промышленно-производственным зонам для регионов Сибири и Дальнего Востока. Эти намерения российского правительства вызвали немалый интерес в деловых кругах Сингапура и Малайзии.

В 2005 г. в странах мира было создано около 1200 особых экономических зон четырех типов (зоны свободной торговли, сервисные, туристические, промышленно-производственные, технико-внедренческие). В России в конце 2006 г. начали формироваться лишь последние два типа зон, к которым, очевидно, добавятся и туристические [206, 24. 10. 2006].

По существу, перед Россией и рядом стран ЮВА стоит одна и та же задача – разработать модель кокументоспособного хозяйства, отвечающего требованиям мирового рынка. Политика государства, следовательно, состоит в содействии наращиванию инновационно-инвестиционной компоненты, что позволит увеличить объем внешней торговли и улучшить структуру экспорта и импорта.

Перспектива на глобальном рынке такова, что резкие колебания цен на сырье неизбежны. Поэтому экономический рост в странах, ориентированных на производство сырьевых товаров, не может быть стабильным. Обеспечить за 10 лет удвоение ВВП в России возможно прежде всего при развитии инновационного производства. Это требует становления национальной системы его поддержки, создания сложной и многопрофильной инфраструктуры для внедрения инноваций, выработки четкой и действенной стратегии развития науки и технологий. При решении этих и ряда других многоплановых и сложных задач учитывать позитивный и негативный опыт разных стран мира, в том числе стран Юго-Восточной Азии, может оказаться бесполезно.

Глава I

ЭВОЛЮЦИЯ СИНГАПУРА

Курс на индустриализацию

Сингапур – самое успешное и молодое суверенное государство Юго-Восточной Азии. В 1959 г. Англия на основе подготовленной ею Конституции Сингапура предоставила этой своей колонии статус самоуправляющегося государства, которое, однако, оставалось в составе Британского Содружества Наций. Сингапур обрел некоторую независимость, в частности получил право формировать свое правительство. Пятого июня 1959 г. премьер-министром нового государства стал и оставался вплоть до 1990 г. лидер созданной в 1954 г. Партии народного действия (ПНД) Ли Куан Ю. В дальнейшем, уже на посту министра-ментора, он продолжал деятельно участвовать в подготовке и реализации долгосрочных проектов социально-экономического развития Сингапура.

В июле 1963 г. в Лондоне было подписано соглашение, согласно которому провозглашалось образование 31 августа 1963 г. Федерации Малайзии, в которую вошел и Сингапур [85. С. 51]. Открывались перспективы укрепления экономических связей между частями этого отныне единого государства и создания единого рынка. Однако уже на первых этапах существования Федерации стали проявляться явные противоречия между ее субъектами. Договориться по некоторым ключевым вопросам экономического развития удавалось лишь в первой половине 60-х годов. Ситуация в Юго-Восточной Азии осложнялась из-за политики конфронтации, которую проводила Индонезия по отношению к Малайзии в 1963–1965 гг., что привело к нарушению сырьевых потоков в регионе и сказалось на реэкспортной деятельности Сингапура. К тому же федеральное правительство, в котором преобладали малайцы, стремилось использовать административные рычаги, чтобы сдерживать инициативы Сингапура, направленные на ускорение своего экономического развития. Разрешить противоречия по многим политическим и эконо-

мическим проблемам оказалось невозможно, и правительства обеих частей Федерации подписали соглашение о выходе Сингапура из состава Малайзии. Двадцать второго декабря 1965 г. на заседании парламента Сингапур был официально объявлен республикой [83. С. 51]. Новая Конституция Республики Сингапур утверждала верховенство парламента над правительством. Тем не менее, как правомерно отмечает Э. М. Гуревич, «сам по себе принцип верховенства парламента не гарантирует его действительное преобладание над исполнительной властью. Функции президента носят в основном символический характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством и его деятельность должна быть согласована с главой правительства» [80. С. 68]. На протяжении 31 года Ли Куан Ю, опираясь на поддержку ПНД, практикуя методы авторитарного управления и прямого вмешательства государства в экономику, последовательно формировал политический курс и экономическую политику республики.

Он изначально стремился использовать преимущества традиционной роли Сингапура на мировом рынке. Этот город, обладавший статусом свободного порта со времени своего основания в 1819 г., еще в колониальные времена занял особую нишу в международной торговле, поскольку стал в регионе центром реэкспорта. Не имея ни жизненного пространства для экстенсивного развития экономики (площадь государства составляла 581 кв. км), ни природных ресурсов, ни даже питьевой воды, Республика Сингапур избрала ориентацию на развитие традиционной для себя реэкспортной торговли, учитывая, однако, что у этого курса есть объективные временные пределы. Администрация Сингапура стремилась извлечь максимальные выгоды из местоположения острова, находящегося в центре международных морских и воздушных коммуникаций, и ставшего своего рода мостом между Западом и Востоком.

Хозяйственные трудности, следствием которых был спад экономического роста в 1964 г. до минус 4%, побудили Сингапур рассчитывать лишь на расширение внешних связей [180. С. 4]. Но для этого не следовало полагаться исключительно на реэкспортную торговлю, а надо было выступить на мировом рынке в ином качестве.

Прежде всего, ради становления отраслей импортзамещающей промышленности требовалось ужесточить протекционистскую политику. До 1960 г. статус свободного порта Сингапура предусматривал обложение тарифными пошлинами лишь некоторых товаров (алкогольные напитки, табачные изделия, нефтепродукты). Затем стали вводиться пошлины и на сотни других объектов торговли. Это ограничивало возможности реэкспорта и транзита и, следовательно,

существенно задевало интересы внешнеторговых и посреднических фирм. Компромисс был найден в 1963 г., когда власти придали статус Зоны свободной торговли порту Сингапур и промышленному району Джуронгу. Основные и традиционные реэкспортные товары (каучук, олово, железная руда, копра, перец, древесина и ряд других) отныне не облагались пошлиной [83. С. 27]. Таким образом, именно Сингапур положил начало формированию свободных экспортных зон и их инвариантов: его примеру, лишь спустя десять лет, последовали другие страны ЮВА, в частности Малайзия.

Функции общего руководства хозяйством возлагались на Совет экономического управления Сингапура, созданный в 1961 г, которому предстояло выработать стратегию промышленного развития, основанную на концепции «большого толчка» П. Н. Розенштейна–Родана. Таким «толчком» должно было послужить начало индустриального развития. Учитывая ограниченную емкость внутреннего рынка, правительство при создании первых отраслей промышленности ввело протекционистскую политику. На начальном этапе предстояло решить несколько важнейших задач: уменьшить безработицу, достигшую в 1960 г. 13,5%, наладить собственное производство ряда товаров, сохранить традиционные грузовые потоки [180. С. 72]. Главной же задачей было определение курса экономической политики.

Избранный Сингапуром курс на «крупномасштабную индустриализацию» предполагал создание взаимодополняющих отраслей промышленности, которые должны были стимулировать развитие друг друга и поддерживать спрос на производимую в стране продукцию и тем самым способствовать расширению внутреннего рынка. Немало внимания уделялось созданию необходимой инфраструктуры. Проблему финансирования предполагалось решить, широко привлекая иностранные инвестиции в производительной форме.

К формированию концепции индустриального развития Сингапура были привлечены и эксперты ряда международных организаций, прежде всего Мирового банка реконструкции и развития (МБРР). В докладе, подготовленном его специалистами еще в 1955 г., правительствам Малайи и Сингапура предлагалось совместно создавать необходимую инфраструктуру, а также стремиться развивать внутренний рынок для продукции будущих импортзамещающих отраслей, подготавливая тем самым переход от мелких промышленных предприятий к будущей крупной индустрии. Главной задачей правительства, по вердикту международных экспертов, была необходимость обеспечить благоприятный инвестиционный климат. Рекомендации других специалистов, в том числе канадца

Ф. Дж. Лайла, а также голландского экономиста, эксперта ООН доктора Винсемиуса, во многом предопределили формирование экономического курса и роль государства в народном хозяйстве. Винсемиус стоял за развитие на основе трудоемкой промышленности, за повышение уровня общего и профессионального образования, за правительственные программы строительства дешевого жилья. Он поддерживал также идею придания Сингапуру роли регионального, а затем и международного финансового центра, принимал участие в разработке концепции рынка азиатских долларов. Вполне реальной представлялась Винсемиусу перспектива превращения Сингапура в крупнейший региональный узел международного авиасообщения и грузоперевозок.

Среди сингапурских специалистов следует отметить вклад в разработку экономического курса доктора Го Кенг Сви, занимавшего пост заместителя премьер-министра. Он понимал ценность традиционных социальных институтов, ответственность правящих кругов за проводимую политику, важность образования, необходимость индустриализации для обеспечения жизнеспособности государства. Совместно с Винсемиусом он работал над программой развития людских ресурсов Сингапура.

Сингапур первым в ЮВА начал проводить политику широкого привлечения иностранного капитала и получил при этом определенные преимущества, так как в 50–60-е годы, по существу, еще не было конкурентной борьбы между освободившимися государствами за приток прямых иностранных инвестиций. К тому же, отказавшись от привлечения заемных средств, страна заранее избавила себя на длительное время от бремени внешних долгов.

Сначала у каждого из двух государств – Сингапура и Малайи был свой план развития. Первый план Сингапура (1961–1965) разработали совместно сингапурские экономисты и специалисты ООН. Перед государством ставились задачи: создать производственную и социальную инфраструктуру, проводить протекционистскую политику, которая бы обеспечила подъем национального производства, рассчитанного на внутренний рынок. Как считали многие экономисты Сингапура и Малайи, объединение этих государств сулило бы явные выгоды, поскольку позволило бы иметь общий рынок и общие экономические структуры. В частности, были созданы Управление содействия индустриальному развитию (УСИР), а несколько позднее Тарифный комитет. Однако начавшиеся взаимные контрдействия, направленные на одностороннее повышение тарифов, едва не привели к тарифной войне, что, естественно, не помогали наведению экономических мостов. К тому же федеральные

власти запретили Сингапуру самостоятельно выдавать лицензии на создание промышленных предприятий.

Еще в 1961 г. в Сингапуре вместо Управления содействия промышленному развитию было создано Управление экономического развития (УЭР), которое подчинялось министерству финансов. Фактически он выполнял функции индустриального банка, а также выступал координатором и консультантом по вопросам финансирования промышленности. Его основной задачей было стимулировать деятельность ТНК в Сингапуре и направлять инвестиции в важнейшие для государства отрасли, которым придан статус пионерных, прежде всего – в нефтеперерабатывающую промышленность, судостроение и текстильное производство. При создании новых предприятий своего рода лакмусовой бумажкой служил единственный критерий – их способность работать в специфических условиях Сингапура. К началу реализации Второго пятилетнего плана (1966–1970) на долю пионерных предприятий приходилось 37% валовой промышленной продукции и 36% промышленного экспорта [83. С. 12].

Активная роль государства предполагала наличие средств и их упорядоченное расходование. Стержневое положение почти всех теорий, предлагаемых западными авторами, – бездефицитный бюджет или хотя бы сведение дефицита к минимуму. В Сингапуре изначально устанавливалась строгая дисциплина исполнения бюджета. В последние десятилетия сингапурский бюджет характеризовался профицитом, составлявшим в среднем 9% ВВП. Вторым существенным фактором, обеспечивающим благоприятный инвестиционный климат, был стабильный курс сингапурского доллара. Третьим фактором успеха сингапурской экономики следует признать низкий уровень инфляции. Благодаря установленной для коммерческих банков норме обязательного резервирования средств денежная масса нарастала в стране весьма умеренными темпами. Принцип недопущения роста инфляции соблюдался властями неукоснительно.

Удачным начинанием было и создание новых промышленных районов, а также равномерное, с учетом экологии, размещение производительных сил на территории города-государства. Довольно успешно проводилась в жизнь программа индустриализации и в части, касающейся основания новых пионерных отраслей – главным образом благодаря льготным условиям, которые создавались инвесторам. Дело в том, что по Закону 1959 г. в приоритетных отраслях иностранные и национальные предприниматели на пять лет освобождались от подоходного налога, от импортных пошлин на сырье и оборудование, а также получали возможность ускоренной

амортизации. Благодаря этому с 1965 по 1970 г. прямые иностранные инвестиции в промышленность Сингапура составили свыше 4 млрд. синг. долларов. При этом доля иностранных предприятий в экспорте произведенной продукции составляла в 1972 г. более трети [218, 14–15. 11. 1996]. Инвестиционный бум позволил в сжатые сроки создать пионерные отрасли, которые стали основой промышленности, что положило начало перестройке всей структуры экономики.

Однако ориентация на импортзамещение не дала ожидаемых результатов: внутренний рынок был узок, а надежды на создание общего для всей федерации рынка оказались тщетными. Осознав, что возможности импортзамещения ограничены, Ли Куан Ю обратил взор на мировой рынок. В результате Второй пятилетний план Сингапура, согласно которому предполагалось продолжать политику импортзамещения и развивать в основном трудоемкое производство, был пересмотрен.

К такой корректировке экономического курса Ли Куан Ю отчасти подтолкнуло федеральное правительство, которое предложило включить программу Сингапура в общий план социально-экономического развития Малайзии, хотя такая интеграция и не вполне отвечала интересам островной Республики. В дальнейшем при формировании модели экономического роста, особенно при определении путей финансирования, многое заимствовалось из опыта Гонконга, и, кроме того, учитывались успехи хозяйственной деятельности государства в Швейцарии и Израиле, других относительно небольших, но процветающих странах. Например, перед началом строительства сухих доков, порученного сингапурской компании «Кеппел шипъярд», Ли Куан Ю во время своей поездки на Мальту ознакомился там с организацией работы на аналогичных объектах.

Принятая Сингапуром Программа ускоренного развития (1968–1973) была объявлена дополнением ко Второму пятилетнему плану, но на деле меняла его, так как определяла курс не на импортзамещение, а на развитие экспортно-ориентированного производства, которое становилось главным генератором роста.

Для перехода к производству, ориентированному на экспорт, требовались глубокие изменения в структуре промышленности. Трудоемкие предприятия уже не оправдывали себя, и их сменяли модернизированные аналоги с более высоким уровнем технологии производства. Их продукция должна была выдерживать жесткую конкуренцию на мировом рынке. Соответственно, главной задачей становилась уже не ликвидация безработицы, с которой к 1970 г.

правительство в основном справилось, а подготовка квалифицированных кадров.

После того как было принято несколько новых законов и постановлений, улучшавших инвестиционный климат в стране, острота проблемы мобилизации внешних источников финансирования во многом была снята, и в стране создавались новые стимулы для повышения уровня накопления. Общие ассигнования государства на развитие экономики составили по Первому плану 936 млн. долл. США, а по Второму 1736 млн., из которых 700 млн. инвестировали сингапурские предприниматели. Государственные ассигнования на реализацию Программы ускоренного развития составили 920 млн. долл., большая часть суммы направлялась через Государственный банк развития.

В 1973 г. правительство объявило о двухступенчатом подходе к финансированию промышленности. Прежде всего, одобрение получали заявки на инвестиционные проекты лишь в новейших отраслях: нефтехимии, точном станко- и машиностроении, электротехнической, электронной, судостроительной и судоремонтной промышленности и других, в которых применялась новейшая технология. По мере становления той или иной отрасли и укрепления предприятий, правительство уменьшало и даже прекращало свои финансовые вливания. Финансирование промышленности шло через министерство финансов, инвестиции в особый район Джуронга направлялись одноименной городской корпорацией. Финансировал промышленность Банк индустриального развития.

Как отмечал экономист В. Н. Курзанов, «специфика государственных капиталовложений в Сингапуре состояла в том, что предпринимательская деятельность государства была стимулятором и катализатором частного предпринимательства в стране» [83. С. 19]. Действительно, многие компании и предприятия создавались с участием государства. Они были призваны обеспечивать условия для роста частного предпринимательства. При этом особенность Сингапура в том, что государственные предприятия оперируют на равных с частными компаниями условиях. Изначально главным критерием права на жизнь была прибыльность, а ее отсутствие грозило банкротством. Государственные компании не получали ни особых привилегий, ни дополнительных льгот. В Сингапуре считают, что это позволило избежать или свести к минимуму распространенные социально-экономические пороки – неэффективность государственного предпринимательства, коррупции.

Одними из первых государственных предприятий стали судоходная компания «Нептун ориент лайн», в которой 70% капитала

приходилось на государство, «Кеппел шипъярд» – соответственно 75, «Нэшнл эйрон энд стил миллз», строившая металлургические заводы – 20%.

С самого начала усилиями персонала высокой квалификации Инвестиционной корпорации правительства Сингапура (Government of Singapore Investment Corporation) организация бизнеса была поставлена четко и в самой стране, и позднее за ее пределами.

Вместе с тем большая часть действовавших в Сингапуре предприятий были малыми и средними. Поэтому для оказания им консультативной, технической и финансовой помощи в 1963 г. при Управлении содействия экономическому развитию был создан Отдел легкой промышленности.

Что касается крупных предприятий, то стимулировать их развитие должны были принятые в 1970 и 1975 гг. поправки к Акту 1967 г. Статус пионерного предприятия предоставлялся при основном капитале не менее 1 миллиона долларов США. Для экспортных фирм срок освобождения от налогов пионерного предприятия увеличился от 3 до 5 лет. Период льготного взимания налога на корпорации с экспортных фирм был сокращен с 15 до 8 лет. Иностранные инвесторы получали льготы – право на беспошлинный перевод прибылей и репатриацию капиталов, гарантии капиталовложений, освобождение от налога на проценты по банковским вкладам для иностранных граждан, освобождение от двойного налогообложения и ряд других [83. С. 14 – 15].

Привлечение крупнейших мировых компаний к экономической деятельности в Сингапуре диктовалось необходимостью строить современные капиталоемкие и наукоемкие предприятия, получать современные технологии и «ноу-хау». Такой курс привел к положительным результатам. Например, уже во второй половине 80-х годов, не имея собственной нефти, Сингапур стал крупнейшим центром ее переработки и торговли нефтепродуктами в Юго-Восточной Азии. Первый нефтеперерабатывающий завод был построен корпорацией «Шелл истерн петролеум» на острове Пулоу Бакум, второй завод возведен в следующем году в Пасир Паджанге транснациональной компанией «Бритиш петролеум». В 1966 г. компания «Мобайл ойл Сингапур» построила нефтеперерабатывающий завод и нефтехранилища в индустриальном центре Джуронг и в Пулоу Песак. Стремительно росли мощности нефтяного гиганта «Шелл», и к 1973 г. они достигли 400 тыс. баррелей в сутки [97. С. 159]. В середине 70-х годов было уже шесть крупных нефтеперерабатывающих заводов, принадлежавших Шелл, Бритиш петролеум и Мобойл. Быстрое развитие этой отрасли объяснялось тем, что во

второй половине 60-х годов несколько ухудшились перспективы деятельности нефтяных гигантов в Индонезии, а также тем, что в первой половине 70-х годов начался мировой нефтяной бум.

Другой отраслью, привлекавшей иностранный капитал, было машиностроение. Для разведки, добычи, транспортировки и переработки нефти требовалось оборудование, которое и начали производить в Сингапуре на новых предприятиях. Быстро шагнула вперед нефтехимическая промышленность. Но главным успехом этого этапа индустриализации можно считать появление производства электроники, а кроме того, модернизацию и расширение судостроительной и судоремонтной промышленности. Благодаря такой экономической политике удалось достигнуть не только высоких среднегодовых общих темпов роста (60-е годы – 8,8%, а в следующем десятилетии – 8,5%), но и обеспечить опережающее развитие промышленности за счет интенсивного притока в нее инвестиций.

Таким образом, уже в первые два десятилетия существования суверенного государства роль основной движущей силы экономики играла промышленность. В 1965–1975 гг. ВВП Сингапура увеличивался в среднем на 10%, а промышленность развивалась быстрее. За это десятилетие удалось решить первоочередные проблемы, прежде всего покончить с бедностью и обеспечить более половины граждан страны жильем. Темпы развития промышленности нарастали и в первой половине 80-х годов. В среднем этот показатель с 1960 по 1984 г. составил 16,3%.

Весьма позитивным признаком был нарастающий в стране процесс накопления, что позволило всем хозяйственным субъектам увеличивать капиталовложение. Уровень накопления, составлявший в 1960 г. лишь 7,9% ВВП, в 1984-м достиг 41,6% т.е. более чем вдвое превышал мировой стандартный показатель тех лет – 20% [180. С. 14].

В результате количественных и качественных изменений, которые наблюдались в экономике страны уже в начале 70-х годов, в ней произошли структурные сдвиги. Преобладающей тенденцией было преобразование хозяйства Сингапура, которое традиционно базировалось в основном на одной отрасли (доходы от портового хозяйства), в многоотраслевой промышленный комплекс, продукция которого шла главным образом на экспорт. В такой структуре нашла отражение концепция «стратегического выбора лидирующего сектора в несбалансированной экономике» профессора Йельского университета А. О. Хиршмана. В своей работе «Стратегия экономического развития» он утверждал, что определенным отраслям экономики надо дать «сильный толчок с тем, чтобы импульс от них

перешел на другие, и от одной фирмы на другую» [144. С. 62–66]. Правительство Республики сумело сделать главное – определить концепции и теории, применимые в конкретных условиях страны. Как отмечал впоследствии профессор Национального университета Сингапура Лим Чионг Ях, поистине огромное преимущество этого государства в том, что оно не было сковано какой-либо конкретной официальной идеологией или догмой. Оно может свободно выбирать такую политико-экономическую доктрину, которая сулит населению лучшую жизнь. «Основной принцип политики Сингапура – это прагматизм, рациональный прагматизм» [155. С. 27].

Ли Куан Ю не раз заявлял о своей приверженности «меритократии», т. е. принципу формирования правительства, а также других значимых государственных учреждений из людей заслуженных и высокопоставленных. Основателем этой политологической доктрины был английский социолог М. Янг, который в своей книге «Возвышение меритократии (1870–2033)», опубликованной в 1958 г., писал о приходе к власти в современных государствах и последующем крахе новой олигархии. Тем не менее, он сосредоточил внимание прежде всего на проблемах совершенствования в государстве системы образования. После выхода в свет в 1973 г. работы американского социолога Д. Белла «Становление постиндустриального общества» к подготовке и отбору кадров стали подходить шире. В частности, выдвигался тезис о необходимости замены неэффективной бюрократии технократией, которая формируется из наиболее одаренных и трудолюбивых граждан – выходцев из всех слоев общества. Однако другие американские экономисты и политики (Д. Белл, З. Бжезинский, М. Платнер) считали, что «новая интеллектуальная элита вносит наибольший вклад в благосостояние всего общества» [96. С.183–184].

В Сингапуре «меритократия» получила свою оригинальную интерпретацию. Представители руководства страны считают, что многорасовое общество в Сингапуре строится на принципе меритократии, т.е. власти *по заслугам*, и поэтому «не национальная принадлежность, а заслуги и достижения являются определяющими критериями в продвижении индивида по социальной лестнице» [80. С. 96 – 97].

В середине 70-х годов в Сингапуре была разработана стратегия перестройки производства, нацеленная на получение более высокой добавленной стоимости, а также преимущественное развитие сферы услуг. Этот курс не менялся и в последующие десятилетия и в конечном счете привел Сингапур к статусу развитого промышленного государства. Потребовалось повысить уровень образования и

подготовки квалифицированных кадров, увеличить инвестиции на единицу занятости, поднять производительность труда при усложнении производственных процессов.

Сочетая иностранные инвестиции с государственными и сингапурскими частными, правительство успешно проводило политику ускоренной индустриализации. Оно использовало широкие контакты с ТНК и получило доступ к современному оборудованию и технологиям, что позволило стране перейти от сборки к полному циклу производства более сложной продукции. На первом этапе электротехнические и электронные предприятия стали создаваться при содействии американских компаний «Дженерал электрик» и «Тексас инструментс». Последняя в 1969 г. открыла в Сингапуре предприятие, специализирующееся на производстве полупроводников. Позднее в эту новую отрасль пришли японские компании, которые построили в Джуронге комплекс для производства телекоммуникационных систем.

К середине 80-х годов разительные перемены в структуре национального хозяйства привели к тому, что в ВВП вырос удельный вес перерабатывающей промышленности, доля которой в 1960 г. в факторных ценах составляла 11,9%, а уже в 1984 г. – 25%, и произошли существенные изменения в ее внутренней структуре [180. С. 7–8]. За десять лет (1965–1975) иностранные компании, в том числе ТНК, вложили в перерабатывающую промышленность Сингапура свыше 4 млрд. синг. долл. В 1975 г., по данным сингапурского экономиста Джона Вонга, на «чисто» иностранных промышленных предприятиях, составлявших 17% от общего числа предприятий в стране, работало 36% всех занятых и создавалось 49% добавленной стоимости, производимой в промышленности. В том же году 91,1% экспортируемой Сингапуром продукции поставили иностранные фирмы и совместные предприятия, тогда как компании, целиком принадлежавшие сингапурскому капиталу, – лишь 8,9% [201. С. 74–75].

Второй комплексной задачей, решение которой должно было обеспечить конкурентоспособность сингапурских товаров на мировом рынке, правительство считало совершенствование технологических процессов в промышленности, повышение производительности труда, подготовку квалифицированных кадров. Созданный Фонд развития профессионализма, а также различные программы подготовки технических кадров при широком привлечении иностранных специалистов обеспечили Сингапуру выход на передовые рубежи производства, что создало предпосылки для дальнейшей диверсификации отраслей с новейшей технологией. Вместе с тем

Сингапур начинал утрачивать такую заманчивую для ТНК черту, как дешевый труд, поскольку принципиальной установкой правительства было повышение зарплат во всех секторах национального хозяйства.

Осложнения, возникшие в сингапурской экономике в середине 80-х годов, побудили некоторых западных и южнокорейских предпринимателей к переносу части своих производств в соседний малайзийский штат Джохор, где оплата труда была гораздо ниже.

В 1981 г. было определено основное направление развития промышленности, рассчитанное на десять лет, и наступил новый этап индустриализации. На этом этапе требовалась ультрасовременная инфраструктура мирового класса, комплекс взаимосочетаемых и взаимодополняемых воздушных, морских, телекоммуникационных связей и эффективной логистики. (Согласно определению американского Совета по логистическому менеджменту под этим термином обозначается весь процесс эффективного планирования и практического управления потоками сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, включая утилизацию отходов, от пункта происхождения до пункта потребления, низкие издержки складирования; логистика предполагает увязывать весь этот процесс с информацией о запросах потребителя. До одной четвертой части ВВП индустриально развитых стран формируется с использованием логистических теорий.) Важный компонент внешнеэкономических операций Сингапура – реэкспортная торговля в последние годы немыслима без широкого применения логистики, т. е. управляющего алгоритма, который различными экономико-математическими методами позволяет оптимизировать работу отдельных элементов всего процесса и объединить их в единую систему [99. С. 483, 738]. Такое использование логистических технологий позволяет Сингапуру не только сохранять старые рынки, но и успешно продвигаться на новые. Все дальнейшее развитие экономики исходило из новейших требований модернизации: сокращения производственного цикла с учетом «времени до рынка». Одновременно расширялись и партнерские отношения с ТНК. Вклад международных компаний в ВВП Сингапура составил в 1998 г. 42%, тогда как доля местных частных компаний была немногим больше – 46%, а государственных предприятий – 12% [100. С. 242].

Чтобы обеспечить высокие темпы промышленного развития, требовалось жизненное пространство, а оно у этой республики весьма ограничено. Сингапур, как и Голландия, шаг за шагом упорно отвоевывал у моря все новые участки земли. Благодаря осушитель-

ным и насыпным работам площадь города-государства увеличилась с 581 кв. км в 1965 г. до 697,1 кв. км. Из них на центральный остров приходилось 617 кв. км (42 x 23 км), а остальную территорию составляли 63 небольших острова. Наиболее крупные из них – Пулоу Теконг, Пулоу Убин, Сентоса, Джуронг [36. С. 26]. (Работы по увеличению суши до 1 тыс. кв. км продолжаются.) Как уже отмечалось, политика строгого районирования ограниченной территории государства дала свои позитивные результаты.

Одной из крупнейших промышленных зон стал о. Джуронг и прилегающие к нему районы. Это восьмая часть всей площади государства. После осушения довольно больших участков заболоченного острова стало возможно проложить железнодорожные пути, которые связали Джуронг с Сингапуром и Малайзией. Здесь был сооружен крупнейший в ЮВА грузовой порт. Территория Джуронга была разделена на три района. В первой из них размещались предприятия легкой промышленности, главным образом электронной и электротехнической, во втором районе строились объекты тяжелой индустрии, в том числе металлургической, нефтяной, судостроительной и химической. Третья специальная зона была отведена под предприятия, которым необходимы транспортные средства, предназначенные для наливных и насыпных грузов. Число промышленных предприятий в Джуронге выросло с нескольких десятков в середине 60-х годов до тысячи и более в 90-х [83. С. 16]. Кроме того, в промышленной зоне Кланг Парк расположились судостроительные и судоремонтные предприятия, а в зоне Кланг Басин разместилась легкая промышленность.

В первую очередь правительство заботилось о повышении конкурентоспособности сингапурской продукции и ее соответствии мировым стандартам. Управление экономического развития предложило распределить промышленные предприятия по группам, а также создать бизнес-центры, чтобы привлечь в Сингапур малых и средних предпринимателей из европейских стран. Разумеется, при этом не упускалась из виду и более важная цель – обеспечить приток капиталовложений в новые технологические области экономики Сингапура.

Ориентированное на экспорт производство могло выдержать конкуренцию на мировом рынке лишь при высокой производительности труда. Первую кампанию, направленную на решение этой задачи, Ли Куан Ю развернул в 1981 г. В своем выступлении перед согражданами, аргументируя долгосрочные намерения правительства, он сослался на старую китайскую поговорку: чтобы вырастить урожай, достаточно годового плана, чтобы возделывать сад, нужен

десятилетний план, а чтобы воспитать человека, необходим план на всю жизнь [86. С. 14]. Повышение производительности труда проводилось в Сингапуре в несколько этапов. Вначале, в 1981–1985 гг., было «осознание» его необходимости, затем в 1986–1988 гг. следовало «действие», т. е. начало комплекса действий в этом направлении. 1989 год был посвящен воспитанию уважительного отношения к «собственности»; с 1990 г. главной целью трудящихся объявлялось «качество» продукции, и с 1995 по 2000 г. основным лозунгом стали «инновации и качество». Концепция последнего этапа предполагала конечный эффект от совокупного увеличения отдачи обновленных факторов производства [86. С. 247]. Согласно данным МВФ, в 1960 и 1961 гг. из 8,25% среднегодового прироста ВВП 6,5% было получено благодаря аккумулярованию средств и 1,75% вследствие совокупного увеличения производительности факторов производства. С 1972 по 1995 г. уже 57% прироста ВВП достигалось за счет эффективности производства [100. С. 247]. К середине 90-х годов Сингапур уверенно выходил на новый стартовый рубеж, позволивший ставить задачи: перейти к экспорториентированной современной промышленности и значительно расширить и укрепить финансовый сектор.

Сингапур – Цюрих Востока

В колониальные времена в банковской сфере были, естественно, сильны позиции иностранного капитала, прежде всего английского. Его господствующее положение обеспечивалось контролем над малайской валютой через стерлинговый пул. В 1965 г. на долю иностранных банков приходилось 60% всех банковских депозитов и около 40% операций. После того как Сингапур обрел независимость, одной из ключевых задач его правительства было взятие банковского сектора под национальный контроль.

В 1968 г. был учрежден Банк развития промышленности, в функции которого входили предоставление кредитов, гарантий, участие в капитале предприятий и др. К этому времени в Сингапуре было 36 коммерческих банков, их консолидированные активы составляли 3674 млн. долл. США.

Выполняя установку правительства, с 1971 г. Валютное ведомство Сингапура (Monetary Authority of Singapore – MAS), а по сути, Центральный банк страны, совместно с Банком развития держат курс на превращение города-государства в Цюрих Востока.

В результате целенаправленных усилий правительства и набиравших силу местных финансистов к 1984 г. в стране уже действовало 125 банков, а их активы достигли 65 700 149 долл. США. При этом лишь 10 банков были национальными. В начале XXI века число офисов иностранных банков возросло до 220. В результате к концу 2004 г. в Сингапуре было открыто 111 банков, в том числе лишь пять местных. Активы последних тогда же составляли 398 млрд. долл. США. Картина финансовой сферы Сингапура предстанет более полно, если к названным цифрам добавить 50 торговых банков, активы которых вместе составляли 59,2 млрд. долл., и кроме того, учесть три финансовые и 141 страховую компанию [36. С. 138].

Стремление превратить Сингапур в финансовый центр ЮВА проявилось во многих начинаниях. В 1968 г. (после консультаций с рядом международных банков) был образован рынок азиатских долларов, т. е. (Asian Currency Unit – ACU), по существу, новых международных денег. Был создан особый рынок капитала, где производятся операции с иностранной валютой различными банками, имеющими соответствующую бухгалтерию (book keeper units) и получившими разрешение на операции с азиатским долларом от MAS. По своему статусу и функциям это своего рода прообраз офшорного банка. Например, для них был отменен 45%-ный налог на проценты, получаемые нерезидентами. В 70-е годы лидирующее положение на рынке азиатских долларов заняли американские банки. Как правило, иностранные финансовые учреждения занимались кредитованием ТНК. В конце 70-х годов объем операций рынка ACU составил 30 млрд. долл. США, в 1992 г. он достиг 355 млрд., а перед тем как грянул азиатский финансовый кризис, сумма произведившихся 224 фирмами транзакций в долларах, иенах, марках составила 557 млрд. долл. США.

В 1981 г. была учреждена Инвестиционная корпорация правительства Сингапура (The Government of Singapore Investment Corporation), председателем которой стал Ли Куан Ю, а в совет директоров вошли будущий премьер Сингапура Го Чок Тонг, известные экономисты и предприниматели. Это событие свидетельствовало о существенном расширении зарубежных операций с государственными фондами. Кроме того, банки покупали драгоценные металлы на мировых финансовых рынках, приобретали недвижимость, а также финансировали строительство различных объектов вне пределов страны. Для сингапурских предпринимательских кругов создавались новые возможности активизации.

«Великий азиатский финансовый кризис», который разразился в середине 1997 г. в нескольких странах Восточной и Юго-Восточной Азии, проявился в следующем: резко упали курсы национальных валют, выросли «проблемные долги», не возвращались многие банковские кредиты и наблюдались прочие деструктивные явления. Число и объемы операций с АСУ сократились, но сама банковская система Сингапура выстояла перед ударами кризиса.

Политика либерализации банковского сектора проводится с 1999 года. К концу 2004 г. в Сингапуре было открыто 111 коммерческих банков, в том числе лишь пять были местными. Активы последних тогда же составляли 398 млрд. долл. США. Картина финансовой сферы Сингапура будет более полной, если к названной цифре добавить 50 торговых банков, активы которых вместе составляли 59,2 млрд. долл., и, кроме того, учесть еще три финансовые и 141 страховую компании [36. С. 138]. Банковский сектор Сингапура не только смог противодействовать распространению кризиса на страну, но и быстро восстановить свои позиции.

Основанная в 1984 г. Сингапурская международная валютная биржа «Симекс» функционирует по образцу Чикагской коммерческой биржи. На ней активно проводятся самые разные, в том числе фьючерские, операции с иностранной валютой, затрагивающие деловые интересы практически всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Сингапур по этому показателю обогнал Цюрих и занял четвертое место в мире. Ежегодный оборот операций на валютной бирже Сингапура превышает 100 млрд. долл. США, в то время как местный финансовый рынок оценивается в 420 млрд. долл. [36. С. 140].

Сингапур превратился в финансовую и казначейскую базу для сотен ТНК и многих ТНБ, а также различных многонациональных корпораций, общее число которых в 2006 г. составляло около 7 тысяч. Здесь находятся 160 организаций по управлению фондами и контролируемые ими активы достигают 86 млрд. долл. США [100. С. 244]. В республике сформировалась здоровая и поддающаяся гибкому регулированию финансовая система. Благодаря деятельности ее институтов, а также национальных и некоторых транснациональных банков за Сингапуром закрепился статус ключевого финансового центра в Азии, и он стал четвертым рынком иностранных валют в мире и вторым (после Японии) в Азии. В 2005 г. республика заняла третье место в мире после Лондона и Нью-Йорка по числу крупных банков.

Сотрудничество на различных условиях с сингапурскими компаниями создает прочную и разветвленную бизнес-сеть в системе меж-

дународных деловых отношений. Политика правительства во всех сферах экономики, включая банковское дело, вела к основной цели – скорейшей интеграции страны в мировое хозяйство. Экономист С. Раджаратман так охарактеризовал этот курс: «Сингапур своевременно учел перспективы расширения международной торговли в 1960–1980 годы, начал ускоренную индустриализацию и модернизацию всех сфер экономики при внедрении современного менеджмента, нашел свою модель “глобального города” и таким образом вписался в “новый глобальный капитализм”» [168. С. 101, 106–107].

В 1997 г., по заключению Международного валютного фонда, Сингапур, Гонконг, Израиль, Тайвань, Республика Корея относятся к группе стран с «развитой экономикой». Однако министерство торговли и промышленности Сингапура сочло необходимым заявить, что «принадлежность Сингапура к данной группе стран не ставит Сингапур вровень с государствами, имеющими подлинно развитую экономику». Это заявление отчасти объяснялось стремлением правительства сохранить некоторые привилегии в международной торговле, которыми Сингапур пользовался согласно условиям Генеральной системы преференций.

Различные международные организации, определявшие рейтинг мировой конкурентоспособности государств на основе сложного комплекса макропоказателей, также отводили Сингапуру первые места, близкие к Соединенным Штатам Америки и Швейцарии. Например, во второй половине 90-х годов Мировой экономической форум признал экономику Сингапура первой в мире по конкурентоспособности. МБРР в 1997 г. поставил Сингапур на четвертое место по душевому доходу населения и на 34-е по объему ВВП. В 1998 г. город-государство вновь занял первое место по конкурентоспособности своей экономики. Американская служба оценки риска бизнеса сочла островную республику второй после Швейцарии по уровню прибыли. Журнал «Евромани» в сентябре 1998 г. охарактеризовал Сингапур как страну с наименьшим риском для предпринимательства. Все приведенные показатели позволяют оценить способность экономики генерировать новые бизнес-модели, пригодные для восприятия, распространения и применения новых идей и процессов. Преобразования и либерализация в финансовом секторе продолжаются. За относительно короткий для развития промышленности период Сингапур стал не только признанным промышленным и финансовым центром в ЮВА, но и создал себе стартовую площадку для перехода на следующую стадию развития – в постиндустриальное общество.

Переход к суперсовременному производству

Еще на рубеже 70-х и 80-х годов в политических и деловых кругах Сингапура родилась идея перейти к устойчивому экономическому росту, сделав ставку на новейшие достижения науки и техники. В частности, стали изучаться возможности использовать потенциал передовых систем информации и связи и превратить их в основную движущую силу развития. Выбор в пользу перехода от многоотраслевой экономики к суперсовременному производству, продукция которого способна выдерживать любую конкуренцию на мировом рынке, окончательно определился в 1990 г. Тогда на место правившего государством 31 год Ли Куан Ю пришел его заместитель Го Чок Тонг. Так называемая старая гвардия передала власть «новой гвардии». Правда, это вовсе не значило, что Ли Куан Ю отошел от дел: специально для него учредили пост старшего министра, а позже министра-ментора. И все же он оставался в кабинете единственным представителем «старой гвардии», утратившей свои позиции в руководстве Партии народного действия и правительстве после выборов 1988 г.

Пришедшие к власти представители нового поколения во главе с Го Чок Тонгом вносили существенные коррективы в экономическую политику, целью которой было заложить основы для будущего процветания Сингапура. Заняв пост премьер-министра, Го Чок Тонг подобрал команду единомышленников, призванных обеспечить дальнейший переход к промышленности, ориентированной на экспорт. Предполагалась также более тесная интеграция с соседними странами, и это требовало и определенных изменений во внешней и внутренней политике, а также подготовки новых кадров, способных к работе за рубежом. Как отмечали австралийские исследователи Сингапура на конференции под названием «Политические и экономические течения в индустриальном Сингапуре», проходившей в конце 1991 г., «новая гвардия» взяла на себя задачу смягчения авторитарного стиля руководства страной [154 б. С.71–76].

Новое правительство представляло собой довольно сплоченную группу. В нее входили технократы Ричард Ху, занявший одновременно посты министра финансов и главы Валютного ведомства, старший сын Ли Куан Ю бригадный генерал Ли Хсиен Лун, ставший заместителем премьера, Джордж Лео, возглавивший министерство информации и культуры, Дж. Йео, назначенный ми-

нистром торговли и промышленности. Этот кабинет, опираясь на известных в стране деятелей (Го Кенг Сви, Хон Суй Сен, Дж. Пилэй), которые стояли во главе крупнейших государственных компаний, а также занимали видное положение в руководстве ПНД, вырабатывал и принимал государственные решения. Такой состав правящей элиты отражал интересы политических и предпринимательских кругов и отчасти набиравшего силу среднего класса.

«Новая гвардия» взяла курс на целенаправленное вмешательство в экономику. Правительство принимало решения, которые проводили в жизнь семь государственных организаций: Совет развития экспорториентированного производства, Корпорация «Джуронг таун», Управление сингапурского порта, Совет общественных коммунальных служб, Корпорация «Сентос», Управление телекоммуникаций Сингапура и Совет по делам строительства. Кроме них, действовало более 30 различных государственных учреждений и организаций, а также 450 компаний с участием государства.

В 1993 г. началось осуществление в ЮВА сингапурской Программы развития деловой активности в регионе. Государство помогало сингапурским предпринимателям расширять и диверсифицировать деятельность в соседних странах, причем имелись в виду не только КНР, государства Юго-Восточной и Южной Азии, в том числе и Индия, но и далекие от Сингапура и не традиционные для него рынки Африки и Латинской Америки.

В феврале 1991 г. на рассмотрение парламента было внесено предложение группы депутатов поддержать зарубежную деятельность сингапурских предпринимателей. По идее авторов этой инициативы – членов ПНД – предпринимателей необходимо заверить в том, что возвращение на родину и их самих, и членов их семей будет приветствоваться. Такой подход кардинально отличался от прежнего отношения к тем, кто покидал страну по каким-либо причинам: их отъезд за границу расценивался как уклонение от гражданского долга – службы в армии и даже как предательство своей страны ради личных интересов. С изменением официальной мотивации предпринимательской деятельности менялась и государственная идеология и внутренняя политика.

Инициатором новой внутренней и внешней экономической политики был сам премьер Го Чок Тонг. Сингапур, например, предложил создать совместно с Малайзией и Индонезией трехсторонний центр ускоренного экономического роста на индонезийском острове Батам. Другим новшеством стала активизация экономических связей в Индокитае, в том числе с выходящей из глубокого политического и экономического кризиса Камбоджей. Еще в 1992 г. стали

готовиться соглашения о свободной торговле с членами АСЕАН. Глава правительства считал, что чем крепче будут региональные связи, тем больше возможностей для диверсификации получит сингапурская экономика.

Работа о «внешнем крыле экономики», т. е. о развитии предпринимательской деятельности за границей, естественно, предполагала, что вывоз сингапурского капитала увеличится. Действительно, в 1995 г. валовые зарубежные капиталовложения Сингапура составили 21% ВВП (в Швейцарии за тот же год соответственно – 30%). К марту 1997 г., перед финансовым кризисом в Азии, 5200 сингапурских компаний инвестировали в различных странах 46 млрд. долл. США (60% в Азии, 10 в Европе и 5% в Северной Америке). Полученная ими чистая прибыль составила в 1996 г. 17 млрд. долл. США. Сингапурские предприниматели принимали участие не только в строительстве отдельных объектов на территории Китая, они помогали создавать в этой стране, а также в Индии, Индонезии, Таиланде, Мьянме, Вьетнаме и на Филиппинах промышленные зоны. Зарубежную активность сингапурского капитала правительство поддерживало не только финансами, но и политически. Например, началу строительства в Индии технологического парка и аэропорта в Бангалоре предшествовал визит в эту страну Го Чок Тонга.

Особые возможности для Сингапура Го Чок Тонг и Ли Куан Ю видели в создании центра ускоренного роста в 20 км от границы города-государства в индонезийской провинции Риау. Этот центр сначала именовался Сиджхори (акроним от Сингапур, Джохор, Риау), а потом Бареланг (от названий островов Батам, Ремпанг, Галанг, вошедших в него позднее). Совместное учреждение Бареланга тремя сторонами было одним из первых шагов политики активной экономической интервенции в новых формах в страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии согласно сингапурскому варианту концепции регионализма. На эти цели отводятся около трети валютных резервов Сингапура (75,7 млрд. долл. США).

Вместе с тем, как отмечал еще в 1991 г. австралийский исследователь Крис Леггет, когда Сингапур перешел к выпуску новых видов продукции с высокой добавленной стоимостью, выяснилось, что интеграция государства в мировое хозяйство отчасти противоречит сложившейся системе экономических отношений. В 90-е годы эти противоречия стали обретать особую остроту, однако изменения в системе институтов в Сингапуре, обеспечивавших развитие экономики, не поспевали за вызовом времени. В частности, оставался жестким контроль корпораций над работающим

персоналом [154 б. С. 117]. Тем не менее при участии «новой гвардии» отношения между государством и поднимающимися группами буржуазии постепенно менялись. Менялись механизмы и организация управления государственным сектором. Например, при подготовке социально-экономических планов правительство стало консультироваться с представителями корпораций. Однако государство не утратило решающей роли в определении макроэкономических программ, что проявилось во всех принятых планах: Экономической стратегии, Национальном плане развития технологии, Концептуальном и др. Недаром Марк Хонг, много лет проработавший в России на посту чрезвычайного и полномочного посла Сингапура, называет «стратегическое планирование национальной религией страны». Он пишет: «В Сингапуре люди, занимающиеся планированием, всегда учитывали опасности, которые могут скрываться за горизонтом» [100. С. 243]. Это во многом помогло Сингапуру, несмотря на различные трудности, следовать намеченной и хорошо разработанной стратегии. Государство все увереннее управляет макроэкономическими процессами.

То, что именно государство определяет в Сингапуре пути экономической политики и владеет при этом мощными корпоративными компаниями, вызывают нарекания международных организаций. От Сингапура требовали провести реформы и избавиться от излишнего этатизма. В ответ в 90-е годы, впервые за десятилетия независимости, в Сингапуре стали признавать, что следует продумать возможность приватизации некоторых государственных компаний и выработать современный стиль их управления.

В Сингапуре, как и в подавляющем большинстве стран Азии, особую роль в экономической и правящей элите играли семьи первых лиц государства. Например, крупнейшую компанию «Сингапур телекоммуникейшн», выпускавшую пейджеры и мобильные телефоны, в которой правительству принадлежало 82% уставного капитала, возглавлял Ли Сянь Янг, младший сын Ли Куан Ю. В 2002 г. главой крупнейшего государственного холдинга «Темасек» была назначена Хо Чинг, супруга Ли Сянь Луна. Таким образом в Сингапуре семейство Ли составляет весьма весомую группу, если не ядро, экономически и политически господствующей элиты. Как правомерно отмечает Э. М. Гуревич, всех членов семьи отличают прекрасная подготовка и высокий профессионализм. В частности, Хо Чинг относится к пока еще немногочисленной группе топ-менеджеров, хорошо владеющих современными методами организации бизнеса. После окончания Стэнфордского университета она в течение 10 лет успешно руководила оборонным комплексом, вхо-

дающим в «Темасек» [80. С. 136]. Однако западные исследователи оценивают такое положение отрицательно, поскольку не обеспечивается транспарентность экономической и политической жизни и не достигается ее либерализация. Учитывая эту критику, Хо Чинг впервые за 30 лет работы холдинга опубликовала финансовый отчет о его деятельности, а также внесла значительные изменения в стиль менеджмента.

После учреждения в 1991 г. Национального совета по делам науки и технологии (National Science and Technology Board), ставшего центром генерирования новой политики в этой области, разработка концепции дальнейшего развития страны и формирования новой модели экономического роста ускорилась. С наступлением эпохи глобализации в мире стремительно менялись условия хозяйствования, и Сингапур, не обладающий природными ресурсами, осознает, что в будущем он не сможет соперничать с более крупными азиатскими конкурентами. Оптимальной представлялась модель экономики, основанной на последних достижениях науки.

Национальный стратегический экономический план Сингапура был принят в 1991 г. Этот план предусматривал к 2010 г. перейти от капиталоемкой экономики к наукоемкой экономике, в которой главные роли будут у промышленности и сектора услуг. План предусматривал развитие торговли, транспорта, технологической и финансовой инфраструктуры, страхования, туризма, международных услуг, точного и тяжелого машиностроения, вспомогательных производств. Для планомерного роста национального хозяйства особенно важно было совершенствовать трудовые ресурсы. Предусматривалось, что к 2030 г. Сингапур по уровню жизни должен сравняться с США и стать страной с высокоразвитой экономикой. План включал пять программ, направленных, главным образом, на повышение конкурентоспособности, укрепление позиций местного предпринимательства и разрастание сингапурских компаний до уровня ТНК.

В 1992 г. был принят Генеральный план превращения Сингапура в «остров образования» с фондом 200 млн. долл. США. Он предусматривал содействие установлению связей между правительством, бизнесом, образованием на основе информационной технологии. В 90-е годы среднегодовые темпы роста информационной технологии составили 26%. Правительство сочло своевременным поставить задачу превращения Сингапура в центр информационной технологии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. За данным планом в 1996 г. последовал второй Национальный план развития науки и технологии, рассчитанный на пять лет и предполагавший инвестиции в размере 4 млрд. долл. США. Предстояло наладить

систему связей между правительством, бизнесом образовательными учреждениями на основе информационной технологии. В 90-е годы среднегодовые темпы роста этой отрасли составили 26%. Правительство сочло своевременным поставить задачу превращения Сингапура в центр создания новейших информационных технологий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вслед за этим планом в 1996 г. вступил в силу рассчитанный на пять лет Национальный план развития науки и технологии, намечавший инвестировать на эти цели 4 млрд. долл. США. Предполагалось содействовать широкому применению достижений науки и технологии во всех отраслях промышленности, наращивать контингент научных сотрудников и инженеров. Национальному совету по делам науки и технологии предстояло обеспечить для этого необходимые условия, а именно следить за улучшением технологических процессов в инфраструктуре, активизировать научные исследования в этой области, прививать стремление к инновациям, поддерживать связи с международными научно-исследовательскими и технологическими центрами разработки новых идей. Однако реализация данного плана была замедлена из-за финансового кризиса в странах Азии.

Воздействие финансового кризиса на Сингапур оказалось не столь разрушительным, как в других странах, хотя темпы экономического роста Сингапура в годы кризиса и сократились с 7–8% в 1996 до 2% в 1999 г., а объем внешней торговли за тот же период упал лишь на 5%. Кризису противостояли прочная финансовая система, сильные позиции сингапурского доллара, а также наличие солидных финансовых резервов. Положительную роль сыграли и принятые правительством своевременные меры.

После кризиса внимание государства было обращено, прежде всего, на повышение конкурентоспособности и доведение производимой продукции до мировых стандартов. Управление экономического развития Сингапура разработало новые критерии, по которым группировались отрасли промышленности, создавались бизнес-центры для вовлечения малых и средних предприятий ряда европейских стран в предпринимательскую деятельность в Сингапуре. Ведущей тенденцией становилось привлечение значительных капиталовложений в новые технологические области.

Несущим компонентом макроэкономической модели является инфраструктура мирового класса, включающую энергетику, комплекс воздушных, морских и телекоммуникационных связей, и эффективная внутренняя логистика. Ее дальнейшее развитие исходит из архисовременного требования сокращения производственного

цикла. Одновременно продолжалось расширение партнерских отношений с ТНК. Вклад последних в ВВП Сингапура составил в 1998 г. 42%, в то время как сингапурских частных компаний лишь незначительно больше – 46%, а государственных предприятий – 12% [100. С. 242].

Совет экономического развития Сингапура неукоснительно проводил политику, поощряющую переход обрабатывающей промышленности на производство более наукоемкой и высокотехнологичной продукции при уменьшении капиталовложений и работников. С преобразованием технологического профиля сингапурской обрабатывающей промышленности изменилась и структура экспортных товаров. В 1980 г. доля продукции, изготовляемой с применением высоких и средних технологий, составляла 37,7%, а в 2000 г. – уже 84,1%. Средний рост производительности труда в отрасли возрос с 5,5% в 1986 – 1990 гг. до 7,2% в 1991 – 1995 гг. и 7,8% в 1996–2000. Во многом такие перемены произошли благодаря улучшению всех факторов производства.

В июне 1998 г. был дан старт движению «Сингапур – XXI», которое включало как одну из своих целей реализацию «Промышленного плана XXI», начавшегося в 1999 г. Выступая 6 августа 1998 г. с речью «Экономика Сингапура в XXI веке», заместитель премьер-министра Тони Тан отметил, что данное движение является дальнейшим развитием Национального стратегического экономического плана. Он подчеркнул, что для эффективного перехода к экономике, базирующейся на знании, необходимо привить обществу культуру созидания, новаторское предпринимательство, стремление к переменам, умение рисковать и стойко переносить неудачи.

Установки плана предусматривали: ежегодно промышленность должна обеспечивать 25% ВВП, а услуги по обслуживанию экспорта – 15%. Намечался ежегодный прирост 20 тыс. рабочих мест. Кроме того, ставились задачи, которые предстоит решить за десять лет в сферах образования, искусства, химии, коммуникаций, средств массовой информации, инжиниринга, здравоохранения, электроники и логистики. Например, чтобы скорее довести уровень образования до самых передовых показателей, предлагалось десяти всемирно известным высшим учебным заведениям, в том числе институтам Вартона, Джона Хопкинса, Карнеги, открыть свои отделения в Сингапуре.

Была разработана Программа технологического предпринимательства, призванная стимулировать новейшие начинания в этой области. Сингапурцы получили возможность обучаться новым профессиям, им предоставлялось льготное финансирование и дру-

гие виды поддержки. Для обеспечения реализации программы был создан Комитет технологического предпринимательства во главе с заместителем премьер-министра Тони Таном. В обязанности Комитета входило организовать научный центр типа Силиконовой долины, а также внести изменения в законодательство, касающееся регулирования технологического предпринимательства. Ставилась задача поощрять дальнейшее расширение рынка венчурного капитала, чтобы обеспечить финансирование проектов, основанных на высоких технологиях. Созданный для этого Венчурный фонд с капиталом в 1 млрд. долл. США к 2003 г. был увеличен до 12 млрд. Таким образом, появился новый институт венчурного, т.е. связанного с повышенным риском, капитала, область операций которого – новые технологии, предложение нового продукта, современный маркетинг. Тем самым создавались необходимые связи между наукой и производством. Венчурные фирмы относились, как правило, к среднему бизнесу. Развитие этого вида предпринимательства, поддерживаемого государством, – показатель того, как усложнялась структура сингапурской экономики.

Успеху новых начинаний способствовали и правительственные ассигнования, возросшие с 757 млн. синг. долл. в 1991 до 3 млрд. синг. долл. в 2000 г. [132. С. 29]. Только за два года – 1997–1998 гг. – возникло восемь научно-исследовательских институтов, пять исследовательских центров, а также 67 корпоративных научно-исследовательских и проектных центров, призванных ускорить внедрение новейшей автоматики, магнетики и микроэлектроники. Кроме того, многие ТНК открыли свои проектные и исследовательские организации. К 2005 г. предполагалось выделить для развития науки и технологии средства в размере 2% от ВВП.

За последние три десятилетия результаты коммерческого освоения новейших достижений в сфере высоких технологий сказались не только в экономике, но и на всем обществе. Появившиеся в стране научные учреждения послужили основой сектора, ведущего разработки в области высоких технологий. В перспективе он поможет развитию нескольких современных отраслей, прежде всего электротехники, электроники, производству транспортного оборудования. Новейшие технологии успешно внедряются во все отрасли национального хозяйства. Кроме того, республике удалось добиться большого прогресса и в области подготовки собственных высокопрофессиональных кадров.

Описанные достижения видны по первым же результатам анализа «экономики знаний» в городе-государстве, в частности проведенного сотрудниками Министерства торговли и промышленности

Сингапура под руководством доктора То Мунг Хенга и Адриана Чу. Количественные параметры роста «экономики знаний» в 1978–2001 гг. были определены эконометрическими методами. Однако основные, проходившие в экономике процессы прослеживались и по другим показателям. В частности, воздействие факторов роста производства на котировку акций компаний, проводивших научные исследования с 1978 по 2001 г., изучалось с учетом годовой депрессии. Как показали расчеты, на один дополнительный доллар, вложенный в НИОКР, отдача экономике составляла 20%. Исследования на микроэкономическом уровне выявили, что каждый доллар, затраченный отдельной фирмой на НИОКР, давал 14% прибыли. Наиболее высокая окупаемость затрат прослеживалась в сфере информационно-коммуникационной технологии и «науке о жизни». Исследования показали также, что отдача от вложенных средств была большей у фирм, пользовавшихся правительственными грантами, чем у компаний, получивших средства для исследований и разработок из других источников.

Исходя из этих показателей, сингапурское правительство предпочло развивать новые направления, не полагаясь на эффективное воздействие рынка, а создать для руководства ими определенные структуры. Вместе с тем у государственных и частных организаций существуют различные установки и цели в научно-исследовательской работе. Согласно оценкам, в государственных организациях на каждый миллион долларов, вложенный в НИОКР, получали 0,19 заявок на патенты, тогда как в частных фирмах – лишь 0,07. Это подтверждает, что деятельность государственных институтов более эффективна и реально содействует развитию НИОКР [132. С. 3–4].

Долгосрочные капиталовложения в НИОКР уже приносят сравнительно высокую прибыль в Сингапуре, а по мере дальнейших разработок отдача от новых технологий и в других отраслях, включая сферу услуг, будет все весомее.

Изучая модель «экономики знаний», действующую в Сингапуре, исследователи этой страны подробно проанализировали четыре фактора, взаимодействие которых определяет «основную движущую силу роста, создания богатства и занятости» [132. С. 4]. Все показатели сопоставляются с данными по США, Канаде, Тайваню и Южной Корее. Это формирование нового знания, его доступность, его распространение и его применение.

Во-первых, формирование нового знания зависит от того, насколько велики затраты на НИОКР по отношению к ВВП. Это позволяет оценить интенсивность проводимых научно-исследовательских работ. В Сингапуре доля расходов на НИОКР выросла с

0,86% ВВП в 1990 до 0,88% в 2000 г. В этом отношении Сингапур оказался примерно на уровне Тайваня и Канады, но все еще заметно отставал от США, Японии и Южной Кореи.

Во-вторых, число научных работников, приходящихся на тысячу человек населения, показывает, насколько страна может обеспечить потребности НИОКР в кадрах. В 2000 г. в городе-государстве соответствующий показатель составлял 4,82 и был гораздо выше, чем в Южной Корее, Канаде и на Тайване.

В-третьих, количество патентов, зарегистрированных в США на душу населения, отражает качество национальной инновационной системы и окупаемость науки. В этом за последнее десятилетие XX века Сингапур добился впечатляющих результатов: в 1990 г. в США было зарегистрировано всего 25 сингапурских патентов, в 2000 г. их было уже 294. И все же по этому показателю Сингапур занимал последнее место в ряду сравниваемых стран: в 2001 г. он зарегистрировал 74 патента на миллион жителей, тогда как Канада – 131, Тайвань – 294, а США почти 350.

В-четвертых, политика, направленная на привлечение ТНК, исходит из целесообразности получения готовой новейшей технологии, и на импорт ее выделяются немалые средства. В 1995 г. на эти цели было потрачено 3,3 млрд., а в 2000 – 7,7 млрд. синг. долл., т.е. 3,3% стоимости всего импорта. Это почти втрое больше среднего показателя для стран ОЭСР, который составлял 1,2%. Из приведенных данных можно сделать вывод, что научные исследования в стране поставлены на широкую ногу, но пока еще недостаточно результативны.

Степень доступности знаний сингапурцам отражается в показателях затрат на импорт технологии в платежном балансе. Помимо этого прямого критерия, следует учесть возможность установления деловых контактов с ТНК, что отчасти зависит также от того, сколько у них головных и региональных офисов, которые могут предоставить технологию и поделиться современными методами организации бизнеса. Таких офисов в Сингапуре было в 1990-м 19, стало в 2000 г. 274, т.е. выросло более чем в 14 раз. По другим данным, перед азиатским кризисом в Сингапуре только в промышленности действовало более 5 тыс. иностранных фирм, 1500 из которых имели на острове свои штаб-квартиры. Кроме того, появлялись все новые отделения, дочерние фирмы и предприятия.

В начале XXI века в Сингапуре оперировало около 7 тысяч многонациональных корпораций. Около половины из них использовали Сингапур как свою базу в ЮВА, а от 800 до 900 компаний производили продукцию на мировой рынок. По опубликованным

данным ЮНКТАД, в 2002 г. семь сотен ТНК в совокупности направили на НИОКР за пределами стран своего базирования 310 млрд. долл. США. Это говорит о весьма благоприятной для Сингапура, а также для Малайзии и Таиланда ситуации: им открыт доступ к инновациям. В частности, в списке стран, принимающих заказы на НИОКР, Сингапур разделял девятое место с Италией. Таким образом, в начале XXI века Сингапур был активно вовлечен в глобальный процесс интернационализации НИОКР. При этом в наибольшем выигрыше были несколько отраслей: электронная, электротехническая, фармацевтическая промышленность и производство средств информатики. Согласно прогнозу экспертов ЮНКТАД в 2005–2009 гг. среди заказчиков НИОКР, вероятно, будут и три страны ЮВА – Сингапур, Малайзия и Таиланд. Согласно ЮНКТАД, то, что ТНК наращивают капиталовложения в странах Азии, начиная с Индии и Китая и кончая государствами ЮВА, характерно для новой стадии глобализации экономики. Подчеркивается, что для ТНК эти страны – не только источники дешевой рабочей силы, но и так называемые полисы роста, места концентрации квалифицированного персонала и новой технологии [205, 14. 02. 2006].

От того, насколько востребованы наукоемкие услуги в бизнесе, зависят его взаимосвязи с глобальными источниками инноваций. Затраты Сингапура на такие услуги за 10 лет возросли вчетверо – с 1,1 млрд. синг. долл. в 1990 г. до 4,7 млрд. в 2000-м. Свое присутствие в Сингапуре расширили известные компании, предоставляющие новейшие научные и технологические услуги. Таковые все больше востребованы сингапурскими фирмами, и это способствует распространению глобальной практики инноваций в различных сферах экономики города-государства.

Успешно создается здесь инфраструктура информационной и коммуникационной технологии – ИКТ. Однако в этой области Сингапур еще не достиг показателей развитых стран. В некоторой степени это сказывается на конкурентоспособности сингапурских товаров, поскольку их цены менее эластичны. В частности, после того как в 2000 г. передовые страны облегчили доступ частного капитала в сферу производства телекоммуникационных систем, цены на соответствующую продукцию в Сингапуре все еще были выше мировых. Тем не менее, по ежегодно публикуемым данным о рейтинге предпринимателей и предпринимательства стран мира, в 2001 г. Сингапур занимал пятое место после США, Канады, Тайваня, Южной Кореи, но опережал Японию.

О том, насколько интенсивно государство развивает новейшие системы информации и связи, свидетельствует доля затрат на эти цели в ВВП. По данным 1999 г., она составляла в Сингапуре 8,8%, в Японии – 8%, а в США 7,9%. К началу XXI века Сингапур обладал одной из лучших в мире инфраструктур ИКТ.

Распространению «всемирной паутины» в городе-государстве содействовал образованный в 1981 г. Национальный компьютерный совет. Было ускорено внедрение новейших технологических средств и появление пула профессионалов в области информатики. Сотрудники и высшие служащие составляли в 2000 г. 36% всех занятых. Эти оценки даны на основе критериев MOT, которые относят к научным работникам не только ученых, но и других лиц умственного труда – менеджеров, старших государственных чиновников, высокопрофессиональных служащих в разных областях.

Эффективность сингапурской «экономики знаний» определяется величиной стоимости, созданной в отраслях, где достижения науки получили широкое применение. С 1983 по 2001 г. эти отрасли давали 53% ВВП, а в 2001 г. их доля достигла 56%. Стоимость, созданная в аналогичных отраслях других стран, была меньше: она равнялась половине ВВП в США, Австралии и в большинстве членов Европейского Союза [6].

Благодаря модернизации образования повысилась квалификация большей части занятых и, соответственно, производительность труда: в среднем за год (1981–1996) на 4,5%. А в тот же отрезок времени среднегодовое увеличение зарплаты составило 6,1% [100. С. 248].

С начала 90-х годов обращалось внимание не только на повышение производительности труда, но и на качество выпускаемой продукции. В 1994 г. Государственный совет по производительности труда и контролю за качеством установил основные критерии добротности продукции. Тогда же была учреждена награда за качество по примеру аналогичной американской награды за качество, введенной Малькомом Балдриджом. Эта сингапурская премия присуждалась компании, которая отличилась самыми высокими показателями производительности труда, качества продукции и услуг, образцовой постановкой информации и менеджмента, успешной работой с кадрами и рациональным планированием.

Стремясь к совершенствованию технологической базы промышленности, Сингапур сосредоточил внимание на развитии нескольких отраслей. Например, за последние два десятилетия доля электронной промышленности в добавленной стоимости увеличилась с 18% в 1983 до 48% в 2000 г. Однако в начале XXI века на

мировом рынке появились симптомы падения спроса на электронику, и Экономический комитет по пересмотру политики развития обрабатывающей промышленности рекомендовал переключиться на новые направления, в частности на нанотехнологии, системы производства альтернативного топлива, перформаторных материалов, которые дают более высокую добавленную стоимость, но при условии использования новейших знаний. Именно поэтому Комитет рекомендовал расширять сферу услуг в области образования, финансов, развивать туризм, торговлю и обслуживание логистики, а также профессиональные услуги. В 2000 г. сектор услуг давал 23,6% ВВП. Предположительно среднегодовые темпы прироста этого сектора – с 7,3 до 8,7%, и к 2012 г. он будет приносить около 31,8% ВВП.

С начала 90-х годов Сингапур взял курс на формирование собственной научно-исследовательской базы. Научно-техническая революция дала возможность производить новый и более дешевый продукт. В то же время она вызвала и «эффект сети», т. е. передачу новых достижений в другие отрасли. Возникали и осложнения. Прогресс в современной «экономике знаний» столь динамичен, что новые технологии сжимают до предела цикл и происходит все большее обесценение человеческого капитала.

Новая внешнеэкономическая стратегия

Совет развития торговли, учрежденный в 1983 г., активно заботился о расширении внешнеэкономических связей страны. Особенно поддерживались частные компании – содействие им оказывалось через представительства в странах, которые традиционно были для Сингапура торговыми партнерами, и в государствах, которые стали для него новыми рынками. Система поддержки экспорта и экспортеров включала страхование. При содействии Совета упрощены процедуры вывоза и ввоза товаров через границу. Благодаря введению единой декларации на грузы ее оформление требует лишь 15 минут.

Официальный девиз правительства «превратить Сингапур в ворота стран АТР» предполагал определенные условия для его воплощения, прежде всего расширение товарной номенклатуры экспорта. От торговли товарами и услугами Сингапур неуклонно переходил к вывозу знаний, и сфера предлагаемых им услуг расширялась. Новым видом такой деятельности стал, например, финансовый арбитраж.

Правительство заботилось и о сохранении реэкспортных функций страны. Но хотя внешнеторговый оборот рос ускоренными темпами, удельный вес реэкспортной торговли уменьшался.

В 1960 г. торговый сектор экономики дал стране 713 млн. долл. США, а в 1984 г. он принес свыше 7 млрд. долл. Однако несмотря на такую абсолютную динамику, удельный вес торгового сектора в ВВП (особенно из-за сокращения реэкспортной торговли) снизился с 35,9% до 19,9% за тот же период [180. С. 9]. Тем не менее к середине 90-х годов Сингапур стал одной из немногих стран, в которых внешняя торговля, благодаря все еще высокой доле реэкспорта, составляла около 300% ВВП. По оценке Всемирной торговой организации, в 1995 г. в мировом экспорте Сингапур был на восьмом месте, его удельный вес составлял 3,7%, в то время как Малайзия занимала 19-е место (1,5%), Индонезия – 27-е (0,9%) [16. С. 35]. Правительство Сингапура, заводя предприятия с самой высокой добавленной стоимостью, учитывало спрос мирового рынка и воспользовалось благоприятной конъюнктурой начала 90-х годов, когда поступления от экспорта увеличились на треть, а Сингапuru удалось войти в большую лигу государств и корпораций, где ставки и риск высоки.

Вызову великого азиатского кризиса Сингапур сумел противостоять. В ноябре 1997 г. правительство предложило программу борьбы с воздействием мирохозяйственных катаклизмов. В первую очередь предусматривалось обеспечить ликвидные средства для укрепления «иммунной системы» национального хозяйства. В июне 1998 г. из бюджета было выделено 2 млрд. долл. США на преодоление спада в ряде отраслей экономики и 10 млрд. – затрачено на цели повышения конкурентоспособности сингапурских товаров. Всего на преодоление последствий кризиса пошло 7% ВВП.

Совместные и скоординированные усилия правительства, Валютного ведомства и министерства финансов дали положительные результаты. Гонконгский журнал «Эйшамани» признал члена правительства Сингапура Ричарда Ху лучшим в Азии министром финансов 1998 года [218, 1998, № 5. С. 5–7].

Несмотря на срочно принятые меры, темпы экономического роста города-государства упали с 7–8% в 1997 до 2% в 1999 г. Объем внешней торговли уменьшился на 5%, а приток туристов – на 13%. Операции на рынке азиатских долларов также сократились (на 10%).

Сингапур сумел выстоять в годы великого азиатского финансового кризиса, однако новая волна трудностей для национального хозяйства накатилась на берега острова с американского континен-

та, обнажив ахиллесову пяту сингапурской экономики, а именно ее чрезмерную зависимость от внешней торговли и мировой конъюнктуры. Стагнация американской экономики и сужение рынка важнейшего торгового партнера Сингапура крайне негативно сказались прежде всего на промышленности города-государства.

В третьем квартале 2001 г. спад в его экономике составил -5,6%, что было вдвое больше, чем в 1998 г. Объем внешней торговли уменьшился на 9,4%, до 232 млрд. долл. США (в 2000 г. рост этого показателя составлял 22,9%), а не нефтяной экспорт сократился на 21%. Наибольший спад наблюдался в электронной промышленности – минус 32,9% в 2000 г., тогда как в предшествовавший год рост производства в отрасли составлял 41%. Резкое сокращение мировых продаж полупроводников ощутимо сказалось и на электронной промышленности Сингапура.

Наступившая рецессия, самая сильная за последние 30 лет, вынудила правительство в декабре 2001 г. образовать Экономический комитет. В его задачи входил пересмотр действующих стратегий, корректировка модели общественного развития и предложение рекомендаций для оживления хозяйства.

Сингапурские экономисты умеют быстро реагировать на меняющиеся условия и корректировать общую стратегию и экономическую политику. Они отчетливо видят, когда модель хозяйствования, казалось бы, все еще исправно работающая, исчерпала свои возможности интенсивно функционировать. Такую гибкость, более или менее успешно, правительство Сингапура проявляло почти после каждого кризиса, сотрясавшего экономику мира в последние десятилетия, и это позволяло стране преодолевать трудности примерно в течение одного-двух лет.

Под давлением сложившейся ситуации Экономический комитет решил сократить число «стратегий», признаваемых ключевыми в 2000–2010 гг. Таковых было восемь: первой стояла программа расширения и модернизации производства и сферы услуг – секторов, которым отводилась роль локомотива экономического роста. Затем следовала стратегия формирования «внешнего крыла» экономики, которая осуществлялась по программе регионального инвестирования. Отдельная стратегия предусматривала поддержку фирм, способных стать ровнеь с мировыми компаниями и не уступать им в конкурентоспособности. Наряду с этим действовала стратегия поддержки малого и среднего бизнеса. Четыре остальные стратегии конкретизировали задачу построения экономики и общества на базе науки и знаний.

В августе 2001 г. премьер-министр Го Чок Тонг обнародовал «Новую экономическую стратегию». За образец было принято развитие Соединенных Штатов Америки, признанное более динамичным и рациональным, чем опыт европейских стран и Японии. В частности, сингапурские экономисты высоко оценили эффективность американских общегосударственных учреждений, прежде всего Федеральной резервной системы. Достойным подражания было признано также и то, что в США государство поддерживает все формы бизнеса, особенно новые. Импонировали сингапурским экономистам и американские предпринимательские традиции, прежде всего поощрение готовности к риску и неосуждение неудач – то, что способствует развитию бизнеса и усилению его динамичности. Кроме того, как сочли в Сингапуре, внимания заслуживает и гибкость американского рынка труда.

Вместе с тем, как пояснял бывший тогда заместителем премьера Ли Сьен Лун, желая модернизировать свое хозяйство, Сингапур стремится усвоить и то лучшее, что свойственно европейским и японской моделям экономики. Последняя славится своей социальной сплоченностью, а также особыми формами управления корпорациями (пожизненный наем персонала, гарантированное продвижение по службе и т. д.).

«Новая экономическая стратегия» свела основное содержание макроэкономической политики правительства к пяти направлениям. Теперь в первую очередь предусматривалось обеспечить для сингапурских товаров новые рынки сбыта в радиусе семичасового перелета, а также заключить соглашения с ближайшими соседями о создании зон свободной торговли на двусторонней основе. Второй задачей объявлялась поддержка предпринимательства и превращение сингапурских компаний при содействии правительства, прежде всего в лице Совета по развитию торговли, в компании международного уровня. На тот же Совет возлагалась и третья задача – дальнейшее развитие «внешнего крыла» экономики. Экспансия сингапурского капитала в регионе активизировалась уже в 2002 г., когда были одобрены заявки на сооружение 74 проектов в Индонезии на общую сумму свыше 1 млрд. долл. США. Две сингапурские компании получили разрешение на сооружение на о. Батам верфи и сталелитейного завода проектной производительностью 2 тыс. т стали в год. В последние годы Сингапур занимает первое место среди 47 стран, осуществлявших капиталовложения в Индонезии. О расширении зарубежной экономической деятельности свидетельствует динамика роста учрежденных за рубежом сингапурских компаний, число которых в 2003 г. составляло 9623. Прямые сингапурские

инвестиции в других странах превысили 156 млрд. долл. США. Поступления в Сингапур от зарубежной деятельности оценивались в 26 млрд. долл. в 2004 г. [36. С.111].

Правительство объявляло, что при реструктуризации экономики следует изыскивать новые возможности совершенствования производства на основе достижений науки и информационной технологии, развития новаторства и готовности идти на оправданные риски. Эти установки подкреплялись финансовыми ресурсами. Например, для увеличения численности занятых и повышения их квалификации выделялись специальные фонды. На нужды образования в Сингапуре отводится 4,5 – 5% ВВП. В стране создаются заманчивые условия для привлечения высококвалифицированных и перспективных специалистов и ученых из других стран.

Совет экономического развития Сингапура разработал проект «Промышленность XXI века», рассчитанный на десять лет. Его основная цель – наладить работу всех секторов производства и услуг в соответствии с требованиями нового века и превратить Сингапур в глобальный центр наукоемкой промышленности. Удельный вес таковой предусмотрен примерно в 40% ВВП. В наукоемком производстве должно быть занято 20–25 тыс. человек, при этом две трети из них будут высококвалифицированными рабочими или работниками умственного труда.

Другой предложенный Советом проект– «Технологическое предпринимательство в XXI веке». Эти документы положили начало развитию в Сингапуре «науки о жизни» (понятие подразумевает новейшие научные отрасли, связанные с производством новых медикаментов, медицинской аппаратуры, а также агробиопродукции и пищевых добавок). В научно-исследовательской работе, а также в клинических испытаниях нового продукта принимают участие иностранные компании мирового класса. В 2005 г. ожидался выпуск новой продукции на 12 млрд. долл. США. Завершено строительство биомедицинского центра (Биополис), в котором занято до 2 тыс. ученых и специалистов. Он призван стать частью создающегося нового научного центра в районе Буэна Виста.

Среди компаний, оперирующих в новейших отраслях, лидирует Информационно-телекоммуникационная корпорация, в ведении которой находятся около 40 промышленных и специализированных парков. Кроме них, создаются также различные кластеры, в том числе Издательский центр, где под одной крышей разместятся все звенья современного производства печатной продукции – от редакций до типографии.

Реализация стратегии превращения Сингапура в мировой центр передовых технологий была возложена на Совет развития торговли и Совет экономического развития. Последний ответствен за консолидацию промышленной базы экономики на основе концепции объединения предприятий в группы; предоставления большей свободы действий частным компаниям, особенно венчурным. Государство помогает бизнесу, реализуя «концепцию рассредоточения», т.е. размещения предприятий в различных промышленных районах для привлечения новых технологий и освоения новых сфер предпринимательства. Кроме того, правительство намерено стимулировать инвесторов, учреждая новые структуры, в том числе венчурный капитал, формируя более совершенную инфраструктуру и принимая законы о защите интеллектуальной собственности. Министерский комитет должен содействовать созданию «экосистемы предпринимательства», т.е. заботиться о сочетании интересов местных и иностранных компаний, имеющих глобальные амбиции.

Сингапурский деловой мир опасается возможных неоднозначных последствий бурного экономического роста в Китае. За последнюю четверть века китайский экспорт вырос более чем в двадцать раз, причем почти 90% товаров конкурирует с экспортной продукцией стран АСЕАН. Вот почему этим странам необходимо поддерживать конкурентоспособность своих товаров и услуг, принимать меры к обретению собственных технологий производства, своих рынков и новых источников поступлений.

В наступившее сложное время на первом плане новых реалий оказывается интеллектуальный капитал. В Сингапуре считают, что нельзя допускать выезд своих ученых и специалистов для работы за границей, и, напротив, необходимо всемерно привлекать талантливых работников науки из других стран.

При всех отмеченных выше изменениях в стратегии экономического развития Сингапура, главная роль в ней по-прежнему отводится промышленности, доля которой в ВВП должна составлять 25%, а в занятости – около 20%. Для этого, как заявило правительство, ежегодные инвестиции в эту сферу экономики не могут быть менее 8 млрд. долл. США.

Правительство разработало также стратегический план развития технологического потенциала частных местных и государственных компаний. Особая роль отводится группе «Сингапурские технологии», которая оперирует в таких передовых отраслях, как авиакосмическая промышленность, производство электронных интеграционных систем, полупроводников и программного обеспечения.

Сингапур, согласно установке Совета по экономическому развитию, должен стать центром электронной промышленности мирового класса и лидером в области производственных решений, управления современного производства. К 2010 г. в этой отрасли намечена реализация 150 новых проектов, что позволит выпустить продукцию на 150 млрд. долл. США.

Предполагается также превратить Сингапур в центр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности мирового класса. К 2010 г. этого рода продукции должно быть произведено на 75 млрд. долл. США. Утроение производства метилена обеспечит нефтехимическую промышленность исходным сырьем, что позволит резко наращивать добавленную стоимость, создаваемую в отрасли. Сингапур вовремя учел резко растущий спрос на сложное современное оборудование, необходимое для добычи нефти на морском шельфе. Во многом именно благодаря доходам от экспорта морских платформ и бурильных установок город-государство сумел выдержать спад спроса на мировом рынке на продукцию электротехнической и электронной отраслей, наблюдавшийся на мировом рынке в начале XXI века.

Сингапур намерен постоянно находиться в гуще глобальных научных идей, перемещения капиталов, ноу-хау в области ресурсов, технологии и рынков. Правительство стремится к тому, чтобы и в дальнейшем действующие в самых разных сферах ТНК открывали на его территории свои головные офисы. Благодаря этому они могут управлять своими подразделениями и в ЮВА, и во всем мире. Их деятельность дает дополнительные преимущества сингапурскому деловому миру, особенно его финансовым учреждениям, способствует поддержанию деловых контактов предпринимателей.

После азиатского кризиса Сингапур, по утверждению Дж. Йео, стал в Юго-Восточной Азии первопроходцем изыскания новых форм сотрудничества, новой внешнеэкономической стратегии. Все шире практиковали двусторонние соглашения о свободной торговле, а они стимулировали дальнейшую либерализацию экономических связей, снижение тарифных барьеров и, в конечном счете, формирование международной торговой системы. В частности, подписанный в январе 2002 г. двусторонний договор с Японией предусматривает беспопылинный ввоз обеими странами 98,5% товаров и, кроме того, по словам Го Чок Тонга, создает условия для сотрудничества двух стран в нескольких важных областях – науки и техники, финансов, туризма, а также в деле подготовки специалистов [246. 14. 01. 2002]. В 2003 г. Сингапур заключил соглашение с Соединенными Штатами Америки о свободной торговле.

Важной частью новой стратегии стало создание зон свободной торговли со странами АТР, в том числе с Новой Зеландией, США, Японией, Канадой, Австралией и др. Правительство Сингапура заявляло, что оно, вопреки недовольству некоторых членов АСЕАН, намерено развивать торгово-экономические отношения со многими другими странами более интенсивно, чем с государствами ассоциации, и что Сингапур не будет пытаться замедлить процесс своей интеграции в глобальную экономику, ожидая отстающих партнеров по АСЕАН [216. 2001, № 53. С.15].

Еще одной новой тенденцией во внешнеэкономической политике Сингапура стало значительное увеличение торговли с Россией. По данным Министерства торговли и развития РФ, российско-сингапурский товарооборот достиг в 2005 г. 627 млн. долл. США. При этом российский экспорт составил 309, 5 млн., его рост по сравнению с 2004 г. превысил 63,1%, а импорт – 318,1 млн. (рост за год – 370,6%). За 8 месяцев 2006 г. товарооборот между двумя странами вырос на 177, 2% по сравнению с тем же периодом в 2005 г. и достиг 721,6 млн., при этом российский экспорт вырос на 242,4%, а импорт на 102,2%. Значительные изменения претерпела структура торговли. Главными статьями российского экспорта являются нефтепродукты (66%), цветные металлы и изделия из них (21%), подшипники, детали к буровому оборудованию и другие товары – 10%. Появились и такие российские товары, как электронные компоненты и интегральные схемы. В структуре российского импорта преобладают машины, транспортные средства, бытовая электроника. Части и комплектующие к вычислительной технике (75,8%), остальная треть товаров – продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье [203 а. 19. 10. 2006].

Сингапурские предприниматели проявляют интерес к инвестированию в экономику России. Накопленные инвестиции на конец 2005 г. составили 77,8 млн. долл. США, при этом 40% из них были вложены в лесное хозяйство, 24% – в операции с недвижимостью, 14% – в обрабатывающую промышленность, 12% – в рыболовство, 8% – в оптовую торговлю. Российские инвестиции в объеме 2,6 млн. долл. США направлены в основном в химическую промышленность [203 а.19. 10. 2006].

В 90-е годы между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона развернулась острая конкурентная борьба за привлечение иностранных инвестиций. Совет развития торговли выработал критерии, позволявшие на новых условиях торговать нефтью, вести «встречную торговлю», иначе говоря, оплачивать поставки одного товара поставками другого, а также получать льготы на лизинг

самолетов, права на международную транспортировку грузов. Это открыло для сингапурских компаний новые перспективы активизации их деятельности. Пример тому рост фирмы «Интрако», учрежденной в 1968 г. К середине 80-х годов ее выплаченный капитал составлял 75 млн. долл. США, а акционерный – 156 млн. Со временем компания помимо экспортно-импортных операций, в том числе с третьими странами, стала успешно действовать в разных направлениях бизнеса [155. С. 97].

Господствующей тенденцией в современном мире становится глобальная интеграция, предопределенная переходом к принципиально новому способу производства, невозможному без применения высоких технологий. Создается мировая инфраструктура с высокой степенью унификации транспорта и телекоммуникаций. Финансовые потоки, в том числе инвестиционные, охватывают все более обширное пространство глобальной экономики, все более широкое финансовое поле. Интеграция разных стран в общую мировую систему, ранее происходившая в основном через торговые операции, заменяется так называемой глубокой интеграцией. Ее проводниками выступают, прежде всего, ТНК, по стратегиям которых она, в основном, и осуществляется. Размещение отдельных звеньев производственного процесса в разных регионах и странах делает неизбежным снижение тарифных барьеров и других ограничений.

Успешная внешнеторговая деятельность Сингапура обеспечивалась благодаря расширявшимся возможностям портового хозяйства. Республика стала не только прекрасным местом для размещения современных промышленных предприятий, финансовым и ключевым торговым центром в регионе, но и одним из самых интенсивно работающих портов мирового значения. Под флагом Сингапура в 2004 г. ходило 3109 судов общим тоннажем 27 млн. т [36. С. 530].

Морское и портовое ведомство Сингапура (Maritime and Port of Singapore Authority – МРА) постоянно умножает и модернизирует технические возможности порта, который связан более чем 400 морских линий с 607 портами в 127 странах мира. Сооружение одного лишь контейнерного терминала в Пасир Паджанге потребовало 7 млрд. долл. США [245, 12. 11. 1996]. На всем протяжении обработки грузов используется компьютерная технология, связывающая воедино все операции. Благодаря работе сотен компьютеров и беспроводных передающих систем определяются причалы для 700 одновременно заходящих судов, время их погрузки и разгрузки, регистрируется заправка топливом, обрабатываются

данные таможи и другая документация. Это позволяет ежегодно принимать до 80 тыс. судов. Комплексная компьютерная система терминала контролирует движение контейнеров от транспортно-экспедиционного агентства до их точного места на судне. Вся система состоит из двух частей: первая – ПОРТНЕТ (т.е. «Port net» – «портовая сеть») занимается отправлением судов, сроками доставки грузов, выявляет содержание контейнера, его вес и определяет судно для погрузки. Вторая – ТРЕЙДНЕТ («Trade net» – «торговая сеть») обеспечивает оформление документов, разрешение таможи. В 2004 г. порт принимал в сутки до 8 тыс. грузовиков, причем время получения разрешения на въезд через автоматизированные ворота и определение места для разгрузки составляло 45 секунд. За тот же год в порту было обработано 15 млн. контейнеров. Предполагалось к 2030 г. увеличить пропускную способность терминала в три и даже в четыре раза. Около 70% операций, производимых в порту, – перевалочные и погрузка на плавучие базы Индонезии, Таиланда, Малайзии, Индии и других стран. В 2004 г. по перевалке балкерных грузов (23,6 млн. т) порт занял первое место в мире. Тоннаж общих грузов составил 394,4 млн. т, было перевезено свыше 634 тыс. пассажиров. Ежегодно в порт заходит около 4 тыс. судов. Правительство продолжает осуществлять программу развития Сингапура как Международного центра морских коммуникаций (International Maritime Centre – ИМС). Это требует подготовки соответствующих кадров и внедрения новых научно-исследовательских разработок в области обслуживания морских линий. В 2004–2005 гг. были предоставлены дополнительные льготы для судов под сингапурским флагом. В частности, с конца 2004 г. владельцы судов, оперирующих с нефтью, могут регистрировать свои мобильные подразделения по «Сингапурскому регистру судов». Морское портовое ведомство совместно с Наньянским технологическим университетом ведет подготовку студентов, которые получают ученые степени в области морского дела. Ведомство выделило 4 млн. долл. США в образованный совместно с Национальным университетом Сингапура фонд для подготовки профессоров, которые будут вести исследовательскую работу в области морских технологий [36. С.155].

Международный воздушный порт Чанги способен пропускать до 44 млн. пассажиров в год. Благодаря активизации двусторонних и многосторонних торгово-экономических связей, развитию туризма в регионе потоки пассажирских и грузовых перевозок быстро росли. По данным Управления гражданской авиации Сингапура (Civil Aviation Authority of Singapore), в 2003 и 2004 гг. число пассажиров

только из Индии росло ежегодно на 25% и в 2004 г. составило 1,8 млн. [36. С. 155]. В основном они пользовались рейсом из Сингапура в Калькутту, – город, который служит воздушными воротами делового рынка Индии. Не менее интенсивно работают авиалинии, соединяющие Сингапур с КНР. В 2004 г. аэропорт принял свыше 37 млн. пассажиров и более 2 млн. т груза. Чанги обслуживает около 80 авиалиний, соединяющих сингапурский полис со 175 городами в 60 странах мира. Аэропорт обеспечивает 3400 рейсов в неделю [36. С. 155; 62. С. 15]. В 2006 г. компания «Сингапур эйрлайнз» заняла по рыночной капитализации второе место в мире – после авиационного гиганта США «Саус Вест эйрлайнз». «Сингапур эйрлайнз» владеет 83% акций в компании, обслуживающий терминал в Чанги, и 85% – в «Сингапур эйркрафт инжиниринг». В 2006 г. авиапарк Сингапура должен был пополниться 10 суперреактивными самолетами и 30 «Боинг 777 – 300» [238, 2006. 27.02–02. 03. С. 25]. К середине 2006 г. выяснилось, что европейские фирмы-поставщики попросили отсрочки на полгода. Тогда заказ был частично аннулирован и несколько авиалайнеров были закуплены в других странах. Устраняя в сжатые сроки возникающие осложнения, государственная компания Сингапура последовательно решает намеченную задачу: увеличить парк лайнеров, чтобы обеспечить растущий поток пассажиров и грузов и тем самым занять более широкую нишу в авиатранспортных услугах.

Трудовые ресурсы – главное достояние страны

В новой социально-экономической модели, которая формируется в Сингапуре на базе современных знаний, особая роль отводится постановке образования, предпринимательству, перестройке общественных отношений на иных началах. Под влиянием новых информационных технологий и современной науки меняется система ценностей, а традиционные иерархические отношения становятся более открытыми, равными и демократичными. Этому во многом способствует существование Интернета: благодаря сведениям, которые по информационной сети разносятся по всему миру, перестраиваются все секторы экономики, преобразуются политические структуры.

За годы независимости население города-государства (включая иностранцев, проживающих более года) выросло с 1,6 млн. в 1959

до 4,5 млн. в 2005 г., т.е. почти в три раза. Трудовые ресурсы составляют 64,2% всего населения от 15 лет и старше. Средний возраст сингапурца – 35,7 лет [36. С. 37; 62. С. 38].

Стартовые условия развития социальной структуры в Сингапуре изначально в корне отличались от таковых в соседних странах. Полис не был отягощен аграрной проблемой, к тому же ему были свойственны многие более высокие экономические показатели. Однако общая слабость экономики исследуемых стран ЮВА состояла в незначительном и одностороннем развитии промышленности, безработице и бедности. Хотя душевой доход Сингапура в несколько раз превышал таковой Индонезии, Малайзии и Таиланда и в 1957 г. составлял 500 долларов США, тем не менее за чертой бедности оставалось около четверти населения. Поэтому социальным аспектам экономической политики уделялось немало внимания. Сначала правительство ставило задачу сократить безработицу, чтобы не допускать в стране открытых протестов и недовольства. Ее решение осложнялось из-за быстрого прироста населения (33,1 на 1000 человек). Принятая властями и активно проводимая политика планирования семьи позволила снизить этот показатель к 1984 г. до 8,9. Таким образом, с 1959 г. прирост населения уменьшился с 3,3 до 1,1% [36. С. 6].

По мере развития экономики улучшались и условия жизни сингапурцев, что неуклонно фиксировалось статистическими службами. Например, при крайне умеренном росте инфляции потребительская корзина пересматривается в Сингапуре раз в пять лет (а не в десять лет, как принято в международной статистике).

Ввиду сложного этнического и конфессионального состава населения от властей требовалась гибкая политика. В 2004 г. китайцы в Сингапуре составляли 76% жителей, малайцы – 13,7%, индийцы – 8,4% и прочие, среди которых было более 20 тысяч выходцев из различных стран Азии и Европы, – 1,8%. Половина жителей (51%) были приверженцы буддизма и даосизма, ислам исповедовали 15%, христианство – 15%, индуизм – 3% [36. С. 37, 39].

Программа Партии народного действия предусматривала официально не акцентировать численное преобладание китайцев и не упоминать в официальных документах малайцев как *бумипутра*, т.е. как представителей коренного населения. Официальные языки государства – малайский, китайский (а именно, диалект китайского – мандарин), тамильский и английский, имеющий статус языка делопроизводства [36. С. 38]. Главной целью Сингапура провозглашено формирование сплоченного полиэтнического, поликультурного и многоязычного сообщества. Всем этническим группам

конституция предоставляет равные права. Преобладающая идеологическая установка лидеров правящей партии – воспитание у граждан патриотизма. Проводится курс на формирование «особого характера сингапурцев», а это предполагает уменьшение экономического неравенства различных этнических групп: например, малайцам и индусам оказывается помощь в повышении их образовательного и профессионального уровня и укреплении экономических позиций.

О процветании и благополучии сингапурцев говорят макро-экономические показатели. В 2005 г. душевой доход в государстве составил 37 035 долл. США (в текущих ценах) [36. С. 314]. Предполагается, что к 2010 г. этот показатель почти сравняется с доходом на душу населения в США и Японии. Ожидалось, что в среднем продолжительность жизни мальчиков, родившихся в 2004 г., составит 80,9 лет, а девочек – 81,9 [36. С. 37].

В Сингапуре делается ставка на экономическую заинтересованность как на основной побудительный мотив деятельности граждан. Более или менее успешно проводится политика сочетания личных и общественных экономических интересов. Постепенно все четче проступает тенденция формирования системы социально-экономических потребностей, включающая жизненные условия в целом. Государство в лице правительства выступает от имени всех социальных групп, слоев и регулирует частные и коллективные интересы, которые должны подчиняться некоему единому видению задач страны. Широко пропагандируется простая идея: если сохранятся высокие темпы экономического роста и конкурентоспособность сингапурской продукции на мировом рынке – значит, сохранится и высокий уровень жизни.

В Сингапуре всегда уделялось много внимания системе образования. С 60-х годов строительство новых школ приобрело особый размах, что позволяло давать не только начальное, но и среднее образование гораздо большему числу детей. Государство неуклонно улучшало качество образования, учитывая при этом потребности многорасового, многоязычного и многоконфессионального общества. По новой системе образования, введенной в 1979 г., учащихся в зависимости от их способностей после трехлетнего обучения в начальной школе стали делить на потоки. Первый поток – обязательный двуязычный курс (английский язык плюс родной), второй – расширенный двуязычный, третий – одноязычный. В основе системы образования два стандарта: базовый учебный план и изучение двух языков. Они соблюдаются во всех школах – государственных, частных, специальных школах, дающих хорошее знание китайского

языка, и в медресе. В начальной школе обучение ведется на родном языке. Свыше 95% населения Сингапура грамотно.

В 1998 г. система образования снова подверглась реформированию. Осваивать новую методику преподавания, нацеленную на развитие у школьников созидательного мышления, было предложено учителям на специально открытых для них курсах. Переподготовка преподавателей занимает до 100 часов в год.

Школьное образование рассчитано на продолжение учебы в высших учебных заведениях, в которые поступает более половины выпускников. За последнее десятилетие XX века облик трудовых ресурсов Сингапура заметно изменился: число лиц со средним образованием и знанием иностранных языков, прежде всего английского, увеличился с 50,6% в 1990 до 69,9% в 1999 г. Относительная численность работников с высшим образованием также увеличивается: с 6,2% в 1990 до 14,7% в 1999 г. В 2004 г. из каждой тысячи жителей 492 пользовались Интернетом. Естественным следствием этой социальной метаморфозы стало то, что число людей, овладевающих сложными операциями на современном производстве, использующих новую информацию и современные технологии, неуклонно растет.

С конца прошлого столетия в Сингапуре проводится политика под девизом «Мыслящая школа, учащаяся нация». Ее главная идея – формирование в стране такой единой образовательной и научной среды, к которой были бы приобщены все граждане, начиная от учащихся, их родителей и преподавателей до самого правительства. Все члены общества должны быть всегда готовы к переменам, непрерывно совершенствовать и обогащать свои профессиональные знания, развивать широту мышления, навыки творческого подхода к любой задаче, учиться в течение всей жизни. Для реализации этой установки был учрежден Фонд непрерывного обучения (5 млрд. синг. долл.), благодаря чему по новой системе к 2006 г. в Сингапуре было подготовлено около 140 тыс. студентов, не считая более чем 40 тысяч обучающихся в других странах.

Перечень высших учебных заведений страны включает Национальный университет Сингапура, Национальный технологический университет, Институт технического образования, четыре политехнических института, Наньянгский технологический университет, а также филиалы известных международных университетов. Правительство и министерство образования поставили задачу превратить Сингапур в «Бостон Востока», т. е. сделать из него оазис возвращения талантов, центр передовых научных решений, биржу идей, инкубатор творцов.

Особым элементом этой образовательной системы становятся бизнес-школы. Создаются филиалы чикагской, французской школ бизнеса, Университета Пенсильвании, Гарвардской школы управления, Технологического университета Джорджии со специализацией по логистике и др. В 2001 г. был открыт Американский центр подготовки руководящих работников и при нем учебные центры Международного валютного фонда и Всемирного банка.

Реорганизация системы образования в Сингапуре продолжается. Ее цель – дать подрастающему поколению знания в области технологий информации и связи, за которыми будущее. Выступая в Наньянском технологическом университете в мае 1999 г., Го Чок Тонг особо подчеркнул, что в нынешнем мире необходимо не только непрерывно учиться, но учиться думать и действовать в глобальных категориях. Молодое поколение надо воспитывать в духе сознания ответственности за себя, свою семью, свое общество и страну.

Намеченное слияние Национального университета Сингапура с Национальным технологическим университетом должно привести, по планам правительства, к появлению своего рода «Гарвардского университета на Востоке».

Поставленные задачи удается решать не сразу. Например, изменился план открытия в Сингапуре филиалов мировых университетов и институтов. К 2005 г. было решено открыть колледжи в разных местах вне страны: в Силиконовой долине – для изучения высоких технологий, в Бостоне, Мумбае и Бенгалоре – со специализацией по информационным технологиям. Кроме того, предполагалось, что сингапурские студенты смогут познать секреты стремительного развития китайского предпринимательства в Шеньжене и Шанхае.

Под девизом «Мыслящая школа, учащаяся нация» и в соответствии с этой концепцией проводились глубокие реформы системы образования, на которые отводилось до 5% расходной части бюджета. Только на осуществление Генерального плана обучения информационной технологии было выделено 2 млрд. долл. США.

Программа всеобщего обучения не оставила в стороне и предпринимателей: им оказывалось содействие в овладении методами электронной торговли, электронной логистики, производственными процессами с широким применением электроники. Все эти меры должны привести к одному – сделать из Сингапура глобальный экспериментальный центр.

В 2004 г. в полисе было 2 183 300 трудоспособных граждан, уровень безработицы не превышал 4%. Среди занятых менеджеры, профессиональные работники и техники составляли 42,6%, продавцы, рабочие-уборщики и другие категории трудящихся – 33,2%, клер-

ки, обслуживающий персонал и прочие – 24,2%. На общественных службах и в личном услужении было занято 26,8%, в обрабатывающей промышленности – 17,3%, в оптовой и розничной торговле – 15,5%, в бизнесе и операциях с недвижимостью – 12,2%, на транспорте и коммуникациях – 10,3%, на прочие отрасли и виды деятельности приходилось 17,9%. В 2003 г. при министерстве трудовых ресурсов было учреждено Агентство по делам развития рабочей силы Сингапура. Его главная задача – организация подготовки и переподготовки кадров для новых направлений производства и сферы услуг [36. С. 225, 229]. Создается правовая основа электронной торговли, включающая прежде всего признание электронной подписи. Эта правовая основа особенно необходима для работы новых технополисов, научных парков и промышленных зон.

Реализация новых программ требует средств и обеспечения технологическими возможностями. Правительство объявило новые объекты открытыми для всех компаний, включая ТНК. Льготные условия, в том числе преференциальные тарифы, оказались привлекательными для таких гигантов, как, например, корпорация «Интернэшнл бизнес мэшинз» (США), «Майкрософт» (США), «Хьюлетт Пакард».

Благодаря избранной модели роста, которая, хотя и дорабатывалась постоянно ввиду менявшихся внешних и внутренних условий, все же оказалась вполне эффективной, страна добилась высоких среднегодовых темпов прироста ВВП. Это дало возможность проводить последовательную социальную политику.

Одним из краеугольных камней социальной стратегии ПНД стало жилищное строительство, которое названо в политической программе правящей партии среди ее важнейших задач и затем наряду с народным образованием было положено в основу стратегии индустриализации. В 1959 г. 9% населения переселилось в 23 тысячи квартир, построенные Сингапурским трестом улучшения жилья. Населенность разных кварталов Сингапура была далеко не равномерной. Свыше четверти миллиона людей жили в районе, занимавшем лишь один процент территории города-государства. Для изменения этого неестественного положения в 1960 г. вместо названного выше треста был образован Совет жилищного строительства и развития. Его деятельность разворачивалась по пятилетним программам. Со временем Совет превратился в монопольный орган, ведающий всеми вопросами жилищного обустройства. Первой стоявшей перед городом задачей было ликвидировать трущобы и скваттерские поселения, обновить инфраструктуру. Вслед за решением этой задачи предполагалось обеспечить сингапурцев

(при финансовой поддержке государства) комфортабельными квартирами и модернизировать инфраструктуру, в том числе социальную.

С 1960 по 1997 г. Совет построил 755 тыс. квартир и 560 тыс. других объектов, в том числе магазины, рынки, промышленные предприятия. С 1964 г. была введена в практику система предоставления жилья в рассрочку гражданам со средним и низким доходом. Ею воспользовались почти три четверти населения страны.

В 1968 г. правительство разрешило созданному в первый же период существования государства Центральному фонду обеспечения жильем предоставлять гражданам возможность накопления средств для приобретения недвижимости. Служащий вносил в фонд 25% от своей зарплаты, а его наниматель добавлял еще 25%. Около 90% средств фонда шло непосредственно на приобретение квартир. Для подачи заявки на трехкомнатную квартиру в 80 – 90-е годы зарплата служащего не должна была быть ниже 1500 долл. США, а на четырехкомнатную – 3500 долл. в месяц. Постоянно проживавшие в Сингапуре иностранцы получали скидки и льготы в зависимости от своего вклада в экономику и от личных талантов [180. С.187–188]. Как пояснял впоследствии Ли Куан Ю, правительство, обеспечивая население жильем, попутно с решением социальной проблемы имело в виду развитие у приобретающего квартиру сингапурца чувств собственника.

При расселении людей различных национальностей и вероисповедания принимались некоторые меры для упреждения возможных конфликтов между соседями. Например, в 1989 г. для малайцев была предусмотрена квота в 20%. Однако поскольку в наиболее комфортабельных районах и домах квартиры стоили дорого и были более доступны для имущих китайских семей, постольку малайцам приходилось довольствоваться менее дорогим жильем. В начале 90-х годов правительство объявило, что в течение 20 лет для улучшения жилья и строительства новых зданий в районе, где проживало 85% населения города, будет израсходовано 14 млрд. синг. долл.

В первой половине 80-х годов Ли Куан Ю выступил с программой, основанной на положениях концепции «евгеники» (от греческого *eugenos* – хорошего рода, породистый). Она призывала заботиться о закреплении у человека наследуемых признаков здоровья и предлагала применять методы генной инженерии для улучшения интеллектуального и духовного потенциала молодого поколения сингапурцев. Программа предусматривала остановить естественный прирост населения, поставить этот процесс под государствен-

ный контроль, а именно отбирать пары для производства только талантливого потомства. В частности, студенты старших курсов, имевшие наилучшие отметки, при вступлении в брак получали весомую материальную помощь и, прежде всего, трехкомнатную квартиру. Каждый гражданин должен был нести ответственность за появление более совершенного поколения. Лишь способным и трудолюбивым молодым людям предписывалось иметь детей, а нерадивым и ленивым следовало забыть о продолжении рода.

Подобная политика «социальной инженерии» вызвала протесты в самой республике и критику за ее пределами. Программа реализации принципов «евгеники» была свернута, но отрицательное влияние на рождаемость она успела оказать. В 2001 г. на каждую женщину детородного возраста приходилось 1,42 ребенка, тогда как для продуктивного прироста населения необходимо 2,1. Было отменено и решение отказывать в материальной поддержке семьям при рождении третьего и более ребенка. В 2002 г. правительство уже стало выдавать бонусы на 1700 долл. США семейной паре, имевшей грудного ребенка, а если это был третий или четвертый ребенок, то размер пособия увеличивался [246. 19. 05. 2002].

Одной из задач Сингапура правящая партия и правительство объявили создание в Азии независимого, современного, многонационального, многоконфессионального общества, основанного на принципах меритократии и толерантности. В опубликованной «Философии правительства» главной задачей провозглашалось «выживание Сингапура в Юго-Восточной Азии как самостоятельного и суверенного государства с новым сформированным обществом и новой национальной общностью с новой системой идеалов» [80. С. 88]. Этому подчинена система двуязычного (и более) обучения в школах. Когда в 1979 г. в школах было введено изучение мандарина (диалекта китайского языка), это объяснялось тем, что ханьцы не должны порывать связи со своими культурными корнями. В 1984 г. в общеобразовательных школах второй ступени стали преподавать дополнительный предмет «знание религий», который знакомил учащихся с Библией, буддизмом, конфуцианской этикой, индуизмом, исламом, сикхизмом. Однако в результате внедрения этого дополнительного предмета началось обострение межконфессиональных раздоров. В 1989 г. правительство заменило предмет «знание религий» на более широкую и нейтральную гражданскую и морально-этическую программу, призванную приобщать юное поколение к основам национальной идеологии Сингапура (которая, по мнению многих исследователей, исходит из конфуцианской этики и китайского коммунитаризма).

Специфическая черта организации сингапурского общества – сознательная общественная дисциплина и взаимопомощь граждан. Создано пять ассоциаций взаимопомощи, в том числе Евразийская и Ассоциация малайских профессионалов (АМП). Одна из задач таких общественных структур, по замыслу их учредителей, – это взаимодействие с другими, проживающими в стране этническими группами и оказание им поддержки, т.е. налаживание контактов, которое должно ускорить формирование нации.

Однако финансовые возможности ассоциаций далеко не одинаковы: одни из этих организаций, в руководство которых входят сингапурские миллионеры, располагают солидными фондами, а другие, объединяющие в основном гражданских служащих, не могут развернуться, так как они ограничены в средствах. Ассоциации к тому же озабочены не столько межэтническими, сколько внутриэтническими интересами. Китайская община, для которой все еще характерна традиционная спаянность, активно помогает новым китайцам-мигрантам укорениться в Сингапуре. В свою очередь, малайцы, прибывающие в полис, получают поддержку от местных соплеменников. И хотя власти пытаются содействовать укреплению контактов между различными этническими общинами, но эти благие намерения не всегда находят должное понимание самих общин. Например, по предложению властей в одном из самых старых малайских дворцовых комплексов Сингапура – «Истана кампонг глам» намечалось открыть Центр малайского наследия. Пресса соседних государств это расценила как покушение на бастион малайских традиций в Сингапуре. Бывший в то время президент Индонезии Б. Ю. Хабиби в феврале 1999 г. обвинил Сингапур в расизме, утверждая, что в этом государстве не производят в офицеры малайцев. В ответ в сингапурской прессе были опубликованы списки сингапурских офицеров-малайцев, а министр обороны (позднее заместитель премьера и глава ПНД) Тони Тан резко заявил, что в Сингапурских вооруженных силах невозможны ни дискриминация, ни отход от меритократических принципов [147. С. 11, 13, 16].

Из высказываний того же Тони Тана следует, что в скором времени все этнические группы и всех классы сингапурского народа будут иметь и право голоса при определении руководства страной, и равные возможности развиваться, так что в XXI веке Сингапур станет для своих граждан прекрасным домом. Главное же условие превращения Сингапура в столь желанный комфортный дом – это единство общества. Такой страной граждане станут гордиться и будут готовы защищать ее [147. С. 11, 13]. Аналогичные мысли

выражает и премьер-министр Ли Сянь Лун, который еще в 1995 г. заявил: «Мы никогда не должны забывать, что живем в Юго-Восточной Азии, что Сингапуру суждено быть частью ЮВА, а не продолжением Китая, Индии или Запада» [147. С. 6].

По оценке Всемирной организации здравоохранения, обследовавшей 171 страну, Сингапур входит в пятерку государств с лучшей постановкой медицинского обслуживания населения. Система здравоохранения этой страны признана лучшей в Азии, даже сравнительно с японской. По международным стандартам, состояние здоровья граждан республики считается хорошим. Один врач приходится на 670 человек. В стране есть государственные и частные клиники. Государственные медицинские учреждения, подвергшиеся частичной приватизации (в отличие от изначально частных), субсидируются, и их деятельность продолжает регулироваться министерством здравоохранения.

Среди жизненных мотиваций сингапурцев популярны «пять “с”» – *car, condo, country club, credit car, cash*, т. е. машина, квартира, загородный клуб, кредитная карта, наличные деньги [62. С. 7]. Этот «лозунг» – реальный стимул к повышению производительности труда и продвижению на службе.

В 1996 г. в стране было 650 тысяч автомобилей (в среднем 44 на каждые 100 хозяйств). К 2010 г. число легковых машин на хозяйство должно почти удвоиться [246. 16. 11. 1996]. Транспортное движение хорошо организовано, действуют скоростные автобаны с автоматическими счетчиками.

Для предпринимательской деятельности особенно важна современная инфраструктура. Например, японская компания «Сони интернэшнл» создала в Сингапуре свой четвертый информационный центр, связывающий воедино все ее 255 дочерних компаний, находящихся в Азии и на Ближнем Востоке. Прежде такие центры у корпорации были только в Японии, США и Великобритании.

Правительство продолжает создавать максимально благоприятные условия для деловой активности и увеличения показателей занятости.

Структура бюджета отражает основные направления социально-экономической политики. В 2004/05 финансовом году поступления в бюджет должны были составить 27,1 млрд., а расходы 29,22 млрд. долл. США. При этом на социальные нужды выделялось 42% всей расходной части, в то время как на собственно экономическое развитие предусматривалось лишь 33,7% [36. С. 126].

Такой перекоп отчасти отражает и особенность сингапурского варианта капитализма, который сменяется постиндустриальным

обществом. Как отмечал С. Раджартман, отличительная черта нового капитализма в том, что «он базируется на революционной концепции организации экономики и менеджмента, которая исходит из стремления извлекать прибыль не только во имя создания процветающего капитализма, но и для создания процветающего общества» [168. С. 25]. Хозяйственная политика последних лет особое внимание уделяет так называемому народному сектору экономики. В частности, концепция интеграции трех основных секторов, а именно общественного, частного и народного (public – private – people, или сокращенно PPP), побуждает правительство обращаться к новым принципам управления, основываясь на интересах конечного потребителя.

Однако хотя правительство и старается дать своей островной республике укрепиться на позициях постиндустриального общества, сингапурцы опасаются неожиданностей, которыми чреват современный мир. Экономика Сингапура остается одной из самых открытых и по-прежнему зависит от иностранных инвестиций и мировой торговли.

В 2005 г. небольшой город-государство занимал 14-е место в списке 20 крупнейших экспортеров мира. Общий объем поступлений от вывоза составлял 229,6 млрд. долл. США, из которых на реэкспорт приходилось 105 млрд. В мировом экспорте товаров на страну приходилось 2,2%, по импорту же товаров страна занимала 15-е место (200 млрд.), причем для внутреннего потребления ввозилось товаров на 94,4 млрд. долл., а доля Сингапура в мировом импорте была 1,9%. В мировой торговле коммерческими услугами Сингапур в том же году занимал 17-е место (45,1 млрд. долл.), а его доля в этих операциях оценивалась в 1,9%. По импорту коммерческих услуг Сингапуру принадлежало 16-е место (44 млрд.), его доля составляла так же 1,9% [16. С. 1–2]. Из стран Юго-Восточной Азии в эту ведущую группу государств, кроме Сингапура, вошла лишь Малайзия.

Как и другие страны Юго-Восточной Азии после обретения ими независимости, Сингапур сосредоточил внимание на постколониальной трансформации социально-экономической системы. Создав базовые экономические институты, страна относительно недолго проводила политику импортзамещения, затем перешла к практике «догоняющего развития» на основе широкого привлечения иностранного капитала и ориентации на внешние рынки.

Отличительная черта социально-экономической политики страны – способность своевременно и адекватно отвечать на вызовы индустриальной и постиндустриальной эпохи, постоянно и гибко со-

вершенствовать и традиционные и новосозданные институты, следовать принятой стратегии, при этом постоянно ее корректируя.

Приоритетом в своей деятельности сингапурское правительство избрало «развитие человеческого фактора» как единственного ресурса, которым обладает это государство. Имеется в виду социальная составляющая внутренней политики: подъем образования и науки, здравоохранения, улучшение жилищных и материальных условий быта населения. Такая политика позволит обеспечить ускоренное развитие постиндустриальных секторов экономики, сохранить благоприятную динамику роста. Ожидаемый мультипликационный эффект от проводимого курса может проявиться в повышении адаптивности экономической системы в целом и накоплении ресурсов для дальнейшего прорыва в постиндустриальный мир.

Глава II

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МАЛАЙЗИИ

Новая экономическая политика и ее итоги

Малайя, получившая в 1957 г. независимость, сразу же приступила к формированию национального хозяйства. Структура экономики страны сложилась в колониальные времена. Ее основными отраслями были добыча олова (37% мирового) и плантационное хозяйство, которое специализировалось главным образом на культивировании гевеи и производстве каучука (32% мирового) [159. С. 1–3]. Вся экономика была ориентирована на обслуживание воспроизводства в метрополии и некоторых других странах, поэтому успешнее всего развивался экспорт. Внешнеэкономические связи поддерживались в основном через порт Сингапур. В 1957 г. доход на душу населения составлял в Малайе 334 долл. США [159. С. 1]. С ликвидацией колониального господства прежние отношения между бывшей метрополией и колонией распались и стали устанавливаться новые экономические связи.

Молодое государство прошло несколько этапов развития, на каждом из которых решались определенные задачи. На первых порах главной целью было выровнять по возможности сложившиеся в прошлом резкие социально-экономические диспропорции. Более полное, но далеко не окончательное решение этой общенациональной проблемы оказалось возможно, после того как в сентябре 1963 г. была создана Федерация Малайзии, в состав которой наряду со штатами Малаккского полуострова вошли штаты Саравак и Сабах на о. Борнео и Сингапур. Новое федеративное образование было во всех отношениях неоднородным, его характеризовали не только этническая разноликость частей, но и различный уровень их социально-экономического развития. К тому же предстояло покончить с чрезмерной зависимостью хозяйственных связей страны от Сингапура. Прежде всего следовало образовать основные функциональные структуры государства, начиная с Центрального бан-

ка («Банк негара Малайсиа»), министерств, органа планирования и другие, причем в правящей элите преобладали сторонники перво-степенной роли государства в экономике – концепции этатизма.

В Малайской Федерации еще до обретения ею независимости уже действовал План развития (1956–1960), который не был отменен и после 1957 г. Он состоял из разработок для отдельных территорий и не претендовал на общенациональные масштабы. Но даже эти первые скромные наметки лучшего обустройства экономики так и не были выполнены полностью.

Свои последующие планы Малайзия не только разрабатывала, но и, как правило, в целом выполняла. Как отмечал Махатхир Мохамад, ставший премьер-министром в 1980 г., «Малайзия всегда ориентировалась на свободную рыночную экономику. Социализм и коммунизм и их теории централизованного планирования никогда не пользовались успехом в Малайзии. Действительно, имели место эксперименты с государственными компаниями и государственными экономическими корпорациями. Но они существуют наряду с частными. В отличие от других освободившихся государств, Малайзия не была подвержена узкому национализму, который приводил к различным вариантам национализации. Малайзия лишь выкупала акции у иностранных предприятий через механизм рынка [161. С. 197]. Но одновременно он подчеркивал, что Малайзия обладает политической волей и умением претворять в жизнь комплексные планы, которые составляют теоретики и плановики, а правительство поддерживает утверждение планов и отвечает за их реализацию перед электоратом.

План на 1961–1965 гг. был разработан более тщательно, однако его реализация осложнилась из-за противостояния Индонезии и Малайзии, а также выхода Сингапура из Федерации. Как и прежний план, он не был целостным, в основном предусматривал развитие западной части страны, т. е. Малаккского полуострова, а для восточной части – Саравака и Сабаха, давал лишь общие наметки. Единой программой для всего национального хозяйства стал лишь Первый пятилетний план развития Малайзии (1966–1970), который обозначил контуры будущей модели малайзийской экономики, ориентировал ее на преимущественное развитие импортзамещающих отраслей. Вначале создавались предприятия с относительно простым производственным процессом. Их отличала небольшая капиталоемкость при значительной трудоемкости, а также работа на местном сырье.

Второй пятилетний план развития (1971–1975) основывался на двух программных документах: один – «О новой экономической

политике» (НЭП) на 1970–1990 годы, необходимость которой была признана после межэтнических столкновений 1969 г., резко выявивших неравенство разных общин, другой – «О принципах государственной идеологии “рукунегара” (*Rukunegara* – государство согласия), провозглашенных 31 августа 1970 года. Эти документы – свидетельство достигнутого национального примирения, что выразилось в решимости «создать единую, прогрессивную нацию на принципах социальной справедливости, экономического равноправия, построить прогрессивное общество, ориентирующееся на современную науку и технику» [161. С. 2–3; 59. С. 2]. Было объявлено так называемое малайское наступление с целью ликвидации бедности и преодоления острого социального неравенства различных этнических групп. За два десятилетия предполагалось увеличить долю бумипутра (*bumiputera* – букв. «сын земли»), составлявших около половины населения страны, в секторе, представляемом корпорациями (далее – корпоративный сектор) с 2 до 30%. Кроме того, планировалось уменьшить численность бедных, вне зависимости от их этнической принадлежности, что нельзя не признать поистине неотложной задачей, так как, по оценке Отдела экономического планирования при Департаменте премьер-министра, в 1970 г. около 49% малайзийцев жило за чертой бедности. Очаги бедности были в аграрных, преимущественно рисоводческих районах, населенных в основном коренными народностями. Здесь до 68% сельского населения жило за чертой бедности. Новая экономическая политика должна была способствовать сглаживанию межрасовых и межобщинных противоречий путем радикальной трансформации социальных и хозяйственных структур, начиная с корпораций и кончая низшими укладами в деревне.

При первых же попытках приступить к решению указанных задач стало очевидно, что без активной и сильной роли государства сделать это невозможно. Поэтому после принятия НЭП правительство стремилось ускорить создание материально-технической базы общественного сектора (так в Малайзии называется государственный сектор), за счет которого предполагалось увеличить долю бумипутра в корпоративном секторе. В 1969 г., например, весь акционерный капитал компаний составлял в Западной Малайзии 4678 млн. долл. США, из которых иностранцам принадлежало 62,1%, местным гражданам – остальное (китайцам – 22,8%, малайцам – 1,5%, индийцам – 0,9%) [60. С. 40].

Разработчики НЭП полагали, что социально-экономические преобразования уже через два десятилетия, т. е. к 1990 г., позволят создать единую нацию, живущую по принципам социальной

справедливости и равенства. В начале 70-х годов премьер-министр Абдул Разак Хусейн, руководствуясь этими соображениями, считал необходимым ввести субсидирование через государственные организации для поддержания стабильных цен на товары первой необходимости (нефтепродукты, рис, мука, сахар и др.) [236, 2006. 16–23. 03. С. 7].

Основные цели НЭП во многом определяли содержание четырех пятилеток – второй, третьей, четвертой и пятой. Хозяйственная политика исходила из трудносовместимых задач – добиться высоких темпов экономического роста (6 – 6,5%), и уменьшить экономическую несбалансированность позиций, занимаемых разными этническими общинами: малайцами, другими коренными народами, китайцами и выходцами из азиатских стран – индийцами, арабами и др. Экономист Б. Н. Гхош полагал, что тем самым «государство хотело сдерживать рост этноцентричного китайского капитализма, использовавшего неравные исходные условия, что приводило к дальнейшему усилению социально-экономического неравенства» [140. С. 169].

Немаловажной была задача и уменьшения диспропорций в развитии различных штатов, и для достижения этого следовало добиться более высоких, по сравнению с общенациональными, темпов роста в отстающих штатах (9,5% против 6,8% в целом по стране) [86 а. С. 185].

Импортзамещающая модель развития имела в Малайзии свою специфику: здесь создавались трудо- и ресурсоемкие предприятия. Однако резервы избыточной дешевой рабочей силы были довольно быстро исчерпаны. К тому же замещение импорта проводилось благодаря ввозу из других стран комплектующих частей и оборудования. В результате по мере усложнения производственных процессов росла зависимость от импорта частей оборудования и компонентов производства. В начале 70-х годов Малайзия стала переходить и к развитию экспортоориентированных отраслей с постепенно усложнявшимся процессом производства. Большая часть предприятий создавалась иностранными компаниями, которых привлекала дешевизна местной рабочей силы.

По мере реализации планов создания предприятий, работающих на экспорт, в них все более активное участие принимало государство. В результате постепенно создавалась модель экспортоориентированного производства, становившегося локомотивом экономического роста. Однако зависимость от притока инвестиций, технологии, запасных частей из-за рубежа становилась все больше. Когда появилась электротехническая и электронная промышлен-

ность, предприятия на 80–85% зависели от ввозимых компонентов [52. С. 120].

Для решения проблемы финансирования основания и скорейшего подъема новых отраслей было решено привлекать транснациональные корпорации с их капиталами, технологией и современным менеджментом. Так, при содействии ТНК создавались новейшие современные предприятия, выпускавшие конкурентоспособную продукцию, для которой те же корпорации помогали изыскивать новые ниши на мировом рынке и успешно ее реализовывать. Одной из первых ТНК, начавших действовать в Малайзии, стала «Сименс групп», которая открыла свое предприятие в 1972 году. Рассчитывая на долгосрочную перспективу своей деятельности в Малайзии, корпорация решила оказать содействие в организации и развитии ряда передовых отраслей и видов производств. В 2006 г. в состав этой группы входили компании: Сименс Малэйсиа, Сименс мультимедиа, ОСРАМ семикодактор, Сименс ВДО инструментс, ВДО отомотив, Медител электроникс и др. Они действуют в сферах телекоммуникаций, энергетики, нефтегазовой промышленности, транспорта, автомобилестроения, водоснабжения, а также на многих предприятиях с полным производственным циклом. В соответствии с принятой в Малайзии стратегией они исходят из принципа опережающего обеспечения технических возможностей для подъема различных секторов экономики. За три с лишним десятилетия инвестиции этой транснациональной компании в экономику Малайзии составили свыше 5 млрд. долл. США. На ее предприятиях в 2005 г. работало 3700 управленцев и служащих.

Другим примером может послужить созданная в 1973 г. компания «Инфинион технолоджиз Малэйсиа». Ее суммарные инвестиции с 1973 по 2005 г. превысили 4 млрд. рингг. (один доллар США = 3,8 рингг.). На предприятии в Малакке, которое к 2005 г. выпускало треть всей ее продукции в различных странах мира, было занято 5800 малайзийцев. Здесь производятся полупроводники для автомобильной промышленности, контрольные и энергетические системы, сотовые телефоны, серверы, компьютеры, цифровая и мультимедийная аппаратура, универсальные мобильные телекоммуникационные системы и др. В 2005 г. «Инфинион технолоджиз» стала признанным лидером инноваций в мировом полупроводниковом производстве. Секрет ее успехов – в разработках и применении новых технологий, забота о подготовке и переподготовке высококвалифицированных кадров. Компания создала в Малакке академию, в которой обучаются занятые на предприятии сотрудники. Еще один крупный объект «Инфинион технолоджиз» – пред-

приятие в Кулиме (штат Кедах), производящее полупроводники. Всю информационно-технологическую инфраструктуру для него построила все та же всемирно известная компания «Сименс» [237, 2006. 16–31. 03. С. 22].

Оценив дальнейшие перспективы расширения экономических связей Малайзии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, «Сименс» открыла Центр телекоммуникационных услуг для стран ЮВА и Тихого океана, Региональный нефтегазовый бизнес-центр, Азиатско-Тихоокеанский центр сети фиксированной связи и др. [237, 2006. 16–31. 03. С. 6].

Эти примеры отнюдь не означают, что малайзийское правительство не стремится уменьшать зависимость страны от ТНК в технологии, маркетинге, составляющих компонентах, а главное – что оно не хочет избавиться от навязываемых корпорациями стратегий. Оно движется к этому постепенно, но неуклонно. Начало сопротивлению воле корпораций было положено тогда, когда в Третьем пятилетнем плане (1976 – 1980) появилась установка «на опору на собственные силы». В этом плане было заявлено о том, что частный местный и иностранный сектор должен стать основным источником финансирования строительства (до 60%), тогда как доля государства должна составить 40%. Однако осложнение экономической ситуации на мировом рынке в начале 80-х годов привело к временному, но ощутимому сокращению притока прямых иностранных капиталовложений в малайзийскую экономику, прежде всего в обрабатывающую промышленность.

Установки НЭП на то, чтобы в корпоративном секторе доли бумипутра, китайцев, включая индийцев и арабов, и иностранных инвесторов достигли соотношения 30:40:30, оставались прежними. Методы достижения поставленных целей были скорректированы. В частности, предполагалось, что сначала необходимо усилить малайзийский корпоративный сектор, и это впоследствии позволит обеспечить большее участие бумипутра в создающихся предприятиях и фирмах. Однако, несмотря на все усилия правительства, доля бумипутра к 1985 г. не превысила 17,8%, хотя намечалось 23%, доля иностранных инвесторов сократилась до 25,5%, а предполагалось 28,7%. Доля же китайцев выросла несоизмеримо: 56,7%, что было значительно больше определенной планом 48,4% [86. С. 187].

С середины 80-х годов в Малайзии приоритет задач постепенно менялся. От заботы об упрочении позиций бумипутра в национальном хозяйстве правительство перешло к установке на скорейшее создание экспорториентированных отраслей экономики и их

диверсификации. Менялись и подходы к решению другой трудно-разрешимой проблемы – аграрной.

От консервативных к инновационным методам аграрных преобразований

В отличие от Сингапура Малайзии был присущ сложный комплекс проблем, связанных с аграрным характером экономики. Плантации принадлежали в основном иностранцам, а мелкотоварный производитель был представлен массой раздробленных малоземельных крестьянских хозяйств, многие из которых также работали на экспорт. В 1957 г. на аграрный сектор, который включал рыболовство и лесное хозяйство, приходилось 33% ВВП, 67% занятых и 62% экспортной выручки. Только под плантациями гевеи и масличной пальмы находилось до 70% всей обрабатываемой земли [159. С. 63].

Мелкие раздробленные крестьянские хозяйства были скованы арендными отношениями, причем в большинстве случаев за аренду платили натуральным продуктом. Первые попытки регулирования арендных отношений в рисоводческих хозяйствах относятся к середине 50-х годов. Акт о возделывании риса (1967 г.) запрещал натуральную оплату аренды земли и устанавливал порядок заключения договора об аренде. Договор мог быть заключен сроком не менее чем на три года, а арендная плата определялась в зависимости от качества земли, причем произвольно устанавливалась правительством без учета механизмов рынка. Однако проводить кардинальную аграрную реформу правительство не решалось по разным причинам, и не в последнюю очередь – из-за неизбежно высоких затрат на нее. К тому же крестьянский вопрос в Малайзии, как и в Таиланде и Индонезии, имел особое политическое звучание, поскольку именно сельские жители составляли массовый слой электората. Радикальная аграрная реформа могла затронуть интересы традиционных землевладельцев и поколебать внутреннюю стабильность. Поэтому долгое время в Малайзии проводились лишь постепенные и не радикальные аграрные преобразования, имевшие в виду экстенсивные и интенсивные формы развития сельского хозяйства.

Аграрный сектор традиционно был основной сферой приложения сил коренного населения. В 1957 г. в сельском хозяйстве было занято 67%, а в 1980 – 35,7% всех занятых, которые обеспечивали

соответственно 29% и 22,9% ВВП [159. С. 63]. Однако сельское хозяйство все еще оставалось средой бедности – обстоятельство, которое мешало мобильности рабочей силы. Вместе с тем роль сельского хозяйства как поставщика сырья для обрабатывающей промышленности оставалась важной. От него также во многом зависело обеспечение продовольствием не только Малайзии, но и Сингапура.

Правительство попыталось умерить давление аграрной проблемы, разработав программы переселения крестьян в специально построенные деревни в разных районах Малаккского полуострова. На новом месте в зависимости от того, какую культуру были обязаны возделывать переселенцы, им выделялись земельные участки, предоставлялись кредиты и необходимый инвентарь. Со временем эта аграрная политика принесла позитивные результаты.

Переселение крестьян, которое проводили в 70–80-х годах государственные организации (ФЛДА, МАРА, КАДА и др.), оказалось успешным. Например, ФЛДА (Federal Land Development Authorities) переселила крестьян на общую площадь 4,5 тыс. акров. Новоселам выделялись участки от восьми до десяти акров, предоставлялись семена и саженцы, средства на расходы до первого урожая. Кредит подлежал погашению в течение 10–15 лет после получения первого урожая плантационных культур. А с конца 60-х годов проводились в жизнь программы внедрения в практику сельского хозяйства новых видов саженцев плантационных культур, гибридных семян, модифицированных удобрений и других новшеств, привнесенных так называемой зеленой революцией.

Государство учредило специальные финансовые институты для обеспечения крестьян кредитами: Национальный сберегательный банк, Федеральний земельный банк и др. Эти и другие меры привели к тому, что темпы роста сельского хозяйства в некоторые годы достигли 6%.

Меры, направленные на уменьшение бедности в сельских районах и на решение продовольственной проблемы, предусматривались и пятилетними планами. В 1976 г. из всех сельских семей, чей жизненный уровень был ниже черты бедности, 79,7% составляли малайцы, 12,7% – китайцы, 6,7% – индийцы, 0,9% – прочие. Больше всего таких семей насчитывалось в рисоводстве – 80,3%, в производстве пальмопродуктов их было 64, рыболовстве – 62,4, производстве каучуконосов – 58,2% [159. С. 109].

Национальная аграрная политика, определенная в 1982 г., была обнародована в 1984 г., а пик ее активного осуществления пришелся на середину 80-х годов. Предполагалось устранить рудименты

полуфеодальных методов землепользования, а также свести к минимуму социальное зло – безземелье и малоземелье крестьян. Особое внимание уделялось интенсификации и модернизации сельскохозяйственного производства и повышению товарности мелких крестьянских хозяйств.

Прежде всего, решено было продолжать переселенческую политику, но на более выгодных для крестьян условиях. Наделение крестьян землей, открытие им доступа к дешевому кредиту и содействие правительства в развитии сельской инфраструктуры, включая местные рынки – все эти меры вели к ускоренному формированию в деревне средних товарных хозяйств, производящих продукцию на экспорт. Вместе с тем для предотвращения чрезмерного дробления земельных наделов закон запрещал передачу прав собственности и коллективное владение таковыми на участки менее 0,4 га. С другой стороны, государственные аграрные организации содействовали укрупнению земельных владений, стимулируя слияние мелких и мельчайших участков земли. Результатом такой аграрной политики стало ощутимое сокращение бедности в деревне с 58,7% в 1970-м до 21,8% – в 1990 г. Однако проблема оставалась нерешенной из-за того, что интересы крестьянства и сельского хозяйства отодвигались на второй план, а на первом месте стояли две задачи: индустриализация и получение продукции с высокой долей добавленной стоимости. Недаром темпы роста обрабатывающей промышленности составляли 14–16%, а сельского хозяйства – оставались на уровне 2–3%. То, что процесс накопления в аграрном секторе протекал вяло, предопределялось практикой перекачки средств в другие отрасли хозяйства. По подсчетам Всемирного банка, в начале 80-х годов до 70% средств, предназначенных для переселения молодых крестьянских семей, были направлены в другие отрасли. Возможности дальнейшего развития аграрного сектора оказались подорваны и в связи с усилившимся оттоком крестьян в города, где на быстро растущих предприятиях появлялись новые рабочие места.

В начале 90-х годов была утверждена «Вторая национальная аграрная политика (1992–2010)». Эта программа стала осуществляться с 1993 г. Выдвигалась задача, прежде всего, максимально увеличить доходность сельского хозяйства за счет его внутренних ресурсов. Предполагалось установить более прочные связи аграрного производства с перерабатывающей промышленностью, а также реформировать рынок сельскохозяйственной продукции, намечалось добиться повышения урожайности основных культур, используя достижения агротехнологии и механизации сельского хозяйства.

Согласно расчетам ежегодно число занятых в аграрном секторе экономики должно было сокращаться на 1,6%, несмотря на увеличение земель в хозяйственном обороте. К 2010 г. площадь под масличной пальмой, как наиболее доходной культурой, должна была расшириться с 1,9 млн. в 1990 г. до 2,4 млн. га. Зато под каучуконосами из-за нехватки рабочих на плантациях гевеи предусматривалось сокращение площади с 1,8 млн. до 1,59 млн. га. Доля продовольственных культур в общем объеме продукции земледелия должна была возрасти за то же время с 23 до 36%.

Целью всех этих мер было, кроме того, нивелировать отчасти негативные последствия массового исхода крестьян из деревни и раскрестьянивания, а также обеспечить продовольственную безопасность страны, которая в последние десятилетия ввозила все больше продовольствия, в том числе риса, сахара, продуктов животноводства. Общие затраты на закупку продовольственных товаров за рубежом возросли с 2,45 млрд. рингг. в 1980 г. до 3,84 млрд. рингг. в 1990 г. При этом самообеспеченность Малайзии рисом упала с 90 до 65%.

Наибольшие трудности испытывал плантационный сектор: ввиду стремительного роста городов и промышленности, отсюда происходил отток рабочей силы в другие отрасли экономики. В плантационном хозяйстве условия труда были тяжелые, а оплата, как правило, ниже, чем в других секторах экономики. Поэтому на плантациях малайзийцев все чаще заменяли легальные и нелегальные мигранты из Таиланда, Индонезии, Шри-Ланки, Бангладеш и других соседних стран. Из-за нехватки рабочей силы на плантациях оставался несобранный урожай, пустовали угодья и т. д. Согласно обследованию, проведенному в 1993 г. Б. Н. Гхошем, около 80% жителей семи деревень Западной Малайзии мигрировало в город. В большинстве своем это были люди не сельских профессий – медики, техники и инженеры, работавшие в плантационных хозяйствах, учителя школ и т. д. По подсчетам Гхоша, в результате трудовой миграции эти деревни потеряли свыше 2 млн. рингг. [140. С. 4].

Второй перспективный план развития (1991–2000) (а точнее, вошедшая в него «Вторая программа развития сельского хозяйства» (1992–2010) отличался новым подходом к решению аграрных проблем. Основной задачей становилось максимально возможно повысить доходы в аграрном секторе за счет использования всех наличных ресурсов. Это предполагало дальнейшую вертикальную диверсификацию аграрного сектора. Продолжалось и постепенное вовлечение в хозяйственный оборот новых земель. За последние десятилетия разные государственные агентства совместно с част-

ными компаниями на основе ряда программ, проводимых Ведомством организации переработки крестьянского каучука (РИСДА), Федеральной службой консолидации и восстановления плодородия земли (ФЕЛКРА) и другими организациями, взялись за усиленную мелиорацию и освоение новых земель не только на полуострове, но и в Сараваке и Сабахе. В результате общих усилий удалось ввести в хозяйственный оборот 800 тыс. гектаров, восстановить плодородность почвы на 120 тыс. [159. С. 83–86].

Тем не менее, стремительное развитие промышленности и сферы услуг в последние десятилетия не только привели к резкому сокращению удельного веса сельского хозяйства в ВВП (с 31% в 1970 до 14% в 1997 г.), но и вызвали его стагнацию. Например, производство каучука, составлявшее 8,4 млн. т в 1980 г., сократилось до 0,6 млн. т в 1996, какао-бобов со 120 тыс. до 70 тыс. т. За эти 16 лет увеличилось лишь производство пальмового масла: с 8,4 млн. до 10,8 млн. т.

Согласно установкам «Второй национальной аграрной политики» к 2020 г. сельское хозяйство должно давать лишь 7% ВВП. Такую перспективу одобряют не все малайзийские аграрники. Многие из них полагают, что в экономической политике определенно был допущен перекос из-за чрезмерного внимания к развитию обрабатывающей промышленности, инфраструктуры и сферы услуг в ущерб аграрному сектору. В аграрном секторе, считали также они, все еще оставалось 500–600 тыс. бедных и беднейших крестьянских хозяйств, что представляло для страны не только социальную, но и политическую проблему [161. С. 95–97].

В 1998 г. аграрную политику вновь частично пересмотрели. Это нашло отражение в «Третьей национальной аграрной политике» (1998–2010). В этом документе была поставлена задача превратить Малайзию к 2010 г. в одного из крупнейших поставщиков продовольствия на мировой рынок. На дальнейшую модернизацию аграрного сектора и повышение конкурентоспособности его продукции было выделено 10 млрд. рингг. Предусматривалось продолжать коммерциализацию сельского хозяйства, но не за счет образования крупных латифундий, а путем установления коммерческих отношений товарных хозяйств с внутренним и внешним рынком, а также с предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья.

Для решения выдвинутой стратегической задачи – производить продукцию, отвечающую мировым стандартам, требовалось ввести систему строгого контроля. В соответствии с пересмотренным Кодексом стандартов Малайзии внедрялись новые нормы качества.

Кроме того, стала широко применяться специальная сертификация продуктов по их соответствию предписаниям Корана. Такие товары снабжаются специальной меткой “*halal*”, т.е. «разрешенное». Сертификации “*halal*” подлежит мясная продукция, фармацевтические и косметические товары. Соблюдение принятых правил на всех стадиях производственного цикла обеспечивает безопасность продукции и ее соответствие нормам мусульманских потребителей как внутри страны, так и за ее пределами. Комиссия ООН высоко оценила систему “*halal*” и рекомендовала ее к применению в других странах.

Малайзия успешно внедряет также глобальные стандарты, отвечающие требованиям ISO 9000 и новейшим кодексам. Производство «чистых» продуктов, пригодных для потребления мусульманами – новое направление малайзийской перерабатывающей промышленности, открывающее перед ней новые широкие возможности. В 2005 г. страна экспортировала таких товаров на 1,72 млрд. долл. США, и дальнейшие перспективы сбыта сулят не меньшие доходы: мировой рынок этой продукции оценивается в 445 млрд. долл. [224, 22. 03. 2006].

Стремясь удержать свои позиции экспортера сельскохозяйственных товаров и противостоять усиливающейся конкуренции, Малайзия ориентируется на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью и большим компонентом знаний. Среди внедряемых в малайзийской деревне инноваций – электронная торговля продукцией сельского хозяйства.

По мере успешного развития национальной экономики улучшалась и инфраструктура, что постепенно приводило к изменению жизни во многих сельских районах, в которых зачастую доходы крестьян почти не уступали заработкам горожан. Развитая дорожная сеть, обеспечение населения безопасной для здоровья водой, доступ к современным телекоммуникационным средствам, наличие школ и больниц – по всем этим условиям быта сельское население приблизилось к городскому, что не могло не привести к сокращению бедности в деревне. Ныне в Малайзии большая часть сельского населения может быть названа так главным образом лишь по признаку места проживания. Доходы крестьян, производящих экспортную продукцию, определяются мировыми ценами.

Для содействия малому и среднему предпринимательству, к которому все более обращались бывшие крестьяне и плантационные рабочие, государство создало ряд организаций (МАРА, МВДФ и др.). При осуществлении различных программ подъема сельского хозяйства постепенно все более важную роль брал на себя

главный аграрный банк – «Банк пертаниан Малайсия». В 2005 г. он предоставил 11% всех займов [224, 22. 03. 2006].

Новый импульс плантационное хозяйство получило в 2004–2006 годы, когда была изобретена в Малайзии для экономии нефтепродуктов особая добавка к дизельному топливу, получаемая из пальмового масла. Топливо, в котором эта *примесь* составляет 5%, назвали *энво дизель*, являющееся разновидностью биодизеля. При небывало высоких мировых ценах на нефть и нефтепродукты это изобретение сулит Малайзии большие выгоды, так как стимулирует производство пальмового масла, необходимого для получения нового вида топлива, и позволит сократить расходы страны на горючее. В 2007 г. для переработки пальмового масла в биодизельное топливо будут введены в строй три завода совокупной производительностью 180 тыс. т в год. Малайзия намерена выпускать 500 тыс. т биодизельного топлива, чтобы сократить потребление дорогих нефтепродуктов. Одна из крупнейших плантационных компаний «Голуден хоуп плантейшн» планирует к 2015 г. удвоить производство пальмового масла и довести его до 1,6 млн. т. В 2005 г. плантации компании, большая часть которых находится в Сараваке, занимали 180 тыс. га. К 2015 г. компания собирается расширить свои площади под масличной пальмой с 20 тыс. до 150 тыс. га и в Индонезии [224, 22. 03. 2006].

Самые крупные плантационные массивы (800 тыс. га) – у малайзийской компании ФЛДА. Штат квалифицированных работников компании превышает 23 тысячи. ФЛДА готовит новый план использования земель и обучения «зеленых воротничков». Выступая в конце 2005 г. на итоговом общенациональном собрании ФЛДА, заместитель премьер-министра Наджиб Тун Разак отметил, что правительство высоко ценит новые начинания компании, понимая, что без квалифицированных кадров не будет инициатив, способствующих преобразованию аграрного сектора в аграрно-промышленный [224, 04. 12. 2005].

В сельском хозяйстве появились и новые направления. В растениеводстве стали выращивать культуры, служащие сырьем для фармацевтической и косметической промышленности, а в животноводстве появилась тенденция налаживать и последующую переработку мясопродуктов. Эти и другие новации – признаки кардинального преобразования аграрного сектора и превращения его в аграрно-промышленный.

Правительство, экономисты и специалисты планирования стремятся согласовывать пути развития всех секторов национального хозяйства и конструировать свою, малайзийскую модель развития

страны таким образом, чтобы многоукладность не препятствовала модернизации страны.

От ориентации на экспорт к многоотраслевой экономике

В 1981 г. премьер-министр и глава ведущей партии Объединенная малайская национальная организация – ОМНО Хусейн Онн по состоянию здоровья отошел от дел, передав полномочия своему заместителю Махатхиру Мохамаду. В то время Малайзия все еще оставалась экспортером сырьевых товаров, причем львиную долю ее вывоза давали иностранные предприятия и плантации. Более 70% малайзийского экспорта составляли четыре статьи: нефть, олово, пальмовое масло, продукты тропических культур. Легко объяснить поэтому, что в разработанном на 1981 – 1985 годы Четвертом пятилетнем плане ставилась задача создания многоотраслевого хозяйства с развитой индустрией, включая оборонную, хозяйства, защищенного от колебаний конъюнктуры на мировом рынке [33. С. 3–7]. Структурообразующая роль отводилась обрабатывающей промышленности, которая должна была способствовать росту и диверсификации экспорта, занятости населения и, следовательно, уменьшению бедности.

По существу, это был переход ко второй стадии политики импортозамещения: налаживался выпуск продукции, позволявшей уменьшить зависимость предприятий от ввоза исходного сырья и компонентов производства. Реализации Четвертой пятилетки, однако, мешал экономический спад, вызванный мировым энергетическим кризисом. В связи с этим в 1982 г. первоначальный вариант плана претерпел некоторые коррективы, в частности ассигнования на развитие и оборонную промышленность сократились на 2,8 млрд. рингг. Сооружение ряда объектов тяжелой промышленности было заморожено или свернуто, ее становление замедлилось. Социальные цели оказались отодвинуты: вяло выполнялась программа преодоления бедности, сократилось жилищное строительство, была заморожена заработная плата различным категориям трудящихся.

В том же 1982 г. Махатхир Мохамад выдвинул лозунг «Смотри на Восток» (букв. *Dasar pandang ke Timur* – «Основное внимание – на Восток»), т. е. премьер призывал ориентироваться на японскую и южнокорейскую модели социально-экономического развития. Следуя

примеру Южной Кореи, Малайзия пошла на крупные займы у Японии, деноминированные в основном в иенах. На эти средства закупались японские оборудование и технологии для первых предприятий новых отраслей промышленности. Это были заводы: металлургический «Перваджа», цементные, по производству удобрений и ряд других. Развивались и вспомогательные производства.

В 1984 г. Центральный банк Малайзии создал фонд в 1 млрд. рингг. для капиталовложений в обрабатывающую промышленность. И все же основная задача плана – достижение среднегодовых темпов роста отраслей обрабатывающей промышленности в пределах 8–12% не была выполнена. Кроме того, выявились отрицательные стороны деятельности ТНК. В частности, американские корпорации направляли производимую ими продукцию в основном на свой рынок, а многие японские компании использовали Малайзию с ее относительно дешевой рабочей силой преимущественно как офшорную зону, откуда продукция направлялась в третьи страны.

Развитие экспорториентированного производства требовало либерализации внешней торговли. Она началась в 1971 г. изданием Закона об организации экспортно-производственных зон (ЭПЗ), т. е. очагов ускоренного экономического развития. Малайзия в этом следовала примеру Сингапура. По этому закону компаниям, производящим экспортную продукцию, предоставлялись льготы. Последующее процветание ЭПЗ стимулировали принятые в 1990 г. новый закон о свободных зонах (Free Zones Act) и появившиеся позднее постановления.

Развитие таких зон требовало обновления инфраструктуры, начиная с модернизации морских и воздушных портов. Нескольким морским портам был придан статус зон, освобожденных от налогов. Создавались и другие типы торгово-промышленных зон. Руководит зонами специально учрежденный административный орган: функции такового могут быть приданы федеральному агентству, другому правительственному ведомству, в том числе департаменту штата или же уполномоченной на это руководство компании. Свободными зонами считаются, в соответствии с Таможенным кодексом Малайзии, территории, находящиеся вне пределов действия основных законов страны. В них можно ввозить товары (за исключением запрещенных), производить их переработку и экспортировать отсюда без взимания таможенных пошлин, акцизных сборов, налогов на продажу и услуги. Деятельность зон подпадает под положения законов об акциях, поощрении инвестиций и других. Большинство предприятия,

созданные на таких территориях, используют импортные сырье и компоненты. Иногда администрации предприятий предписывалось поставлять на внутренний рынок до 20% всей выпускаемой продукции.

Новым типом свободных производственных зон (СПЗ) стал созданный в 1995 г. международный офшорный финансовый центр на о. Лабуан (Восточная Малайзия). Сам остров имеет статус федеральной территории и подпадает под управление Агентства офшорных финансовых услуг.

К 2004 г. в Малайзии было создано 25 свободных экономических зон, в том числе 14 дополнительных торговых, в которых производится разукрупнение партий товаров, сортировка, переупаковка и маркировка. Эти операции необходимы при реэкспортной торговле, которая в Малайзии постепенно набирает силу. В 14 СПЗ были созданы специализированные промышленные предприятия. Таким образом, Малайзия смогла создать систему современных специализированных и различных по своему статусу и функциям зон, которые стали авангардом ускоренного экономического роста страны. Эта совершенствуемая и модифицируемая система – важная часть малайзийской модели развития экономики, ориентированной на экспорт.

В основу пятого и шестого пятилетних планов (соответственно 1986–1990 и 1991–1995) был положен Генеральный план развития промышленности (1986–1995). В нем выдвигались следующие основные установки: продолжать создание тяжелой промышленности, отдавая предпочтение предприятиям, работающим не на импортном, а на отечественном сырье: оловоплавильным, нефтеперерабатывающим, нефтехимическим. Снова провозглашалась необходимость поддержки национального производства, но уже на другой ступени развития страны.

Это была вторая стадия импортзамещающей индустриализации, проводимой в сочетании с ускоренным подъемом экспортноориентированных отраслей, прежде всего электротехнической и электронной промышленности и машиностроения. Важнейшей задачей неизменно объявлялось внедрение в промышленное производство новой технологии. Быстрому становлению электротехнической и электронной промышленности способствовали солидные капиталовложения американских, японских и европейских компаний и фирм. В итоге Первый генеральный план развития промышленности решил стратегическую задачу: была заложена основа обрабатывающей промышленности, которая стала ведущим сектором экономического роста.

Планирование экономических отношений в многоукладной экономике, а тем более установление каких-либо пропорций имело во многом условный характер. Учитывая, что обстановка в мире непрерывно менялась, а значит, внутренняя и внешняя конъюнктура не отличалась стабильностью, было решено пересматривать текущие планы ежегодно, а не раз в пять лет. Успешно претворять в жизнь намеченное удавалось благодаря тому, что удалось решить проблему накопления. Изначально, согласно установкам долгосрочного развития, норма накопления к 1990 г. планировалась на уровне 30% ВВП. В общих инвестициях за пятилетку, которые намечались в сумме 30 млрд. долл. США, местные вложения капитала должны были составить 85–87%. Однако решить эту проблему силами частного сектора было невозможно, и государство прибегло к займам за границей. Это привело к росту внешнего долга: в 1966 г. он еще составлял 502 млн. рингг., а к 1985 достиг 60,9 млрд. ринг. Общая задолженность страны, включая долги частного сектора, приблизилась к 20 млрд. долл. США, а норма обслуживания долга в 1985 г. превысила 14% [86. С. 188].

В середине 80-х годов Малайзия все еще входила в четверку крупнейших на земном шаре производителей олова (22% мировой добычи) и его экспортеров. Центром отрасли, которую обслуживало несколько тысяч человек, был остров Пенанг. Однако поскольку добыча олова сокращалась, а на острове оказалась сосредоточена относительно квалифицированная рабочая сила, здесь стали создаваться предприятия электротехнической и электронной промышленности.

Преобразование производства в Пенанге свидетельствовало о кардинальном изменении структуры национального хозяйства. В конце 90-х годов, в одном из своих выступлений, говоря о начале становления в стране новой экономики, Махатхир Мохамад ставил риторический вопрос: «Где бы мы были сейчас, если бы и по сей день основой нашего жизнеобеспечения оставались каучук и олово, или каучук и пальмовое масло, или только природные ресурсы, включая нефть, которые в совокупности обеспечивают всего 16,9% экспортной выручки?» [89. С. 96]

Индустриализация в Малайзии оказалась возможна благодаря энергоресурсам, позволившим развивать энергетическую промышленность. Подтвержденные запасы нефти составляли свыше 800 млн. т, и этого достаточно, согласно официальным оценкам, чтобы удовлетворить нужды внутреннего рынка и экспорта на 15 лет при нынешнем уровне добычи. По запасам черного золота Малайзия занимает 27-е место в мире. Добываемая в Малайзии нефть имеет

высокую плотность, низкое содержание серы. Ее отдельные сорта, известные как «тапис блэнд», близки по своим параметрам к аравийской нефти. С 1970 по 1985 г. добыча нефти увеличилась почти в 24 раза – с 0,9 млн. до 21,4 млн. т [97. С. 28]. В 1980 г. в Малайзии была утверждена концепция Национальной нефтяной политики. Учитывая невозобновляемость энергоресурсов, а их необходимо сохранять для грядущих поколений, эта политика предусматривала ограничить добычу нефти, используя не более 1,75% от запасов месторождения в год. Еще один путь сбережения углеводородного сырья – использование альтернативных источников энергии.

Созданная в 1974 г. государственная корпорация «Петролеум насионал» – «Петронас» получила монопольное право на все виды деятельности, связанные с разведкой, добычей, переработкой и продажей нефти. Сначала она заключала контракты с ведущими мировыми нефтяными компаниями на концессионных условиях. Но в середине 80-х годов, выступая как доверенное юридическое лицо правительства, «Петронас» кардинально пересмотрела все соглашения с иностранными компаниями. Была принята новая формула долевого участия: 40% добываемой нефти должны идти на покрытие производственных издержек, включая выплату роялти, а остальные 60% делиться в пропорции 65:35 или 75:25, в зависимости от уровня годовой добычи. Кроме того, государство стало более жестко контролировать отрасль.

С начала 90-х годов «Петронас» расширяла и разнообразила виды своей деятельности и в Малайзии, и особенно за ее пределами, стремясь способствовать сбережению ресурсов своей страны. Она – партнер многих смешанных предприятий, в том числе и малайзийского автомобильного завода, выпустившего первый отечественный автомобиль «Протон сага». Оплаченный капитал компании составлял 300 млн. рингг., а инвестиции в другие промышленные предприятия многократно превышали эту сумму. Продолжая свою экспансию за рубежом, «Петронас» купила сеть бензоколонок в Южной Африке, заключила перспективное соглашение с вьетнамской нефтяной компанией, а в 2005 г. с фирмой Бангладеш. Для разработки нового месторождения нефти близ Саравака в 2003 г. была создана совместная компания, в которой «Петронас» принадлежало 40% акций, а вьетнамской нефтяной компании «Петро Вьетнам» и индонезийской «Пертамина» – по 30%. На начальной стадии эксплуатации месторождение будет давать 3 тыс. барр. в день, а к 2009 г. – до 25 тыс. [253, 22. 03. 2006]. Следовательно, добыча углеводородного сырья становится важной сферой экономического сотрудничества стран АСЕАН. Экс-

плуатация новых месторождений позволила Малайзии получать в 2005 г. ежедневно до 750 тыс. барр. нефти, в то время как страна потребляла 520 тыс. барр. [237, 2006, 16–23. 03. С. 5].

По мере того как нефтеперерабатывающая промышленность Малайзии набирала силу, Сингапур имел все меньше возможностей ввозить нефть своего соседа для переработки и перепродажи. В Малайзии действуют шесть нефтеперерабатывающих заводов общей мощностью 520 тыс. барр. в день, что на 80% удовлетворяет внутренний спрос на нефтепродукты. Природный газ, запасы которого превышают 1 трлн. куб. м (12-е место в мире), начали добывать в Малайзии позже, чем нефть. В 1984 г. «Петронас» учредила дочернюю компанию «Пенинсула гас утилизейшн», которая построила на о. Лабуан и в Бинтулу высокотехнологичные заводы по производству сжиженного газа. Газ, добываемый на восточном побережье штата Тренггану, перерабатывается в новые продукты, используемые в качестве горючего или же как сырье для нефтехимической промышленности. В Сабахе из природного газа вырабатывается метанол и брикеты, которые используются в металлургии.

«Петронас» и ее дочерняя компания наладили технически сложное производство: добычу нефти и газа с морских платформ. С 1995 по 2000 г. производство природного газа возросло на 42%, и в 2000 г. добывалось уже 4308 млн. куб. футов. В 2002–2005 гг. началась эксплуатация четырех новых месторождений природного газа. Добыча голубого топлива полностью удовлетворяет потребности внутреннего рынка, а также значительную часть спроса на газ Японии и Тайваня.

Высокие мировые цены на нефть, установившиеся в начале XXI века, неблагоприятно сказываются на экономическом развитии Малайзии. В феврале 2006 г. правительство отменило субсидии на нефтепродукты в стране. Эта мера вызвала дискуссию в малайзийской прессе. По мнению, например, политического обозревателя Кадира, урезав субсидии на нефтепродукты, правительство утратило моральное право на запрет не повышать цены в других секторах экономики [237, 2006, 16 – 31. 03. С. 5].

Наряду с экономным расходом нефти продумывается возможность использования в энергетическом хозяйстве альтернативных источников электроэнергии. В начале 80-х годов предусматривалось, что доля нефти в топливно-энергетическом балансе сократится с 70% в 1980 до 30 в 2000 г. Доля газа за тот же период должна была возрасти с 6 до 30%. Остальную необходимую электроэнергию (40%) страна намерена получать, используя уголь и гидроресурсы.

Не все намеченные установки удалось выполнить в надлежащие сроки, но состояние энергетического баланса Малайзии свидетельствует о том, что для дальнейшего развития энергетики в стране есть надежная основа. В 90-е годы правительство заключало соглашения с независимыми частными провайдерами электроэнергии на основе контракта «строй и эксплуатируй» на сооружение тепловых электростанций. В 2000 г. на их долю приходилась треть производимого в стране электричества. На Малаккском полуострове доминирует энергетическая компания «Тенага насионал», большая часть акций которой принадлежит государству. В Сараваке компания «Саравак сэплай корпорейшн», а в Сабах – «Сабах электрисити» занимают примерно такие же позиции.

Крупнейший государственный энергетический объект – это ГЭС «Бакун гидроэлектрик проджект» на Борнео. Благодаря выгодному расположению гидроэлектростанции мощностью 2400 мВт ее электроэнергию смогут получать не только малайзийские штаты, но и соседние страны. Сооружается парк высоких технологий в Кулиме, где будет действовать самая современная в регионе кольцевая энергетическая система. Тогда Малайзия сможет претендовать на роль одного из активных проводников интеграции Юго-Восточной Азии. А перспектива такой интеграции видна, в частности, в намерении правительств Малайзии и Таиланда использовать возможности совместной эксплуатации месторождения природного газа в Сиамском заливе: предлагается проложить газопровод из южного Таиланда (г. Сонгкхла) до северной Малайзии. Эти начинания создают стимулы для развития трансграничной инфраструктуры, что позволит проводить энергоснабжение по оптимальным схемам.

В 80-е годы на экономическое развитие Малайзии неблагоприятно воздействовали циклические и структурные кризисы мирового капиталистического хозяйства, нестабильность цен на ряд экспортных товаров, в том числе на нефть, ужесточение протекционистской политики стран, которые выступают основными торговыми партнерами Малайзии. В частности, резкое падение курса иены в 1985 г., – валюты, в которой была деноминирована значительная часть внешнего долга Малайзии, привело к его соответствующему увеличению (до 103% ВВП) [140. С. 16]. Неудачной оказалась закупка технологии для металлургического завода «Перваджа», трудно продвигалось осуществление проекта автомобилестроительного завода, который должен был производить машину малайзийской марки «Протон сага». В результате кризиса 1985–1986 гг. и по другим причинам темпы экономического роста понизились.

Малайзия была вынуждена искать дополнительные возможности для преодоления трудностей и продвижения вперед. Малайзийские экономисты, руководство ОМНО и правительство своевременно оценили перспективы, которые открывала научно-техническая революция. Проблема заключалась, прежде всего, в том, чтобы получить доступ к современной технологии, т.е. ключ к развитию производства, основанного на новейших разработках, и вместе с тем подготовить квалифицированные кадры, необходимые и для такого производства и вообще для экономики XXI века.

В принятом в 1990 г. Плане развития промышленной технологии было вычленено три этапа: освоение персоналом производственного процесса; обучение применению новой технологии; освоение технологии. Технологические новшества внедряются с начала становления импортозамещающего производства, когда страна стала выпускать относительно простые для освоения изготовления новые товары. В дальнейшем производство, нацеленное на экспорт продукции, не могло развиваться без использования современных технологий. Новая технология стала внедряться все шире и больше. Малайзийцы овладевали многими новыми специальностями и, в конечном счете, формировались качественно иные кадры, более высокого профессионального уровня.

Затем началось овладение высотами телекоммуникации и информатики. Возникла необходимость в создании новых, расширении и модернизации прежних конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов, проектных организаций. Кроме того, Малайзия все время получала новые технологии, договариваясь на тех или иных условиях с крупнейшими ТНК, число отделений и дочерних предприятий которых в стране превысило 700, не считая участия во многих ее предприятиях, в том числе и государственных. О размахе деятельности иностранных компаний свидетельствует пример японской «Мацусита электрик»: ее продукция, произведенная в Малайзии, экспортировалась в 76 стран мира.

Для реализации Генерального плана развития промышленности правительство пошло на дальнейшую либерализацию инвестиционного климата. Акт об иностранном капитале был дополнен следующими положениями: иностранным инвесторам разрешалось владеть 51% акций предприятия, если 20–50% его продукции становилось предметом внешней торговли. Для предприятий, производивших на экспорт от 51 до 80% своей продукции, доля иностранного капитала могла быть такой же. Иностранной фир-

ме могло принадлежать 51% акций наукоемкого или оснащенного новейшей технологией предприятия. Наибольший приток иностранного капитала пришелся на 1992–1993 годы, когда он составлял 8,7% валового внутреннего продукта. Позднее этот показатель стабилизировался на уровне 4,9% ВВП, причем в отдельных отраслях он возрастал особенно быстро. В 1985 г. удельный вес таких отраслей в обрабатывающей промышленности составлял 40%, а через пять лет уже 64,4%. Вместе с тем некоторые ТНК, а также средние компании из различных стран, в том числе из Южной Кореи, перемещали свои производства в Малайзию, где затраты на рабочую силу были ниже. Государство было не в состоянии четко регулировать поотраслевой приток иностранных инвестиций. Как отмечал малайзийский экономист Газали Антан, слабое место политики привлечения ТНК состояло в том, что планы малайзийского правительства и стратегии ТНК были рассогласованы. Это затрудняло структурную перестройку национального хозяйства, а также мешало достижению поставленных целей, которые заключались в увеличении вновь созданной стоимости, повышении зарплаты без снижения конкурентоспособности производимой продукции и др. По мнению исследователя, для устранения создавшейся в промышленности дуальности необходимо укреплять местный сектор, улучшать хозяйственные связи между иностранным и местным предпринимательством, а также развивать социальную, физическую и институциональную инфраструктуру. В свою очередь, оперирующие в штатах дочерние предприятия ТНК должны содействовать развитию страны, а также упрочивать свои отношения с малайзийцами, больше привлекая их к управлению и менеджменту [159. С. 44–45].

На рубеже XX и XXI веков конкуренция между странами Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Китай, за привлечение иностранного капитала нарастала. Это заставляло правительство продолжать либерализацию инвестиционного климата, развитие инфраструктуры, а также внедрение современных форм организации производства и хозяйствования. За относительно короткий период в Малайзии был достигнут явный прогресс в организации промышленных парков, т.е. особых районов, в которых подготовлена необходимая производственная и социальная инфраструктура для последующего размещения промышленных предприятий. В 2000 г. только в штате Перак в ведении местных властей было 40 промышленных парков. Их развитию активно помогали государственные компании – «Телеком Малайсия», «Тенага насионал» и др. Следует особенно отметить, что и специальные экономические

зоны, и промышленные зоны и другие образования, появившиеся благодаря государственным и иностранным инвестициям, играют важную роль в процессах интеграции хозяйственной деятельности Малайзии с соседними государствами, прежде всего с Сингапуром. Пример тому – деятельность сингапурской компании «Хайтек дисплэй», построившей в Пасир Гуданге (штат Джохор) индустриальный парк для производства жидких кристаллов, дисплеев для мобильных телефонов и другой современной продукции. Совместно с малайзийской государственной компанией «Джохор технопарк» было создано 24 технопарка [229, 1997, т. 160, № 13. С. 64].

Однако многие из них были сосредоточены в анклавах, расположенных большей частью вокруг столицы или в приграничных с Сингапуром районах. Чтобы преодолеть возникшие в связи с этим неудобства, в начале 90-х годов были приняты различные меры, в частности создана «схема развития сбыта».

Становлению некоторых передовых отраслей промышленности были призваны способствовать так называемые инновационные кластеры, которые начали появляться в ряде стран со второй половины 80-х годов. Кластеры (cluster – группа, сгусток, скопление, кисть, пучок), т.е. центры технологической апробации предприятий одной или близких отраслей. В большинстве случаев профильным, или стержневым, становилось предприятие, производившее определенный вид товаров или оказывавшее услуги, предназначенные на экспорт. Вокруг этого центрального узла вырастали другие звенья по принципу объединения или разделения функций. Такие инновационные «сгустки» создавали относительно большие преимущества в конкурентной борьбе. Сравнительно быстро усложнялись и диверсифицировались функции предприятий, а также формы их кооперирования. Каждое из них специализировалось на каком-либо виде деятельности – поставке оборудования, комплектующих, оказании специализированных услуг и т. п. Благодаря этому быстрее шло формирование общей инфраструктуры, обязательным компонентом которой становились и НИОКР.

В большинстве случаев кластеры формировались по инициативе «снизу», т. е. исходившей от предприятий. Многие участники делового партнерского сообщества прибегали к большей координации деятельности в области финансов, инвестиций, маркетинга. Способ формирования кластеров в Малайзии существенно отличался от практикуемого в западных странах тем, что, как правило, инициатором их основания выступало государство. За несколько лет, особенно в период реализации Второго генерального плана развития промышленности, в Малайзии появились десятки класте-

ров, где широкое развитие получили сопутствующие производства и услуги. На о. Пенанг сформировался кластер электротехнической и электронной промышленности, где производились полупроводники. Государственные и научные учреждения проводят там совместную исследовательскую работу на основе «Университи сайнс Малайсия», осуществлять поставки продукции на мировой рынок позволяет стандартная сеть (Rosettanet standart messaging system).

В Танджунг Малиме (Перак), Гуруне (Кедах) и Пекане (Паханг) образовались кластеры автомобилестроения, в которых не только производятся различные компоненты машин, но и размещена бытовая сеть. Формируются новые кластеры в Бертаме (Пенанг), Серендахе (Селангор) и Пего (Мелака).

В Кертехе (Тренггану) – Гебенге (Паханг) разместился кластер, обслуживающий нефтехимический комплекс. Другая зона развития нефтехимии находится в Пасир Гуданге – Танджунг Лангсате (Джохор). Кластер, обслуживающий производство мебели, находится в Муаре (Джохор). В том же штате в Бату Пахате находится кластер текстильной промышленности и производства готовой одежды.

Малайзия производит около четверти пальмового масла и других видов пальмопродуктов. В Сабахе плантации масличной пальмы занимают 1,2 млн. га и штат дает 35,7% всех производимых в стране пальмопродуктов. Правительство штата содействовало формированию двух кластеров – в Лахан Дату и Сандакане, которые динамично развиваются и представляются весьма перспективными [68. С. 477].

Зарождающаяся авиационная и аэрокосмическая промышленность сосредоточена в Субанге (Селангор), а судостроительная промышленность – в Лумуте (Перак).

Специфической чертой малайзийских кластеров является вовлечение в глобальную сеть производства и сбыта многонациональных корпораций не только малайзийских крупных компаний, но и малых и средних предприятий [68. С. 13–14].

Реализация двух моделей развития (импортзамещающей и экспорториентированной) в 1970–1997 годы происходила при высоких среднегодовых темпах экономического роста (8–8,7%). Это позволило изменить структуру национального хозяйства, отвести более важную роль внешней торговле, которая достигла в 1997 г. 169% ВВП, и решать социальные проблемы. В стране была обеспечена не только полная занятость, но и ощущалась нехватка рабочей силы. При этом число живших за чертой бедности граждан уменьшилось с 34 до 17%.

И все же, когда правительство пыталось реализовать свою долгосрочную программу развития, ему не удалось избежать неравномерности темпов перестройки структуры общественного воспроизводства, не удалось достигнуть всех поставленных целей. В Малайзии дали о себе знать субъективные ограничители экономического роста: прежде всего – слабость и непрочность хозяйственных связей между укладами, недостаточное развитие инфраструктуры, разнородность частей социально-экономического целого, в частности не преодолены различия между Западной, т.е. полуостровной, и Восточной Малайзией, представленной штатами Саравак и Сабах на о. Борнео.

Модернизация инфраструктуры

Неотвратимо набирающая силу глобализация мирового рынка побуждает многие страны менять свою стратегию и тактику применительно к меняющимся условиям. В начале нового столетия правительство Малайзии, учитывая выгодное положение страны в центре Азиатско-Тихоокеанского региона, провозгласило концепцию превращения ее в своего рода ворота для доступа иностранных компаний на обширнейший рынок АТР. Но эту концепцию можно было бы реализовать при наличии в стране современной инфраструктуры мирового уровня. Необходимая инфраструктура создавалась и в предшествовавшие десятилетия, однако наибольшие ассигнования для этого были выделены в бюджетах двух пятилетних планов – Седьмого (1996–2000), 24 тыс. 409 рингг., и Восьмого (2001–2005), 27 тыс. рингг. [28; 29]. В седьмом плане почти половина средств предназначалась для строительства автодорог. В Восьмом пятилетнем плане ассигнования на сооружение морских портов по сравнению с предыдущими суммами были увеличены на треть, а расходы на коммуникации возросли в четыре с половиной раза [29, С. 30].

Современная сеть автомобильных дорог Малайзии формировалась с первой половины 80-х годов и действовала долгосрочная программа ее развития. На полуострове была сооружена скоростная автотрасса Восток– Запад общей протяженностью 342 км, а также шоссейные дороги Куала – Край – Гуа Мусан, Куала – Кансар Грик, Куантан – Семангат и другие. Самым крупным сооружением тех лет был шестиполосный мост длиной 13,6 километров, 8 из которых занимала часть, проходившая над морем. Он соединил о. Пенанг с материком. Тогда это был третий по протяженности мост в мире и

первый в ЮВА. В Сараваке построили автостраду, ставшую основой в модернизируемой транспортной системе штата.

В последующие годы дорожная сеть пролагалась по принципу интеграции отдельных сегментов транспортных систем. Автострада Север–Юг вместе с мостом Пенанг и автострадой Куала Лумпур – Карак составила остов малайзийской дорожной инфраструктуры, столь необходимой для ускоренного экономического развития страны. Сформировалась продуманная и рационально скоординированная сеть скоростных автострад и шоссе, благодаря которой обеспечивалась связь не только между частями самого полуострова, но и его сообщение на юге с Сингапуром, а на севере с Бангкоком, Камбоджей и Вьетнамом. На следующем этапе совершенствования дорожной инфраструктуры наземные пути, включая пригородное сообщение, так называемую легкую транзитную сеть типа наземного метро, а также скоростную железную дорогу, ведущую в международный аэропорт КЛИА и новый административный центр Путраджайя, были соединены с Куала-Лумпуром. Наземные пути дополняются железной дорогой. Малайзийская сеть автомобильных и железных дорог дополняется международной железнодорожной линией экспресс-сообщения, связывающей о. Пенанг с полуостровом. Эта линия выходит на Сингапур. В дальнейшем предполагается, что от Малайзии она будет продлена до китайского города Куаньминь. Однако прежде чем она подойдет к Куаньминю, необходимо провести стальные пути через Сингапур, Камбоджу и Таиланд.

Железнодорожный транспорт находится в ведении государственной организации «Малэйшн рэйлвейз администрэйшн» и дотируется правительством. Государственная компания «Керета апитанах Мелайю» – это единственный перевозчик различных грузов. Ее маршруты пролегают по северной части полуострова от контейнерного терминала в Баттерворде на юг до Пасир Гуданга (штат Джохор) и далее подходят к Сингапуру. Эта северная линия обслуживает также связь с о. Лабуан. Благодаря внедрению контейнерных терминалов, саморазгружающихся вагонов, увеличению числа цистерн для перевозки топлива, латекса, пальмового масла объем грузоперевозок намного увеличился. Была построена и вторая железнодорожная магистраль (1000 км), проходящая с севера на юг вдоль западного побережья. Это – часть железнодорожной системы, обслуживающей Малайзию, Сингапур и Таиланд. Главнейший узел, связывающий все городские и общенациональные железные дороги в единую моноцентристскую систему, это современный вокзал в Куала-Лумпуре – «Сентрал». После завершения послед-

ней очереди строительства он будет служить интересам бизнеса XXI века.

В развитии наземных путей сообщения, воздушных и морских портов главная задача заключается в том, чтобы обеспечить их взаимодополняемость, а следовательно, экономить время, быстрее преодолевая расстояния между различными транспортными узлами. Главное требование к современному транспорту: ускорить движение товаро- и пассажиропотоков, и тем повысить рентабельность ширококомасштабной торговли. Благодаря создаваемой инфраструктуре соединяются различные промышленные районы, экспортные зоны, индустриальные парки.

Для страны, экспорт которой на 90% идет морем и океаном, морское и океанское судоходство чрезвычайно важно. Ориентированные на экспорт отрасли национального хозяйства успешно развивались благодаря наращиванию возможностей морского и океанского флота. Крупнейшая малайзийская судоходная компания – это «Малэйшн интэрнэшнл шиппинг корпорэйшн» – МИШК, которая была создана в 1968 г. государством. Образованная в 1973 г. ее дочерняя компания «МИШК касл сервис» занялась каботажными перевозками между Западной и Восточной Малайзией. Вторая крупнейшая судоходная компания Малайзии «Пербаданан насионал шппинг» специализируется на перевозке балкерных и жидких грузов.

Для обслуживания растущего океанского и морского флота требуется сложное и современное портовое хозяйство. Министерство транспорта ведает семью крупными международными портами федерального значения. Все они – глубоководные. Шесть специализированных портов (Порт Кланг, Джохор Порт, Танджунг Пелепас, Куантан Порт, Кемаман Порт, Пасир Гуданг) построены на полуострове, седьмой, Бинтулу Порт, расположен в штате Саравак и отведен для отгрузки сжиженного газа. Нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность обслуживает Кемаман Порт. Специальная правительственная программа предусматривает максимальную загрузку мощностей морских портов и минимальный простой судов при погрузочно-разгрузочных работах. За глубоководным Портом Кланг закреплен статус главного грузового порта страны и регионального транзитного пароходного узла. Порт Кланг обслуживает торговые связи более чем со 120 странами, через него проходят 150 маршрутов. В 2000 г. в порту было обработано 3,2 млн. ТЕУ (расчетная единица опломбированного контейнера со стандартным размером и весом), что позволило ему занять 11-е место среди портов мира [24]. 22. 12. 2000].

В 2005 г. в стране имелось 24 основных порта, которые обрабатывали 252 млн. т груза, 60% из них отправлялись контейнерами [68. С. 20].

Еще один глубоководный порт международного класса – Порт Пелепас сооружен в юго-западной части штата Джохор. Оба его рейда – Западный и Северный имеют статус свободных коммерческих зон. И Кланг и Пелепас конкурируют с портом Сингапур. После пуска в эксплуатацию второй очереди порта Пелепас он будет в состоянии отвлечь у конкурента в свою пользу еще около 2 млн. контейнеров груза и треть пассажиров. Кроме того, возможно, что линия морского сообщения из Малайзии на Тайвань, проходящая через Сингапур, отойдет к Малайзии. Это весьма важно для страны, почти четвертая часть внешнеторговых потоков которой следует транзитом через чужой порт. К тому же в двух-трех десятках километров находится еще один современный пункт морского судоходства – Уджунг Учанг, сооруженный в центре ускоренного экономического роста – Бареланге (Индонезия). Обустроивая с современным размахом морские и океанские порты, Малайзия готова побороться с Сингапуром за главенство в реэкспортных операциях, проводимых в регионе.

Особая роль отводится авиатранспорту. Крупнейшая авиакомпания страны – государственная «Малэйсиэн эйрлайнз систем» (МАС), учрежденная в 1971 г. Впоследствии она была частично приватизирована, но из-за ухудшения ее работы правительство было вынуждено выкупить ее акции. В Малайзии действуют пять международных аэропортов: КЛИА (Kuala Lumpur International Airport) и одноименные с городами, где они расположены: аэропорты Пенанг, Лангкави, Кота Кинабалу на Сабахе, Кучинг в Сараваке. Находящийся в 45 км от столицы международный аэропорт КЛИА, первая очередь которого была открыта в 1998 г., – один из самых современных и высокотехнологичных в мире. На первом этапе его пропускная способность составляет до 25 млн. пассажиров и до 1 млн. т грузов. Введение в эксплуатацию в 2020 г. второй очереди КЛИА позволит довести число авиапассажиров до 60 миллионов, а тоннаж перевозимых грузов до 3 млн. т. По своим техническим возможностям КЛИА, располагающий четырьмя взлетными полосами длиной 1000 м, превосходит сингапурский международный аэропорт Чанги, считающийся одним из лучших в мире.

В 2005 г. в Малайзии было пять международных аэропортов и 15 местных. Учитывая необходимость создания особых условий для транспортировки продукции электронной промышленности, информационного и коммуникационного оборудования, биоме-

дицины, а также свежих фруктов и цветов, происходит специализация отдельных аэропортов на их перевозке. Например, до 60% продукции электронной промышленности и информационно-коммуникационного оборудования отправляется из аэропорта Пинанг, а остальные 40% через КЛИА.

Дочерняя компания – «Маскарго» обеспечивает перевозки грузов от аэропорта к аэропорту. Компания фрахтует самолеты через свои отделения в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Франкфурте, Гааге, Амстердаме, Сеуле. Нагое, Осаке, Гонконге, Джакарте. В 2002 г. компания построила аэропорт в границах морского порта, к которому подвозятся грузы из различных районов страны, а затем перевозятся в разные страны мира самолетами, вылетающими из КЛИА [68. С. 22].

Компания «Трансмейл эйр» обслуживает девять внутренних линий и пять своих региональных отделений в Бангалоре, Мадрасе, Маниле, Джакарте и Шеньжене. Кроме того, сотни малайзийских и иностранных фирм выполняют форвардские операции. Все авиарейсы, находящиеся в ведении компаний, устанавливаются государством. Общий результат предпринятых правительством усилий в развитии и модернизации инфраструктуры – готовность страны для перехода к «экономике знаний».

Приватизация по-малайзийски

С середины 80-х годов в мире стало широко распространяться поветрие разгосударствления национальных компаний, исходящее из США и Великобритании. Примерно тогда же в Малайзии началась новая фаза экономических реформ, стержневой идеей которой как раз была обнародованная в 1983 г. собственная модель приватизации. (Махатхир Мохамад впоследствии подчеркивал, что приватизация началась в Малайзии задолго до того, как это слово прокатилось по всему миру.)

Государственный сектор начал создаваться в Малайе в колониальные времена. Первые государственные предприятия и ведомства появились при английской администрации. Например, Национальный энергетический совет, который ведал снабжением страны электроэнергией, был учрежден в 1951 г. Затем появилось финансовое агентство «Рурал энд дивелопмент осорити» (РУДА), призванное содействовать устранению всякого рода дисбалансов в экономике, поскольку регионы страны были развиты неравномерно, а роль этнических общин в хозяйственной жизни была неадекватна их чис-

ленности и фактическому социальному положению. Позже РУДА заменили другие агентства – «Маджелис аманат ракьят» –МАРА, а также ФЛДА. К 1957 г. в Малайе существовало 39 государственных ведомств и предприятий, а в начале 70-х их число приблизилось к 70. Среди государственных предприятий были такие крупные компании, как ШИПК, сталелитейная «Малаявата стил», Правительственное ведомство жилищного строительства, «Малэйшн эксплоинсенз», «Банк бумипутра Малайсия» и ряд других.

На протяжении трех пятилетних планов позиции государства в основных отраслях экономики только упрочивались. Создавались новые государственные организации, компании и предприятия. Однако процветал, находил для себя новые ниши и частнохозяйственный сектор. Наряду с ним набирал силу расширяемый правительством смешанный сектор, в котором преобладающее значение имели государственные компании и так называемые небюджетные организации. В середине 80-х годов после реорганизации только в добывающей промышленности из 1500 зарегистрированных компаний статус совместных получили более 600, а в строительстве из 1300 – 400. Общие инвестиции в государственные и совместные компании оценивались примерно в две пятых ВВП [86. С. 188–189].

Изначально говорилось, что создаваемые при активном участии государства предприятия и компании впоследствии перейдут в частный сектор, прежде всего к бумипутра, т.е. коренным малайцам. Однако передача в частную собственность средств производства не объявлялась самоцелью, главным постулатом приватизации было повышение экономической эффективности и рентабельности предприятий. Поэтому установка на увеличение совместных предприятий превалировала как при учреждении новых компаний, так и после приватизации или акционирования. То, что государство имеет долю в компании и его представители участвуют в ее руководстве, рассматривалось правительством как своего рода фактор сдерживания экспансии монополий, а также как возможность сохранять в национальном ведении не только отдельное предприятие, но и отрасль в целом.

Редкие случаи перехода в частную собственность бывшего имущества колониальной администрации наблюдались еще в 50-е и 60-е годы, когда покупателями иностранных предприятий и плантаций становились в большинстве случаев богатые китайцы. Однако главной тенденцией в то время было наращивание собственности государства, а не ее разгосударствление.

Со временем управление страной становилось все более централизованным. Различными сторонами экономической жизни ве-

дало около 20 министерств и департаментов. В результате курса на расширение участия государства в хозяйственной деятельности к концу 70-х годов оно выступало пайщиком в 557 компаниях. Юридически почти все они, за исключением десяти, были частными, но их акции не продавались на фондовой бирже. Эти предприятия и компании финансировались через Государственное казначейство и упомянутые выше агентства. Таким компаниям предоставлялись гранты и займы, а их акции покупало правительство. Предприятия и компании такого рода называют в Малайзии связанными с правительством (Government linked Companies – GLC). Важным звеном в формировании связей между государством и частным бизнесом были различные фонды, в том числе Муслим пилигрим фонд, Имплиоз провидент фонд, Бумипутра инвестмент фаундейшн и др.

В Малайзии наряду с федеральной государственной собственностью у каждого штата есть своя. Все юридические лица имеют статус корпорации персеро (*persero*). Правом их учреждения обладает министерство по делам государственных предприятий. Число персеро федерального подчинения относительно невелико, намного больше принадлежащих малайзийским штатам.

Государственные корпорации развития экономики «Стейт экономик дивелопмент корпорейшн» (СЕДК) выступали как холдинговые компании и располагали от 30 до 250 дочерних предприятий. Главная задача СЕДК – содействовать подъему хозяйства штата, появлению новых рабочих мест, помогать развитию малых предприятий, продвижению иностранных фирм и формированию местного фонда штата. Такие организации были учреждены в штатах Селангор, Паханг, Тренггану, Кедах, Джохор, Келантан, Негери Сембилан, а также в Пенанге. На первых порах деятельность таких корпораций ограничивалась территорией штата, но затем многие из них постепенно распространяли ее на другие части страны и даже за пределы Малайзии.

Успешному управлению государственными предприятиями в Малайзии помогает традиция соблюдения закона, установившаяся еще во времена английской колониальной администрации, а также присущее населению более развитое сознание гражданской ответственности, чем, например, в Индонезии. Члены Совета директоров персеро в большинстве своем (80%) назначаются губернатором штата из государственных служащих, а 20% составляют независимые уполномоченные. В дочерних предприятиях совет директоров состоит из независимых уполномоченных или же назначенных правительством лиц. Роль уполномоченных в управлении компании важна, поэтому их назначению предшествует

тщательный отбор. Каждый из них должен разбираться в законах, регламентирующих деятельность корпораций, налоговой системе, финансах, внутреннем аудите и т.п. Служащим более высокого ранга необходимо овладеть стратегическим планированием, а также знанием особенностей частного предпринимательства и менеджмента. Кандидатуры на руководящие должности в таких корпорациях подбираются исходя из послужного списка претендента и результатов экзамена. Поиск кадров производится как в самой компании или штате, так и за их пределами. В Малайзии формируется новая система управления корпорациями. Учрежден специальный Совет, регламентирующий их деятельность, устанавливается этика управления с учетом местных традиций предпринимательства и сложившихся отношений в различных этнических секторах делового мира. Кроме того, служащему предписывается ориентация на определенные социальные установки, которые не поощряют чрезмерное рвение в конкурентной борьбе, а также побуждают сочетать действие рыночного механизма с долгосрочными целями государства. Корпоративное управление в федерации исходит из трех «А» (*awareness, advocacy, action*), т. е. «понимания, отстаивания, действия». Этот принцип созвучен положениям Этического кодекса, который был принят в 1987 г. Однако, как считают малайзийцы, чтобы приобщить к этим положениям деловой мир, нужно долго и неустанно работать.

В 1997 г. был принят «Акт о финансовой отчетности», который предписывал компаниям иметь независимую бухгалтерскую отчетность, независимый аудит с привлечением специалистов и ученых. В 1998 г. были приняты дополнения к «Закону о компаниях» от 1965 г. и «Кодекс управления корпорациями». Последний был дополнен в 2000 г. и предусматривал включение в управленческий процесс многочисленных всемалайзийских организаций, а также установление контактов с международными организациями, которые занимаются аналогичными проблемами. Одна из главных функций Совета управления корпорациями – поддерживать здоровую систему внутреннего контроля, которая позволяет обеспечивать интересы и безопасность держателей акций и активов компании.

До середины 80-х годов инвестиции правительства охватывали различные сферы экономики. Однако впоследствии капиталовложения направлялись главным образом в тяжелую промышленность и капиталоемкие объекты инфраструктуры.

Общее число государственных предприятий, включая внебюджетные агентства, увеличилось с 47 в 1969 до 900 в 1985 г. Од-

нако прерогативы министерства по делам государственных предприятий касались лишь 269 компаний. Основу государственного сектора составляли 14 крупнейших компаний и организаций и 20 внебюджетных агентств, ведавших важнейшими объектами инфраструктуры. По техническим показателям (фондо- и техновооруженность, производительность труда и др.) государственные промышленные компании, как правило, превосходили местные частные. К числу крупнейших государственных компаний относится уже упоминавшаяся «Петронас». Другой крупной компанией является созданная в 1983 г. при содействии «ДРБ – Хиком групп» компания «Пербаданан отомобил насионал» («Протон»), наладившая в Малайзии выпуск автомобилей. В следующем году та же группа учредила фирму «Эдаран отомобил насионал», которая получила право продавать машины. Первый малайзийский автомобиль, выпущенный в 1985 г., хотя и требовал существенной доработки, тем не менее представлял собой немалое достижение, поскольку в то время лишь десять стран мира выпускали автомобили собственных марок. К 1993 г. в Малайзии действовало восемь автосборочных заводов, которые выпускали на основе так называемой отверточной технологии машины трех с половиной десятка иностранных марок («Хонда», «Тоета» и др.). Вскоре был создан второй автомобилестроительный завод «Перусахаан отомобил кедуа» («Пердуа»). В новой совместной компании 38% капитала принадлежало малайзийской «УБМ корпорейшн», 20% – государственной компании «Мед – Бумикар МАРА», 10% – «ПНБ Икуити рекорз», 20% – японской компании «Дайхацу моторз», 7% – «Мицуи». По японской и частично германской и шведской технологии был налажен выпуск малайзийского малолитражного автомобиля «Канчиль» мощностью 66 л. с., который стоил 9 000 долл. США. На первой стадии налаживания производства блоки для моторов ввозились из Японии. Однако, учитывая строгие требования ВТО, предъявляемые к содержанию местного компонента в производстве, с 1995–1996 гг. в Малайзии началось освоение выпуска коробок передач и других деталей.

Не менее сложной оказалась проблема сбыта автомобилей. В 1994 г. 1000 машин правительство закупило для административных нужд. 1500 автомобилей были отправлены в Индонезию на бартерной основе. Финансовый кризис 1997–1998 гг. тяжело сказался на компании, задолженность которой составила 5 млрд. рингг. В 2000 г. правительство было вынуждено продать часть своих акций, и его доля в капитале «Протон» уменьшилась до 12% [232, 17. 10. 2000].

Приватизация, начатая по инициативе Махатхира Мохамеда в 1982–1983 гг., проводилась без какого-либо соответствовавшего организационного опыта. К тому времени государство в основном выполнило задачи первой фазы преобразования национальной экономики и создания корпоративного сектора. Участие государства в экономической деятельности не было уже столь необходимо. Вместе с тем для решения основных социальных задач НЭП и ускоренного экономического роста требовалось продуманно сочетать в национальном хозяйстве рыночную стихию с более или менее активной хозяйственной ролью государства.

Первая волна приватизации прошла в 1982–1983 гг. Ее программа проводилась методом проб и ошибок. Как было признано впоследствии, правительство слишком поспешило, предоставив новым владельцам приватизированных предприятий максимальную свободу действий, сведя к минимуму государственное регулирование. В 1986 г. власти обнародовали «Руководство по приватизации», а в 1991 г. был принят ее «Генеральный план». В этом документе уже прослеживался системный подход к решению поставленной перед страной неординарной проблемы. Приватизация рассматривалась как неотъемлемая часть программы обновления и либерализации экономики, а поэтому ее цели должны были увязываться с общенациональными задачами развития. Возможность купить часть акций бывшей государственной компании предоставлялась не только бумипутра, но и другим гражданам Малайзии. Изменился и порядок приватизации.

Развернутую в Малайзии широкую кампанию приватизации западные журналисты подчас характеризовали как «тэтчеризм с малайзийскими чертами». Однако здесь больше улавливаются черты японской и сингапурской моделей, чем британского образца. Кроме того, малайзийская схема передачи государственной собственности в частную формировалась под явным воздействием учения ислама, особенно сунн с их толкованием социальной справедливости.

Правительство Махатхира Мохамеда не стало слепо следовать западным примерам и не пошло на форсированную и тотальную приватизацию. Оно считало необходимым предварительно проработать все юридические, экономические, институциональные и политические аспекты предпринятого шага. В большинстве случаев, прежде чем приступить к приватизации, проводилось тщательное предварительное обследование состояния фирмы или предприятия, и обязательно оценивались их активы. Подчас это было затруднительно, так как многие государственные предприятия не работали на чисто коммерческой основе. Конструктивный подход к их при-

ватизации дополнялся аудиторской проверкой, выявлением причин их малой экономической эффективности или низкой рентабельности. Нередко после проверки на основании заключения экспертов принимались меры к повышению рентабельности предприятий. И лишь после этого разрешалось приступать к лишению их статуса государственной собственности, разгосударствлению. При проведении приватизации государственное предприятие могло полностью перейти к частному владельцу и, соответственно, изменить свой юридический статус. Возможна была и продажа лишь части акций, причем и зарубежным так называемым институциональным акционерам, которые не только владеют большей частью капитала, но и определяют направление деятельности компании. Кроме того, часть активов может быть передана в лизинг, могут быть переданы (по контракту) определенные услуги, предоставляемые компанией, в том числе на условиях БОТ (Build – Operate – Transfer, т.е. «строй – эксплуатируй – передавай»).

Правительство ограничивало стремление бизнесменов приватизировать именно высокорентабельные и перспективные объекты: политика «разгосударствления» имела и свои пределы. Представлялось нецелесообразным проводить приватизацию в масштабах, грозящих государственным компаниям утратой ими естественной монополии. В целом акты приватизации и акционирования в Малайзии рассматривались как «идеологически правильные» в том случае, если в результате перехода предприятия в частную собственность повышались эффективность работы, конкурентоспособность продукции и услуг, а также технологический уровень производственного процесса.

Акционерный капитал перераспределялся главным образом через трастовые агентства, в которых в 1990 г. 20,3% акций принадлежали бумипутра. В одном из своих выступлений в 1999 г. Махатхир Мохамад сказал, что «мы будем продолжать такую приватизацию, которая приносит выгоду каждому жителю без исключения. В отличие от других стран, наши рабочие и служащие поддерживают приватизацию, так как они знают, что им будут больше платить, они получают свою долю в акциях предприятия, а нередко и бонусы». По словам Махатхира Мохамада, цели, мотивы и результаты приватизации и акционирования в Малайзии в принципе отличаются от аналогичных процессов в Аргентине, Чили, Бразилии, Венесуэле, где жизненно важные для государства предприятия продавались иностранным компаниям для обслуживания внешнего долга.

При «разгосударствлении» предприятий рабочим и служащим предоставлялись определенные социальные гарантии. Например,

увольнять сотрудников можно было только через пять лет после перехода предприятия к частному владельцу. Если новый хозяин платил меньше, то понижение зарплаты следовало компенсировать работнику акциями компании.

Постепенно Малайзия обрела опыт решения проблем приватизации и устранения ее негативных последствий. Таковые возникали, например, когда новый собственник скоростных автострад повышал плату за проезд по ним, когда создавалась чрезмерная конкуренция на рынке мобильной связи или повышались тарифы оплаты электроэнергии. В последнем случае премьер-министр наложил вето на произвол владельцев частных компаний, указав, что, прежде всего, приватизация проводится с целью обеспечить максимально успешное функционирование современного рыночного хозяйства, которое дает возможность экономике развиваться на основе научно-технического прогресса. Кроме того, по мнению премьер-министра, государство, постепенно выходя из игры, все же должно контролировать частный сектор, чтобы не допускать в нем ни чрезмерной конкуренции, ни форсированной приватизации.

Во время приватизации и акционирования, принявших широкие масштабы, на биржевые торги поступали акции государственных предприятий – МАС, Тенага насионал, Телком, Протон и других, причем купить акции имели право и иностранцы. Например, владельцем 5% акций энергетической компании «Тенага насионал» стало правительство Брунея Даруссалама.

Благодаря созидательной экономической политике в сочетании с неплохо продуманной, но в меньшей степени просчитанной практикой приватизации и акционирования к 1997 г. удалось снизить внешний долг страны со 103 до 32% ВВП.

Воплотить все провозглашенные намерения и установки в реальный процесс перехода государственной собственности в частные руки было совсем нелегко. Больше всего споров вызвал принцип предпочтения государственных предприятий и компаний как покупателей и будущих владельцев государственных предприятий и компаний. Многие малайцы и другие исконные жители страны не были искушены в менеджменте, поэтому обретенные ими предприятия и фирмы довольно скоро оказывались в руках предприимчивых китайцев.

Логическим продолжением приватизации и акционирования стал лозунг «Сплоченная Малайзия» (Malaysia incorporated). Он призывал к объединению страны, т.е. к тесному сотрудничеству всех ее государственных и частнохозяйственных структур для скорейшего совершенствования экономики и общества.

Государственная инвестиционная компания «Казанах насионал» приобретает в стране и за ее пределами активы, преследуя стратегическую цель: создать устойчивый фонд и обеспечить перспективное для Малайзии инвестирование в новые сферы и страны. В 2005 г. «Казанах» купила акции нескольких крупных зарубежных компаний: у третьего по величине в Сингапуре оператора мобильной связи «Мобайл уан», индийской компании «Апполо хоспитал энтерпрайз», китайского отделения малайзийской группы компаний «Лайон диверсифайд холдингз» и некоторых других. В общей сложности она приобрела акции почти 50 компаний с совокупной рыночной капитализацией свыше 170 млрд. рингг. Их сферы деятельности: финансы, телекоммуникации, электроснабжение, связь, информационная технология и обрабатывающая промышленность.

Одним из существенных, но неоднозначных результатов приватизации и акционирования было создание конгломератов малайзийских компаний. Многие из них в годы финансового кризиса оказались на пороге краха. Правительство и тогда оказывало реальную поддержку, прежде всего компаниям бумипутра. Например, в 2000 г. государство выкупило 29% акций на 1,92 млрд. рингг. у МАС, которая была приватизирована до кризиса бывшим министром финансов и крупным предпринимателем Даимом Заинуддином. При этом, по некоторым оценкам, правительство заплатило за акции втрое больше рыночной капитализации предприятия. Кроме того, в годы пребывания Даима Заинуддина членом кабинета его родственники (сын, племянник и др.) в обход открытых тендеров получили возможность приобрести активы государственных предприятий. Лишь в 2003 г. МАС вновь стала прибыльной. Компании удалось восстановить свои позиции, однако резкое повышение мировых цен на горючее породило новые трудности. Поскольку расходы на горючее достигают от 35 до 40% всех затрат компании, ее возможные убытки в 2006 г. могут составить 620 млн. рингг. Новое руководство предложило план активизации этого акционерного общества, что и помогло ему в 2005 г. получить прибыль; кроме того, директорат намерен приобрести 69,3% акций местной компании «Пенербанган Малэйсиа» [237, 2006. 16–31. 03. С. 17].

В 2001 г. правительство, спасая от краха конгломерат компаний «Ренонг групп», выкупило его активы. Конгломерат возник на волне политики, имевшей целью формирование буржуазии бумипутра из представителей молодежного крыла ОМНО. До финансового кризиса это был крупнейший в стране конгломерат.

Малайзийские методы преобразования государственного сектора и способы управления им так своеобразны, что нельзя не при-

ти к выводу: меры, предпринимаемые правительством, – это поиски путей более эффективного функционирования экономической системы.

Один из острейших дискуссионных вопросов: становится ли эффективнее работа предприятия или компании после приватизации? Некоторые малайзийские экономисты (С. Х. Тан, Шериф) считают, что приватизация оказала на хозяйство страны благотворное воздействие: повысилась производительность труда, сократились затраты, увеличился выпуск продукции, введены новые виды услуг (пример – «Телком»), ускорилось строительство (сооружена плотина в Лабуане, автострада Север–Юг), в обществе появились новые предприниматели. Самый веский довод сторонников целесообразности проводимых мер в том, что именно через приватизацию достигаются основные цели НЭП. Оппоненты этой точки зрения возражают, указывая на то, что после приватизации произвольно повышаются тарифы и цены. А, например, Б. Н. Гхош считает, что рост экономики и создание современных предприятий в Малайзии фактически обеспечили транснациональные корпорации, изменение же формы собственности, по его мнению, не имеет ключевого значения [140. С. 171]. В самой приватизации не надо видеть панацею, важна капиталоемкость предприятий, которая, например, в обрабатывающей промышленности, где доминирует частный сектор, с 1970 по 1985 г. выросла втрое. Более высокое строение капитала позволяет получать большую новую стоимость из расчета на одного занятого, а значит, и более высокие доходы. К тому же, не без основания считает Гхош, многие приватизированные предприятия в конечном счете попадают в зависимость от крупных конгломератов компаний, которые и определяют ценовую политику.

После ухода Махатхира Мохамеда в 2003 г. с главных постов государства и партии ОМНО голоса критиков его политики стали звучать громче. В частности, бывшего премьера упрекали в одностороннем подходе к реализации НЭП, хотя ее установки были уточнены еще при подведении итогов выполнения первой половины пятилетнего плана (1971–1975). По утверждению критиков, Махатхир Мохамед не вполне следовал этим установкам. У новой экономической политики были следующие основные цели: искоренить бедность и увеличить занятость; ускорить реструктуризацию малайзийского общества и устранить в нем существующий дисбаланс. В этой политике следует исключить идентификацию какой-либо этнической группы населения с определенным видом экономической деятельности. Необходимо создать такие условия, чтобы

ни одна группа населения не осталась (или не чувствовала себя) в стороне от новой экономической политики [52. С. 35].

Что касается деятельности Махатхира Мохамада, то, по мнению критиков, все его усилия были направлены на формирование узкого класса преуспевающих малайцев. Считалось, что благодаря высоким темпам роста решится задача устранения имущественного неравенства между этническими группами. Предполагалось, что со временем при содействии класса богатеющих будет искоренена бедность. Однако жизнь показала, что преуспевающие бизнесмены заботились о собственном благосостоянии, а не об искоренении нищеты. Надежды на сплоченность малайской общины, на ее традиционные этические нормы, которые должны были обусловить сотрудничество социальных и экономических институтов и индивидов, оказались тщетными.

Как отмечает Кхалдун Малек, профессор политической философии Университета Малайи, «кажутся странными скоропалительные решения плановиков корпоративного сектора о продаже государственных предприятий ради восстановления их пошатнувшихся позиций». Прежде всего, напоминает он, не надо забывать, что активы государственных предприятий – это «общественное достояние, призванное служить национальным интересам». Профессор предлагает предавать гласности каждое решение о приватизации очередного государственного предприятия до реализации этого постановления. Он также напоминает, что, по учению ислама (*Ibn Taymiya*), правительство призвано служить своему народу, его общим интересам (*maslaha*). Согласно шариату, заключает Кхалдун Малек, рост благосостояния обязывает заботиться и о бедных [237, 2006, 16–31. С. 13].

Из компаний, принадлежавших китайским предпринимателям или контролируемых ими, формировались конгломераты. Наглядным примером является один из крупнейших конгломератов Малайзии «Хонг Леонг групп», включавший в 2005 г. 16 компаний, из которых 12 были зарегистрированы на фондовой бирже. Операции фирм, входящих в конгломерат, охватывают банковское дело, сектор финансовых услуг, обрабатывающую промышленность, рынок недвижимости, а также игорный бизнес. Это «Хонг Леонг бэнк» и компании Хонг Леонг индастриз, ОЮЛ индастриз, Хьюм индастриз и другие. Возглавляет конгломерат Тан Сри Куек.

Одна из первых компаний «Хонг Леон групп» – ОЮЛ была учреждена в 1974 г. Ее деятельность началась с изготовления деталей, а затем и сборки газовых плит. Через два года компания совместно с «Гутри Малэйзиэн холдингз» наладила производство кондицио-

неров, а в 1977 г. построила завод холодильников и кондиционеров по технологии, полученной от третьей компании. Через год ОЮЛ заключила соглашение с «Борг Варнер» (США) о производстве по американским лицензиям и реализации за рубежом кондиционеров и холодильных установок. По соглашению с «Мицубиси» в 1983 г. компания приступила к сборке японских кондиционеров. В 1986 г. ОЮЛ была зарегистрирована на бирже, а в 1990 г. вошла в конгломерат компаний «Хонг Леонг групп». Благодаря участию в конгломерате ОЮЛ в 2005 году вошла в пятерку крупнейших в мире производителей обогревательных, кондиционерных, вентиляционных и фильтрующих установок. Ее продукция шла на рынки Северной Америки, Европы, Азии. История роста этой компании – лишь один из примеров успешных и динамично развивающихся предприятий, входящих в конгломерат Тана Куека.

Другой конгломерат компаний с центром в Сингапуре оперирует в аналогичных сферах бизнеса и принадлежит кузену этого бизнесмена – Ленг Бену Куеку. На сингапурской и гонконгской фондовых биржах зарегистрирована его компания «БИЛ интэрнэшнл». Оба брата входят в число богатейших людей не только своих стран, но и всей Юго-Восточной Азии. Семья Куек, которая владеет контрольным пакетом акций этих двух конгломератов, придерживается консервативных методов управления, т. е. принципа закрытости информации о деятельности компании и подбора руководящих кадров из числа членов семьи. Истоки этой деловой империи восходят к 1941 г., когда отец и братья Куека, выходцы из китайской провинции Фуцзянь, основали в Сингапуре небольшую торговую фирму. После учебы в Англии, в 1960 г., семья направила его в Малайзию налаживать торговлю. Когда в 1965 г. Сингапур вышел из Малайской Федерации, Тан Куек начал свое дело в новой для семьи области – производстве строительных материалов, а через несколько лет его компании стали оперировать и в сфере финансовых услуг. В 1981 г. Тан Куек покупает гонконгский банк «Дао бэнк», и 20 лет спустя продает его, выручив при этом 11,6 млрд. рингг. Девиз «купи дешево – продай дорого» всегда был главным для бизнесмена. Когда в 1984 г. Тан Куек взялся за производство полупроводников, его кузен Ленг Бен Куек развернул свое дело в Сингапуре.

«Хонг Леонг групп» владеет 62% акций компании «Хванг ДБС», которая, в свою очередь, контролирует 56,1% акций крупного производителя полупроводников «Малэйсиен Пасифик индастриз».

Семья Куек через разветвленную сеть своих дочерних, сестринских, прочих зависимых от нее компаний активно действует и за

пределами Малайзии и Сингапура. В 2005 г. Тан Сри Куек Чан стал третьим среди самых богатых людей Малайзии и восьмым – Юго-Восточной Азии. Его состояние, по некоторым данным, достигало 9,9 млрд. рингг., а по оценкам журнала «Форбс» – 2,4 млрд. долл. США. Он стал объектом особого внимания в связи с открытием в 2004 г. «Хонг Леонг исламик бэнк» с активами свыше 5 млрд. рингг. Тан Куек оказался в числе пяти малайзийских банкиров, получивших лицензии на учреждение в стране исламских банков. Возможно, это было своего рода поощрением за его заслуги в деле консолидации банковской системы Малайзии после кризиса 1997–1998 гг. Тогда, несколько поколебавшись, миллионер все же согласился на предложение правительства включить свой банк в число так называемых якорных банков, т. е. тех финансовых учреждений, которые должны послужить якорем спасения финансово-банковской системы страны. Группа рассчитывает также получить от правительства еще одну лицензию *takaful*, гарантирующую взаимоподдержку и взаимовыгоду банка и клиента. После вступления этого банка в формирующуюся систему исламских финансовых учреждений возлагаются надежды на то, что рейтинг конгломерата может подняться еще выше [237, 2006, 16 – 31. 03. С. 23 –31]. В свое время Тан Куек развернул широкую предпринимательскую деятельность благодаря знакомствам в правящих кругах Малайзии, в том числе с Тунгу Разайлехом и Газали. В частности, когда в 1975 г. Куек попросил предоставить ему малайзийское гражданство, хотя бизнес его был все еще в Сингапуре, министр внутренних дел Малайзии пошел навстречу энергичному предпринимателю. Название этого конгломерата – Хонг Леонг традиционно для Малайзии, идентично имени его основателя и стало общепризнанным брэндом.

Пример восхождения к богатству этой китайской семьи в Малайзии показывает, что не только доступ к участию в приватизации государственных предприятий, но и связи на различных уровнях с представителями исполнительной власти могут способствовать быстрому росту бизнеса.

Предпринимавшиеся усилия позволили увеличить долю бумипутра в корпоративном секторе к 1995 г. до 20,8%, однако в результате финансового кризиса она сократилась к 2002 г. до 18,9%. В 2004 г. эта цифра возросла лишь на 0,2%. За 1995–2004 гг. доля китайцев возросла до 40,6%, а индийцев уменьшилась с 1,8 до 1,2%. Существенно сократилась и доля иностранцев: с 50 до 32,5%. Сложнее всего малайцам было пробиться в обрабатывающей промышленности. Однако в отдельных секторах экономики их позиции были

достаточно сильны. Например, в строительстве на бумипутра приходилось 35,2%, а в транспорте – 26,7%.

Невысока была доля собственности в недвижимости. В городах страны малайцам принадлежало лишь 14,3% от общего числа отелей, 11,7% деловых комплексов, 4,8% промышленных зданий, 12,7% прочих коммерческих строений [68. С. 16].

Малайзийский способ приватизации – один из вариантов восточноазиатской модели разгосударствления. И ее положительные результаты и просчеты представляют большой интерес для изучения, особенно в сопоставлении с аналогичной по целям политикой, которую претворяют в жизнь многие экономисты и государственные деятели по всему миру, включая и Россию.

«Перспективы 2020» – устремление в инновационный мир

К началу 90-х годов Малайзия вышла на стартовый рубеж со-зидания современного, промышленно развитого государства. Ввиду нестабильности мировой конъюнктуры, зависимости страны от спроса на ее экспортную продукцию назрела необходимость в постепенной перестройке экономики и социума на базе знания и науки. Это требовало консолидации усилий правительства и всего общества.

В 1991–1992 гг. было определено основное направление новой социально-экономической политики, обнародованное Махатхиром Мохамадом в докладе «Vision 2020» («Перспективы 2020 года»). Подводя итоги политики прежних лет, Махатхир бин Мохамад говорил: «Мы следовали принципу “Ориентации на Восток”, осуществили программы приватизации и дерегулирования производства. Мы сделали главным двигателем не государственный, а частный сектор и ускорили процесс индустриализации. Мы приложили огромные усилия для увеличения числа средних и малых предприятий, решительно переориентировали экономику на экспорт, стремясь к тому, чтобы весь мир стал рынком сбыта нашей продукции. Мы настойчиво привлекали иностранные инвестиции и уделяли огромное внимание развитию людских ресурсов, упорно работая над современными технологиями. Мы осознали необходимость модернизации сельского хозяйства и сферы услуг» [цит. по: 89. С. 117].

Концепция «Перспективы 2020 года» легла в основу принятых правительством «Национальной политики развития (НПР)», «Вто-

рого перспективного плана развития (1991–2020)», Второго генерального плана развития промышленности (1996–2005) и «Третьего генерального плана индустриализации (2006–2010). Эти документы во многом исходили из положений НЭП, но в них на первый план выходили качественные, а не количественные показатели. Центральной установкой было удвоение ВВП в течение каждого последующих десяти лет с тем, чтобы к 2020 г. он возрос в восемь раз, а доход на душу населения – вчетверо. (Расчеты произведены в рингг. на основе цен 1990 г.) [111 а, С. 7].

В новых документах особое внимание уделялось развитию человеческого фактора – подготовке высококвалифицированных научно-технических кадров, отвечающих требованиям развитой промышленной экономики. «Второй перспективный план» намечал развитие обрабатывающей промышленности опережающими темпами (10,5%), предполагалось, что это позволит увеличить ее долю в ВВП с 27% в 1990 г. до 38% в 2005 г., а в экспорте с 70 до 82%.

Во «Втором генеральном плане развития промышленности (1996–2005)» первостепенное внимание уделялось развитию и упрочению межотраслевых связей, наращиванию новой стоимости и увеличению производительности. План предусматривал проведение конкретных преобразований в 12 отраслях. Общим требованием было сокращение доли трудоемких предприятий в экспорте продукции. Это означало закрытие многих предприятий с низкой рентабельностью или же перенос производства в страны с более дешевой рабочей силой. Поскольку предполагалось замедление темпов роста промышленности с 10,5 до 8,3%, неизбежно должны были понизиться и темпы роста экспорта – до 16%. Однако намерение довести долю обрабатывающей промышленности в ВВП до 38% оставалось неизменным.

На основе двух «Генеральных планов развития промышленности» составлялись и претворялись в жизнь соответствующие разделы в Шестом (1991–1995), Седьмом (1996–2000) и Восьмом (2001–2005) пятилетних планах. Девятый пятилетний план (2006–2010) исходит из установок Третьего генерального плана индустриализации (2006 – 2020).

Залогом успешной организации современных предприятий было привлечение к этому процессу ТНК. Созданные для них благоприятные условия, прежде всего в центрах ускоренного роста и экспортно-производственных зонах, принесли позитивные результаты.

В связи с быстрым становлением в Малайзии «восходящих отраслей», которые требовали перестройки в короткие сроки технологических процессов, многие ТНК стали разворачивать свои научно-

исследовательские и проектные работы в самой стране. Одними из первых за это взялись японские компании. В 1994 г. «Хитачи электроник продактс Малэйшн», производящая цветные телевизоры и кассеты, до 90% которых шло на экспорт, перенесла в Малайзию отделы планирования и исследовательских работ, конструкторское бюро. В новом технологическом коридоре, создаваемом на о. Пенанг (бывший центр добычи олова), стали оперировать занимающиеся новейшими технологиями компании – «Пало алто» и «Калифорния», изготавливающая измерительный инструмент и оборудование для лабораторий с завершённым циклом. Полный цикл производства налажен и на предприятиях всемирно известных компаний «Хьюлетт паккард», а также «Интел», где в 2003 г. было занято восемь тысяч малайзийцев [229, 2003, т. 166, № 19. С. 40].

В 1992 г. была создана корпорация «Малэйшн технолоджи дивелопмент» (Malaysian Technology Development Corporation – MTDC), призванная коммерциализировать результаты исследований и открытий ученых, сделанных в малайзийских университетах, институтах, НИИ и КБ. Эта организация должна оценивать важность новых открытий и изобретений и передавать новые технологии для внедрения в серийное производство. Ее ключевая функция – изыскание источников финансирования и содействие формированию венчурного капитала для развития перспективных предприятий в приоритетных областях. К их числу относятся нанобиотехнологии, производство композитных материалов, возобновляемые источники электроэнергии, точная инженерия и машиностроение, микроэлектроника, фотоника, современные виды услуг. Через несколько лет MTDC превратилась в комплексную и интегрированную корпорацию, содействующую формированию промышленно-финансовых групп с венчурным капиталом и стратегических альянсов с международными технологическими компаниями. Ее деятельность выходит за пределы консультативных услуг, распространяется на организацию технологических инкубаторов и других форм нового бизнеса.

В 1996 г. MTDC приняла свою программу технологического развития, состоящую в оказании финансовой помощи предпринимателям, которые организуют производство на основе высоких технологий. Для этих целей учреждены Фонд приобретения технологий, Фонд коммерциализации результатов НИОКР, а также отдельный Фонд для компаний, принадлежащих женщинам или управляемых женщинами.

MTDC – компания со сложной структурой, через которую правительство к 2004 г. разместило фонды в различных фирмах на

общую сумму свыше 50 млн. долл. США. Кроме того, в 2003 г. правительство Малайзии поручило MTDC управление фондом венчурного капитала, не относящегося к информационно-коммуникационной технологии (Non – ICT Venture Capital Fund) с 265 млн. долл. Учредила она и ряд компаний (Малэйшн технолоджи венчер, Сумбер модал сату, Ист Малэйсиа гроус). Еще одно направление деятельности MTDC – содействие в организации технологических инкубаторов согласно правительственной программе «Технолоджи дивелопмент кластер» (Technology Development Cluster). В ее разработке участвовало три университета, в которых и созданы промышленные технологические инкубаторы. Кластер при Молодежном университете Малайзии (г. Серданг, штат Селангор) специализируется на информационно-коммуникационной технологии, мультимедийной связи и сельскохозяйственной биотехнологии. Технологический центр при Национальном малайзийском университете (г. Банги, штат Селангор) занимается естественными науками и биотехнологией. Инновационный центр при Технологическом университете Малайзии (г. Скудаи, штат Джохор) специализируется на автоматизации и передовых видах организации производства.

Создана также серверная фирма, предоставляющая услуги для электронной торговли в непрерывном режиме. В широкий спектр услуг, которые оказывает MTDC, входит технико-экономическое обоснование, изучение маркетинга, составление бизнес-плана, аудит производства и др. Сотрудники этой компании предоставляют консультативные услуги, состоящие в долгосрочном планировании развития, а также перечисленных выше профилей. В Селангоре работает фирма, предлагающая информационно-технологические услуги электронной торговле в непрерывном режиме.

Плодотворной является и деятельность Малайзийского совета пальмового масла (Malaysian Palm Oil Board – MPOB). За четверть века своей деятельности он принял участие более чем в 300 технологических прорывах в области использования биомассы и создании новых продуктов.

Новый импульс плантационное хозяйство получило в 2004–2005 годы, когда в Малайзии на основе экспериментальных работ была создана добавка к дизельному топливу. Топливо, в котором эта примесь составляет 5%, назвали энвдизель, или биодизель. Его преимущество состоит не только в снижении стоимости горючего, но также и в том, что новое горючее не требует модификации автомобилей и является экологически чистым видом топлива.

Впервые энводизель стали применять для заправки машин в министерствах пальмопродуктов и промышленности, обороны, полиции, общественных работ, а также администрацией ряда штатов. При небывало высоких мировых ценах на нефть и нефтепродукты это изобретение сулит Малайзии большие выгоды, так как новый вид топлива стимулирует производство пальмопродуктов, необходимых для получения энво, и позволит сократить расходы страны на горючее. В 2007 г. намечено ввести в строй три завода совокупной производительностью 180 тыс. т в год по производству биодизельного топлива. Малайзия намерена производить 500 тыс. т такого топлива, чтобы сократить потребление дорожных нефтепродуктов [237, 22. 03. 2006]. Одна из крупнейших плантационных компаний «Гоулден хоуп плантейшн» планирует к 2015 г. удвоить производство пальмового масла, довести его до 1,6 млн. т. В 2005 г. плантации компании, большая часть которых находится в Сараваке, занимали 180 тыс. га. К 2015 г. «Гоулден хоуп» собирается также расширить и в Индонезии площади под масличной пальмой с 20 тыс. до 150 тыс. га [237, 22. 03. 2006].

Наступившее XXI столетие застало в стране 200 промышленных зон и индустриальных парков, которые создавались и действовали под руководством Государственной корпорации экономического развития, ее региональных служб, портовых и муниципальных властей. Кроме того, существовало 14 свободных промышленных зон. В СПЗ расположены предприятия, выпускающие экспортную продукцию. Здесь же размещаются складские помещения, арендаторы которых пользуются всеми льготами и преимуществами, создаваемыми в таких анклавах для производителей и экспортеров. Развитие современной логистики дополняется возможностями стремительно совершенствуемой телекоммуникационной системы.

Реструктуризация экономики и общества в Малайзии происходит не в обычной для западных стран последовательности, когда развитие техники и технологии предшествует совершенствованию организации управления. В Малайзии наблюдается своего рода синтез элементов производства в иностранном, местном и государственном секторах, благодаря чему за относительно короткий срок было достигнуто более высокое строение капитала и удалось расширить масштабы современного производства. Это позволило наладить выпуск различных конкурентоспособных товаров и стабильно поставлять их на мировой рынок.

Организация и технологический уровень производства корректировались под воздействием политики правительства, которое регулировало инвестиционный процесс. Правовая основа деятель-

ности предприятий формировалась постепенно. Ее составили законы: О компаниях (1965), О промышленной координации (1976), О поощрении инвестиций (1986), а также ряд законодательных актов [86 а. С. 268–269]. На протяжении десятилетий неуклонно развивалась система поощрения инвестиций. Сначала компаниям присваивался статус «пионерных», они не платили налог на инвестиции, затем государство брало на себя кредитование экспорта. При ввозе остро необходимого оборудования эти компании освобождались от пошлин, им предоставлялись гранты на НИОКР и подготовку кадров нового профиля. Заявки на инвестиции подлежат рассмотрению и одобрению Малайзийского агентства промышленного развития и Комитета по иностранным инвестициям. Законодательство страны в целом считается стабильным, однако продолжающийся процесс либерализации инвестиционного климата вносит в юридическую область свои поправки. В отличие от Сингапура в Малайзии сохраняются некоторые ограничения деятельности иностранных инвесторов.

Во-первых, доля зарубежных вкладчиков в акционерном капитале в стратегических отраслях (водо- и энергоснабжение, телекоммуникации, автомобилестроение, банковское дело и здравоохранение) не должна превышать 30%. Во-вторых, при покупке акций местным или иностранным вкладчиком капитала 30%-ная доля сохраняется за бумипутра. Однако, учитывая необходимость обеспечения опережающего развития ряда новых отраслей, компаниям, действующим на основании полученных лицензий, а также имеющим статус МСК, разрешено владеть 100% капитала. Эта привилегия распространяется на штаб-квартиры фирм, коммерческие международные центры, которые складировать у себя и поставляют товары в разные страны мира, а также на ведущие научно-исследовательские организации.

Вместе с тем, руководствуясь стремлением поддержать национальные кадры, правительство ввело ограничения на приглашение иностранцев на руководящие должности, установило максимальные сроки их пребывания в стране. Исключение составляют информационно-коммуникационные компании, получившие статус МСК, которым разрешается приглашать на работу иностранных специалистов без ограничений. В последние годы правительство стало более строго подходить к отбору заявок иностранных инвесторов на строительство объектов промышленности или инфраструктуры, отдавая предпочтение проектам, которые предусматривают применение высоких технологий. Санкционируя строительство, правительство исходило из соотношения иностранных и

местных инвестиций в обрабатывающую промышленность в пропорции 40 : 60 в пользу малайзийских компаний.

О первых успехах проводимой экономической политики можно судить по данным на предкризисный 1996 год. С 1978 по 1996 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 8% (в постоянных ценах 1978 г.), в результате чего валовой внутренний продукт увеличился почти в три с половиной раза. Доход на душу населения возрос с 2474 долл. США в 1991 г. почти до 5000 в первой половине 1997 г. Позитивные результаты были достигнуты во многих отраслях промышленности. За десятилетие производство электротехнической и электронной продукции возросло в 32 раза, изделий из каучука – в 13 раз, продукции химической промышленности – в 10 раз, нефтепродуктов и металла – в 7, тканей и готовой одежды, а также обработанной древесины – в 6 раз. Хотя в Малайзии трудилось всего 8,7 млн. человек, не считая мигрантов, она давала миру более половины всего потребляемого им пальмового масла и была одним из лидеров в производстве каучука.

Реализация основных установок Второго генерального плана развития промышленности, а именно подготовка качественно иных кадров, изыскание новых источников роста, сочетание роста промышленности с выравниванием благосостояния, в совокупности создавало качественно иную основу, исходя из которой страна могла переходить на следующую стадию индустриализации [67. С. 3].

В 1996 и первой половине 1997 г. малайзийская экономика считалась второй в мире по конкурентоспособности. Многие зарубежные журналисты заговорили о «малайзийском чуде», и эту страну стали называть азиатским драконом. Зарубежные исследователи феномена Малайзии отдают должное проводимой правительством экономической политике, реализации принятых программ, особенно Второго перспективного плана развития и Генеральных планов развития промышленности.

Преодоление финансового кризиса и консолидация банковской системы

Финансовый кризис, разразившийся в середине 1997 г., сбил темпы роста в большей части отраслей и сфер национального хозяйства. Сначала Центральный банк пытался противостоять падению национальной валюты – ринггита, однако принятые им меры не приносили ожидаемого результата. В 1998 г. был образован Испол-

нительный комитет, в который вошли премьер-министр, его заместитель (он же министр финансов), заместитель главы Центробанка, другие ответственные лица. Исполком должен был контролировать экономическую и финансовую ситуацию и принимать решения, которые подлежали претворению в жизнь без предварительного одобрения правительства. Первые предложения касались активизации торговли со странами АСЕАН. Для этого предлагалось ввести взаимозачеты в национальной валюте членов Ассоциации через центральные банки, минуя расчеты в долларах. Несмотря на принципиальное согласие государств АСЕАН, эта схема не была задействована, как считают, из-за бюрократических трудностей.

В сентябре 1998 г. был опубликован пакет мер, направленных на преодоление финансового кризиса.

Во-первых, вводился твердый официальный обменный курс, приравнивавший один доллар США к 3,8 малайзийских ринггитов. Тем самым удалось отчасти сбалансировать интересы экспортеров и импортеров и скорректировать цены на внутреннем рынке. Малайзия отнеслась с пониманием к трудностям, которые испытывали ее партнеры по АСЕАН из-за кризиса, и при определении твердого обменного курса ринггита было сохранено прежнее соотношение малайзийской валюты с тайландским батом и филиппинским песо – 1:10 [86 б. С. 8].

Во-вторых, вводили жесткие меры регулирования вывоза ринггитов за рубеж, ринггитовые счета в зарубежных банках были заморожены. Отток малайзийской национальной валюты в другие страны, прежде всего в Сингапур, где была более высокая процентная ставка, сократился, равно как и спекулятивные операции с деньгами. Малайзийским банкам было запрещено переводить ринггиты на какие-либо счета по требованию своих зарубежных клиентов. Центральный банк строго контролировал ринггитовые фонды иностранных банков, – эти средства разрешалось использовать лишь для покупки товаров в Малайзии и оплаты экспортных операций. Таким образом, ликвидные средства удалось пополнить, а банки получили возможность более широкого кредитования. Дивиденды и средства, полученные от реализации в стране активов, можно было получить в инвалюте по официальному курсу [229, 1999, Т. 162, № 28. С. 68–69].

В-третьих, было ограничено право нерезидентов оперировать с малайзийскими ценными бумагами, а реализовать прибыль от их продажи разрешалось лишь через год. Приток спекулятивного краткосрочного капитала, а также портфельных инвестиций был сокращен, для малайзийских компаний, действовавших в других

странах, определены строгие условия вывоза капитала. Благодаря этим и другим постановлениям денежная масса возросла на 20–25 млн. рингг.

Одновременно принимались меры к оздоровлению банковской системы. Правительство и деловой мир тесно взаимодействовали в борьбе с кризисом. Государство предоставило частным банкам 11 млрд. рингг. для погашения текущей задолженности. Ответной реакцией было согласие представителей финансового капитала на реорганизацию банковской системы: из 71 банка, а также кредитных организаций было образовано 10 «якорных» банков и 20 специальных финансовых институтов. Кроме того, предстояло положить конец практике полулегальных краткосрочных сделок и операций с малайзийскими акциями, проводимых через сингапурский фондовый рынок «Сентрал лимит ордер бук» (CLOB). Для перекрытия этого канала утечки национальной валюты власти ввели новую систему регистрации, исключающую анонимность сделок. Акции, приобретенные через CLOB, нельзя было продавать по доверенности до регистрации их владельца. Нарушение запрета грозило замораживанием почти двухсот тысяч счетов. Эти меры положительно сказались на фондовой бирже Малайзии: совокупный индекс акций здесь поднялся с 262 до 800 пунктов, возросла и их капитализация [86 б. С. 62–63].

Малайзия оказалась единственным из охваченных финансовым кризисом государств Восточной и Юго-Восточной Азии, которому удалось его преодолеть собственными силами, по собственной программе, опираясь на свои экономические структуры, прежде всего на Центральный банк, и на поддержку своих деловых кругов. В условиях бушевавшего кризиса заявление Махатхира Мохамеда «мы не нуждаемся ни в деньгах МВФ, ни в его советах» многим казалось вызывающим, а временное введение контроля над капиталом воспринималось как неслыханный, если не контрпродуктивный шаг. На премьер-министра обрушилась волна критики как в своей стране, так и за рубежом, вплоть до требования уйти с поста. Однако принятые меры довольно скоро принесли положительные результаты, что позволило правительству постепенно, и даже раньше предусмотренного срока, отменять введенные ограничения.

Отказавшись от помощи МВФ, Малайзия решила обратиться за кредитами к Сингапуру, Брунею и Саудовской Аравии. В июле 1998 г. правительство образовало агентство по управлению ненадежными долгами – «Данахарта». Оно скупило у банков примерно половину их проблемных долгов, а таковых было 20% по рыночным ценам (примерно 54% от их номинала). Впоследствии, еще до

прекращения деятельности агентства (2005 г.), банки выкупили эти долги. Такова была реальная помощь правительства финансовым институтам страны в трудное для них время. (Для сравнения заметим, что правительство Таиланда лишь в 2001 г. создало структуру аналогичную «Данахарта».)

Временные меры, принятые для контроля над капиталом, частично были отменены уже во втором квартале 1999 г. В стране возобновилось плановое строительство, а экономика вновь стала набирать силу. В 2000 г. Малайзия заняла одно из первых мест в мире по темпам прироста ВВП, которые составили 8,2% [214, 2003, 07–08. 05. С. 37–38].

Для Махатхира Мохамеда и его кабинета в их борьбе с кризисом было чрезвычайно важно не утратить независимость экономической политики, ее основных составляющих – наращивания темпов роста, более справедливого перераспределения общественного продукта и нацеленности на прорыв в инновационный мир.

Выработанный Исполнительным комитетом комплекс поэтапных и сложных мер оказался продуктивным. Вопреки распространенным теориям и концепциям, одному государству удалось противостоять силам международного рынка капитала, а такое, в лучшем случае, считалось под силу лишь группе государств.

Оценивая положительно действия Малайзии, американские экономисты Равви Абдефал и Лаура Альфаро охарактеризовали их как «редчайший пример успешного регулирования отдельным правительством глобального рынка капитала», причем выражали мнение, что «вряд ли какая-либо другая развивающаяся страна сможет повторить малайзийский опыт» [225, 2001, № 2. С. 35]. Махатхир Мохамед также полагал, что «большая часть стран, пожалуй, не сможет сделать это». Кроме того, он считал целесообразным внесение изменений в международную финансовую систему с тем, чтобы защищать слабые государства, и предложил свою концепцию создания Монетарного фонда Азии как своего рода противовеса МВФ. Ее элементы позже нашли отражение в схеме своповых валютных соглашений, которые члены АСЕАН заключали со своими соседями на двусторонней основе.

Уроки кризиса побудили правительство сосредоточить внимание прежде всего на банковской системе. В результате слияния банков их положение и число значительно сократилось, но банковский сектор окреп. В начале XXI века в стране оперировало 13 иностранных банков, сохранивших право на 100%-ное обладание акционерным капиталом. Однако в инвестиционных банках доля иностранного капитала не должна превышать установленных 49%,

а в остальных финансовых институтах (кроме исламских) – не более 30%. Иностранным банкам не разрешается открывать новые филиалы и устанавливать банкоматы.

Специфическая черта финансового сектора в Малайзии – банки, функционирующие на основе учения ислама. Впервые они появились в этой стране в начале 90-х годов, а в 1994 г. в Малайзии был создан первый международный исламский банковский рынок. Это было своевременное действие, учитывавшее рост исламских банков в странах мира. В 2005 г. в 40 государствах оперировало 245 исламских банков и других финансовых учреждений, общая стоимость их активов составляла 262 млрд. долл. США [210, 2005, № 29. С. 29]. Иные из них функционируют в региональном и даже мировом масштабе. Наиболее известным принципом их деятельности является запрет шариата на взимание «лихвы» (*riba*), т. е. процентов. Постепенно вырабатывались и другие «исламские» принципы ведения дел, которые приводили к трансформации общепринятых банковских функций и операций. Появлялся «новый продукт» в сфере финансовых услуг. Например, лизинг, а также лизинг, завершающийся передачей в собственность, при покупке оборудования, машин, строительстве зданий и домов. При этом инвестиционные средства перепоручаются третьему лицу, который делится прибылью от операции с исламскими клиентами и депозитарами. Новой услугой таких банков является выпуск исламских конвертируемых облигаций, которые вкладываются в исламские компании по фиксированной цене. Среднесрочное и долгосрочное инвестирование, корпоративное, проектное финансирование, выпуск дебетовых карточек и ряд других современных банковских операций также получили интерпретацию в соответствии с установками шариата. Много нюансов шариат предусматривает, в частности, при решении проблем долгов. Еще одна особенность в деятельности исламских банков состоит в разделении моральной ответственности при принятии решения о финансировании того или иного объекта, так как нормы нравственности – главное в учении шариата. Как отмечает малайзийский специалист исламского банковского дела Захруддин Абд Рахман, необходимо усиленно разъяснять специфику исламского банковского дела с тем, чтобы клиенты четче различали принципы *halal* (дозволено) и *haram* (запрещено). Необходимо также объединить усилия всех сторон, включая правительство, для успешной разработки и внедрения новых услуг исламских банков [224, 22. 03. 2006].

В ноябре 2002 г. по инициативе глав центральных банков некоторых мусульманских стран и при поддержке Исламского банка развития, МВФ и международной Организации по бухгалтерско-

му учету и аудиту был создан Совет исламских финансовых услуг (Islamic Financial Services Board – IFSB) с центром в Куала-Лумпуре. В Малайзии был принят специальный законодательный Акт об IFSB, который наделил Совет таким же статусом неприкосновенности и привилегиями, которые придаются международным организациям. Основная задача, поставленная перед советом, – выработать нормативы и стандарты для регулирующих и контрольных органов государств, с тем чтобы обеспечить стабильную работу сектора исламских финансовых услуг, в который входят банковское дело, фондовый рынок и страхование. Например, страховые компании руководствуются принципом шариатского права *takaful* (взаимная выгода и взаимная поддержка). Они могут предоставить иностранному участнику лишь 49% акционерного капитала, причем активы компании должны превышать обязательства не менее чем на 1,3 млн. долл. США. Принятая программа действия Совета нацелена на развитие сектора финансовых услуг в соответствии с принципами шариата. Он призван налаживать и расширять сотрудничество между аналогичными финансовыми институтами, а также обеспечивать обучение и повышение квалификации персонала финансовых учреждений. К началу 2006 г. полноправными членами Совета стали 16 государств, в том числе Бруней, Индонезия, Сингапур, входящие в АСЕАН. На правах ассоциированного члена (без права голоса) в Совет входят Филиппины. Первые документы этой организации «Основные принципы управления рисками для институтов исламского финансирования» и «Нормативы достаточности капитала» были утверждены в 2005 г. Новые разработки начнут внедряться в экономику с конца 2007 г. Для Малайзии открытие в ее столице штаб-квартиры Совета по исламскому банковскому делу весьма важно.

В 2006 г. в стране оперировали уже три банка, которые производят финансирование по правилам, принятым в исламской банковской системе (Islamic banking). Кроме того, страна активно включается в подготовку будущего Общего рынка исламских стран. Такая глобальная организация помогла бы концентрации средств для инвестиций в мусульманских странах. Малайзия хочет создать своего рода Мекку для исламских банков и утвердиться на весьма перспективной нише мирового капитала. При этом исламский рынок капитала становится важным компонентом малайзийского капитализма. Только за 2004 г. был одобрен выпуск 49 видов исламских ценных бумаг на общую сумму 16 млрд. рингг. С 1995 по 2004 г. стоимость бондов выросла со 103 млрд. до 363 млрд. рингг., т. е. более чем в три раза, причем бонды корпораций составляли 53,3%

всей массы ценных бумаг. Разрабатывается также среднесрочная программа выпуска малайзийских исламских ценных бумаг на 10 млрд. рингг. В 2005 г. были реализованы займы на 1 млрд. рингг. сроком на пять лет [237, 2006, 16–31. 03. С. 32–36].

В Малайзии формируется система исламского банковского дела. В 1996 г. был создан один из его функциональных институтов, а именно Малайзийское рейтинговое агентство (Malaysia Reiting Corproation – MARC). Исходя из принципов шариата, оно вырабатывает свою методологию признания продукта новым. Прежде всего, продукт оценивается на основании принципа *musyrakah*, т. е. по участию и банка и клиента в прибылях и убытках. Это агентство принимает участие в страховании частных долговых обязательств (private debt securities – PDS), под сравнительно низкий процент, проводит и другие операции. Критерии рейтинга разрабатывает Институт предоставления исламских финансовых услуг (Institution Offering Islamic Financial Services – IOIFS).

Таким образом, Малайзия не только учреждает свои исламские банки, но и становится центром внедрения нового типа финансовых услуг.

Построение «информационного общества»

Принципиально новой, а возможно, и судьбоносной для Малайзии идеей была провозглашенная в Восьмом пятилетнем плане (2001–2005) установка на построение «информационного общества», т. е. общества, экономика и социальные системы которого зиждутся на новейших достижениях в сферах информации и коммуникаций. Для этого намечалось учредить исследовательские и конструкторские центры и анклав, призванные обеспечивать промышленность новейшими разработками, оборудованием и технологиями. Сознавая, что для решения этой задачи необходимо привлечь в страну кадры высокой квалификации, Малайзия обратилась за поддержкой к ведущим мировым научным и учебным центрам.

В стране было подготовлено многое для прорыва в информационное будущее. В 1996 г. получил одобрение План координации деятельности правительства, бизнеса, науки в освоении информационных технологий. Грандиозным проектом международного значения стало создание «Мультимедийного суперкоридора» (МСК). Здесь, на небольшой территории (15 x 50 км) предполагалось совместить интеллектуальную инфраструктуру, т. е. научно-исследовательские организации, вузы с технологическими парка-

ми, в которых оперируют зарубежные и отечественные компании, сосредоточить ультрасовременные технологии и технологическое оборудование, разместить научно-технологические учреждения, вузы с технологическими парками, в которых оперируют зарубежные и отечественные компании, и тем самым образовать своего рода полигон новейших технологий мирового уровня. В МСК создается плотная сеть высокоскоростной оптоволоконной связи, обеспечивающая прямой контакт со странами АСЕАН, Европы, Америки и Японией. По замыслу инициаторов МСК, здесь предстоит сосредоточить мировые технологические достижения в области электроники, информации и коммуникаций.

По новым правилам работы иностранные компании получали льготный статус лишь после того, как будет принят представленный ими проект плана передачи Малайзии передовых технологий и ноу-хау. К 2005 г. такой статус получили более 200 малайзийских и около 150 международных компаний.

Среди инициаторов создания МСК, активно содействующих затем функционированию этого центра, не на последнем месте компании, в которых участвует государство. В частности, функционирует техническая инфраструктура МСК в основном обеспечивает «Телком Малэйсиа».

Наряду с созданием суперсовременного мультимедийного центра, набирало обороты и строительство, предусмотренное седьмым, восьмым и девятым пятилетними планами. Ниже приводятся основные показатели этих планов.

Таблица 1

**Наметки и реализация пятилетних планов
(1990–2005)**

Экономический показатель	Седьмой план		Восьмой план
	Наметки	Реализация	Наметки
Темпы роста ВВП, %	8,0	4,7	7,5
Инфляция, %	2,7	3,4	2,7
Доход на душу населения, ринг.	14 788	13 359	17 779
Безработица, %	2,8	3,1	2,7
Платежный баланс, % от ВВП	0,5	6,5	3,9

Источник: Economic Planning Unit. Eighth Malaysia Five-Year Plan (2001–2005) K. L. 2001; Country Profile 2001. Malaysia. Brunei. Lnd., 2001. С. 21; Economic Planning Unit. Ninth Five - Year Plan. K. L. 2006.

Как следует из приведенных выше данных, хотя финансовый кризис и затруднил реализацию планового строительства, но основные поставленные задачи все же были выполнены. Несмотря на то что реальные темпы экономического роста в 1996–2000 гг. из-за финансового кризиса оказались почти вдвое ниже намеченных планом, все же они были выше, чем во многих развивающихся, да и в большинстве развитых стран. Определенные Восьмым пятилетним планом темпы роста – 7,5% – были достигнуты, причем на 2,8% за счет повышения производительности труда. Это позволило составителям Девятого пятилетнего плана наметить темпы экономического роста в 5–6%, примечательно, что за этот период удавалось сохранять низкий уровень инфляции (2,7–3%) и безработицы (2,8–3,1%).

В годы кризиса, когда частные компании оказались в трудном финансовом положении, государство было вынуждено взять на себя существенную часть расходов на строительство, однако после кризиса роль основного источника финансирования строительства снова перешла к частному сектору.

Макроэкономический эффект политики, которая проводилась в 1960–2005 гг. в соответствии с государственными планами, виден по тому, как менялся вклад разных отраслей в производство общественного продукта.

За четыре десятилетия в Малайзии произошла структурная перестройка экономики. Удельный вес в ВВП обрабатывающей промышленности увеличился в четыре раза, а аграрного сектора – сократился почти в пять раз. Участие государственных компаний в сфере услуг за тот же период возросло в два раза. За 45 лет эта сфера увеличилась в пять раз.

Результаты социально-экономического развития отражаются и в росте дохода на душу населения: с 806 долл. в 1960 до 5 тыс. долл. США в 2003 г., т. е. более чем в пять раз.

Хозяйственной консолидации регионов Малайзии и отношениям страны с заграницей служат все виды современной связи, включая электронную почту и Интернет. До 1996 г. абсолютным монополистом в системе фиксированной связи была государственная компания «Телком Малэйсиа». В последующие годы еще несколько частных компаний получили лицензии на деятельность в этом секторе, однако «Телком» и сейчас контролирует почти 90% рынка фиксированной связи. После появления в середине 70-х годов системы спутниковой связи развитие этой отрасли ускорилося. Позднее была построена также станция в Куантане, что позволило поддерживать связь через тихоокеанский спутник. В 1996 г. был

Таблица 2

Динамика ВВП Малайзии в 1960–2020 гг. *, %

Отрасль	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2020
Сельское хозяйство	40,7	31,5	30,6	28,4	23,4	20,8	19,1	11,7	8,6	8,2	7,8	7,0
Горнодобывающая промышленность	6,1	9,0	6,5	4,7	10,3	10,5	9,7	6,5	10,2	6,7	5,9	4,4
Обрабатывающая промышленность	8,5	10,4	13,1	16,8	20,5	19,8	26,2	27,8	34,3	31,4	32,4	28,5
Строительство	3,0	4,1	3,9	3,9	4,7	4,8	3,4	6,6	4,1	2,7	2,4	2,5
Энерго-, газо-, водоснабжение	1,5	2,3	2,7	2,2	1,5	1,7	1,9			4,1	4,1	4,3
Транспорт, коммуникации	4,3	4,2	4,1	6,3	5,8	6,4	6,7			8,8	9,1	12,1
Торговля, отели, рестораны	15,3	15,3	14,5	13,1	12,4	12,2	10,9			14,7	15,2	17,2
Финансы, бизнес-услуги	5,9	6,1	6,2	8,7	8,5	9,0	9,5			15,1	15,8	17,3
Государственные услуги	5,3	6,2	6,9	13,1	12,4	12,2	10,9			7,6	7,0	6,8
Прочие услуги	9,4	10,9	11,5	2,5	1,5	2,6	2,7	51,7	42,8	11	10,9	11,1
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,1

Источник: Malaysian Economy: Selected Issues and Policy Direction. K.L., 1994. С. 8; Bank Negara Malaysia. Monthly Statistical Bulletin. K.L. June 2001; Country Profile. Malaysia. Brunei, Ltd. 2001. С. 44; Third Industrial Master Plan 2006 – 2020. K. L. 2006.

* Прогноз согласно Третьему генеральному плану.

сконструирован, а в 1998 г. выведен на орбиту спутник MEASAT-2. Малайзия самостоятельно разработала и запустила свой первый микроспутник «Тиунсат-1». Он собственность государственной компании «Аустранаутик технолоджи», которая и управляет им. Спутниками ведаёт государственная компания «Бинарианг сателлит систем», которая предоставляет информацию разным странам мира на коммерческой основе. Запуск спутников во многом способствовал развитию мультимедийного сектора.

Технические возможности спутниковой связи позволяют связываться по телефону почти двум миллиардам людей в Юго-Восточной и Восточной Азии. Обе системы облегчают работу радио, телевидения, сбор метеорологических, геофизических данных, а также работу многих государственных и частных компаний. В 2006 г. Малайзия, проявляющая большой интерес к освоению космоса, заключила соглашение с Россией о подготовке собственных космонавтов.

В документе «Перспективы 2020» и последующих планах ключевая роль отводится информатике и коммуникационной технологии, без которых не может обойтись общество знаний. В Малайзии формируется новая структура сектора связи, в которой предпочтение отдается не традиционному радиовещанию и телевидению, а сети Интернета и ее обслуживанию. Для провайдеров во всемирной паутине введены новые лицензии. В 2002 г. в Интернете оперировало пять провайдеров, услуги которых предоставлялись с использованием новейшей технологии и оборудования, включая фиброволоконную связь, и другие, обеспечивающие скоростную связь и передачу голосовой и цифровой информации. Малайзия общается с остальным миром по десяти тысячам и более международных линий, телефонных, электронных и радиосистем, работа которых обеспечивается субмаринами, искусственными спутниками связи, микроволновыми передатчиками и другими наземными средствами.

Создание мультимедийного суперкоридора (МСК) не менее важно для дальнейшего научно-технического прогресса Малайзии, чем запуск спутников. Руководит МСК Международный консультативный совет (МКК), возглавляемый премьер-министром Абдуллой Бадави. В состав Совета входят главы мировых компаний – Майкрософт, Бритиш телком, ИБМ, Интел, Сименс и др. Разрабатывает законодательную базу МСК и координирует деятельность входящих в него компаний, а также выступает в качестве провайдера малайзийская фирма «Мултимедиа сьюперкоридор оф Малэйша». Правительственные ассигнования на развитие МСК к 2004 г. соста-

вили 7 млрд. долл. США. Суммарные капиталовложения иностранных инвесторов намного превышают эту сумму. Только в 2003 г. они составили более 800 млн. долл. Компании, оперирующие в МСК, получают особый статус и следующие льготы: освобождение на 10 лет от налога на прибыль, свободное перемещение капитала, отмену ограничений на привлечение высококвалифицированных специалистов, гарантии прав на интеллектуальную собственность. Эти условия привлекли к участию в развитии МСК более тысячи иностранных и местных компаний. Согласно оценке компании «А. Т. Кирни» Малайзия в 2004 и 2005 гг. занимала по привлекательности инвестиций третье место после Индии и КНР [68. С. 26].

Намечается создание и периферийных МСК: на о. Пенанг, в городах Кулиме, Джохор Бару и отдельных районах Саравака и Сабаха. После 2020 г. новейшие системы информации стали распространяться по всей стране.

Новая интеллектуальная инфраструктура (научно-исследовательские организации с их современным персоналом) создается Малайзией совместно с ТНК. Последние, получив особый статус наибольшего благоприятствования, обязаны за это, на договорной, четко регламентированной основе, предоставлять Малайзии новейшую технологию и ноу-хау. Это способствовало созданию благоприятных возможностей и условий для развития инвестиционной и научно-исследовательской деятельности. Многие компании специализируются на производстве и торговле мультимедийными средствами. В 2004 г. на этих предприятиях было занято свыше 25 тыс. работников высокой квалификации, а общий товарооборот компаний превысил 2,5 млрд. долл. США. Дальнейшее развитие МСК может не только произвести революцию в методах ведения бизнеса в Малайзии, но даже повлиять на всю деловую атмосферу в Юго-Восточной Азии.

К услугам современного бизнеса – высококлассная информационная инфраструктура, интегрированный центр логистики, доступ к глобальной телекоммуникационной связи, на основе цифровой оптической системы, электронная коммерция и единственная организация, оформляющая всю деловую документацию, необходимую для открытия и расширения предприятия.

Для разработки нескольких новейших направлений, а именно так называемого электронного правительства, т. е. обеспечения прямой связи граждан с членами правительства при помощи электронных средств связи, создания многоцелевой карты, продвинутой школы, телемедицины, маркетинга без границ, внедрения других перспективных идей привлекаются лучшие мировые

компании и специалисты. Малайзия стремится к созданию Интернет-экономики и информационного общества, но решающее условие этого – формирование качественно новых трудовых ресурсов, персонала с высокой квалификацией, владеющего английским языком. Как говорил Махатхир Мохамад, в эру глобализации наука – ключ к прогрессу, и поэтому образование в Малайзии должно быть нацелено на формирование нации, способной идти в ногу с мировой наукой и технологиями, сохраняя, однако, свои духовные ценности.

Развитие новых направлений в науке и технологии требует значительных средств. Затраты на НИОКР государственного и частного сектора возросли с 579 млн. рингг. (0,2% ВВП) в 1996 г. до 3 млрд. (0,9%) в 2005 г. По расчетам Международного института развития менеджмента по затратам на НИОКР из 61 страны мира Малайзия занимала 44-е место, Сингапур – 30-е, второе место по этому показателю отводилось Японии [68. С. 27].

В начале XXI века в Малайзии стали появляться плоды развития новых научных направлений. Одним из первых деловых документов, касающихся новейших отраслей и подписанных в 2000 г., стало соглашение между частными малайзийскими и японскими компаниями о совместном изучении возможности применения микроорганизмов в фармацевтической промышленности. Оно знаменовало начало прорыва Малайзии в нанобиотехнологию [236, 21. 12. 2000]. Последовательная политика улучшения и модернизации инфраструктуры, продолжавшаяся даже в годы финансового кризиса, привела к заметному совершенствованию этой сферы, причем продукция всех ее отраслей конкурентоспособна не только в Юго-Восточной Азии, но и в Восточной Азии. В Малайзии создана основа для дальнейшего всестороннего прогресса национального хозяйства, перехода к инновационной модели развития, а также для активного включения экономики в интеграционные процессы, набирающие силу в регионе.

Коррекция экономического курса

Основная парадигма в экономической политике Абдуллы Бадави, сменившего в октябре 2003 г. Махатхира Мохамада на посту премьер-министра и председателя ОМНО, – это постепенно набирающее обороты ускорение. Хотя новый премьер-министр заявил, что в основном социально-экономическая политика будет неизменной, однако ее курс подвергается значительной коррекции. На

ежегодных собраниях ОМНО, число членов которой превышает 3 миллиона, обсуждается политика правительства, прежде всего монетарная, касающаяся распределения денежных средств. Созданный под давлением снизу Дисциплинарный совет ОМНО отслеживает целевое направление средств и контролирует их реализацию. В частности, в результате борьбы с коррупцией был смещен со своего поста в 2004 г. министр внутренних дел. Правительство стремится не допускать использования крупными предпринимателями своих политических связей в своекорыстных целях, т. е. прекратить практику, которая в современном малайзийском обществе вызывает осуждение. Парламентская бюджетная комиссия подняла вопрос о невыполнении многомиллиардного контракта на строительство патрульных судов, заключенного в 1998 г. компанией «Нэвэл докъярд». Пришлось отвечать и бывшему руководству авиакомпании MAS за подписанные нелегальные контракты на перевозку грузов в 1998 г. Цель расследования этих и некоторых других дел – улучшить систему управления корпорациями и сделать ее частью национальной культуры. Больше внимание стало уделяться малому и среднему предпринимательству.

Несмотря на кардинальные преобразования, национальное хозяйство остается многоукладным. Его основу составляют средние и малые предприятия. К таковым, согласно классификации, в обрабатывающей промышленности (включая переработку сельскохозяйственной продукции) относят предприятия с числом занятых не более 150 или годовым объемом продаж не более 25 млн. рингг. В сельском хозяйстве, секторе услуг, информационном и коммуникации средними и малыми считаются предприятия с числом занятых не более 50 или годовым объемом продаж не выше 5 млн. [114. С. 1]. В 2004 г. в обрабатывающей промышленности малые и средние предприятия составляли 3% или 18 271 из всех 20 455 компаний. Их доля в производимой в отрасли продукции составляла 16,3%, добавленная стоимость – 17,6%, а в занятости – 25,4%. В сфере услуг 96,1% всех предприятий и заведений относились к категории малых и средних. Из них 88% занимались оптовой или розничной торговлей, 4,4% оперировали в сфере образования и здравоохранения, 2,9% оказывали различные профессиональные услуги, 2% занимались транспортными перевозками и связью. В 2003 г. в Малайзии создание одного нового рабочего места в среднем обходилось в 55 тыс. рингг., причем на некрупных предприятиях для этого требовалось лишь 35 тыс. [114. С. 10].

План содействия развитию малому и среднему предпринимательству – комплексный, состоящий из отдельных программ: проектов развития промышленных связей, крупных поставок, вендорского

предпринимательства, повышения квалификации работников. Правительство существенно увеличило средства на реализацию этого плана, что позволяет предоставлять гранты и кредиты на мягких условиях. Специфика отношения государства к малому и среднему предпринимательству определяется исламским постулатом *wakaf* (пожертвований), который предписывает мусульманам не скупиться на пожертвования ради искоренения бедности и роста благополучия правоверных. Как пояснял Абдулла Бадави, в обществе нередко понимают *wakaf* лишь как право наследования земельного надела, тогда как оно распространяется и на различные дары религиозным организациям. Полученные таким образом средства можно использовать для покупки собственности и передачи ее малоимущим. Выступая в июле 2005 г. на открытии Фонда *wakaf*, которому придан статус государственной организации, премьер-министр отметил, что «*wakaf*, равно как и *zakat* (пожертвование в пользу бедных десятой части дохода. – Л. П.), важны, так как помогают получить возможность деятельности в сельском хозяйстве, промышленности, обрести собственность. В результате укрепляется экономика и достигается более высокий уровень жизни [241, 18. 07. 2005].

Для повышения качества продукции необходимы дополнительные инвестиции на цели технологического прогресса. Примечательно, что в 2003 г. 55% владельцев малых и средних предприятий отпускали средства на НИОКР, однако 58,4% из них тратили на технологические новшества менее 10% от своей выручки [114. С. 10].

Согласно обследованию, проведенному в 2004 г. Корпорацией развития малых и средних предприятий и Национальной корпорацией повышения производительности, большая часть продукции этих хозяйствующих субъектов реализовывалась на внутреннем рынке и лишь 26% шло на экспорт [114. С. 2]. Малайзийская корпорация развития внешней торговли (Malaysian External Trade Development Corporation – MATRADE) учредила систему грантов для стимулирования производства на экспорт. Основными условиями сохранения и расширения позиций предприятий на рынках считаются повышение качества, снижение расходов, ускорение поставок, увеличение инновационного компонента в продукции и повышение технологического уровня.

Развитие малого и среднего предпринимательства изменило качественные характеристики традиционных низших укладов, равно как и связанные с ними социальные слои.

Как отмечалось выше, обнародованный в конце марта 2006 г. девятый план Малайзии (2006–2010) продолжал реализацию долгосрочной промышленной политики и стал частью третьего гене-

рального плана индустриального развития (2006–2015). В вступлении к изданному в августе 2006 г. плану Абдула Бадави пояснял, что третий генеральный план выведет индустриализацию на более высокий уровень и позволит Малайзии к 2020 г. стать полностью развитой страной на основе собственной модели развития, что требует участия в этом процессе всех этнических групп и регионов во всех сферах хозяйства. Этот план придает большое значение интегрированному подходу к развитию, который включает развитие всех отраслей, а не только промышленности, расширение сферы услуг, совершенствование человеческого фактора, создание логистической сети, применение новейших технологий, обеспечение институальной поддержки, в частности через государственное регулирование. Профессионально управляемые малайзийские компании станут технологически продвинутыми, имеющими свои сети и брэнды, смогут стать нашими многонациональными корпорациями, которые будут производить первоклассную продукцию и услуги, соответствующие международным стандартам, и осознающими свою социальную ответственность [68. С. iii – v].

В свою очередь, Рафида Азиз, длительное время занимающая пост министра международной торговли и промышленности, расценивает этот долгосрочный план как важный инструмент планирования расширения развития в условиях усиливающейся индустриальной конкуренции, что заставляет точнее просчитывать инвестиции в намеченные секторы экономики [68. С. У].

Особое место в третьем генеральном плане индустриализации отводится новым направлениям – нанобиотехнологии, информационно-коммуникационному сектору, а также сектору с высокотехнологичным производством. Сельское хозяйство, согласно новым установкам, получит поддержку государства, что позволит увеличить его вклад в ВВП.

Девятый план является началом последнего этапа реализации третьего генерального плана индустриализации. Общие ассигнования на выполнение девятого пятилетнего плана определены в 200 млрд. рингг., тогда как на реализацию восьмого плана отводилось 170 млрд. [237, 31. 03. 2006; 238, 2006, Т. 379, № 8472. С. 58].

В центре внимания составителей плана, как пояснил в своем выступлении в парламенте Абдуллах Бадави, были социальные, а не экономические аспекты. Борьба с бедностью и социально-экономическим неравенством во всех его проявления становилась основной задачей правительственной стратегии. Это касалось и растущей несоразмерности доходов разных категорий граждан и в условиях жизни горожан и сельчан, равно как и разрыва в положении самих районов.

Малайзия относится к странам со средним, по градации ООН, доходом на душу населения. Однако имущественное неравенство различных групп населения велико. Так называемый коэффициент Джини (Gini), который неравномерность в доходах определяет единицей, а равномерность нулем, отразил эту тенденцию, зафиксировав перепады величин в различных этнических группах Малайзии.

Таблица 3

**Динамика коэффициента Джини в этнических группах
(1999–2004)**

Год	Бумипутра	Китайцы	Индийцы	Прочие	Малайзийцы (в целом)
1999	0,43	0,43	0,41	0,42	0,39
2004	0,45	0,44	0,42	0,46	0,46

Источник: Malaysian Department of Statistics. K. L. 2005; Economist, L. T. 379, № 8472. С. 58.

Как следует из приведенных данных, несмотря на усилия правительства, за пять лет показатель неравенства среди всего населения увеличился с 0,39 до 0,46 пунктов. При этом наибольший разрыв в доходах наблюдался между бумипутра (с 0,43 до 0,45) и индийцами (с 0,41 до 0,42).

Борьба с материальными трудностями значительной части населения началась с повышением черты бедности, уровень которой был определен не 588 рингг., как ранее, а 691 рингг. в месяц, и разработанный комплекс мер должен был неуклонно вести к ее дальнейшему повышению. Действительно, в 1990 г. за чертой бедности жило 22,8%, в 2005 – 5,7, а к 2010 г. этот показатель должен составить не более 2,8% [228, 2006, Т. 379, № 8472. С. 58]. В отличие от седьмого и восьмого планов, в которых внимание уделялось прежде всего городу и горожанам, Девятый план в большей степени учитывал интересы сельского населения, особенно в тех штатах полуостровной Малайзии, где электорат большей частью не поддерживал ОМНО, а также в Сараваке и Сабахе.

Значительные различия в материальном положении этнических групп продолжали сохраняться. В среднем доходы малайзийских хозяйств выросли с 2020 рингг. в 1995 г. до 3249 рингг. в месяц в 2004 г. Вместе с тем в обрабатывающей промышленности доходы хозяйства бумипутра – 2905 рингг., тогда как китайского хозяйства – 4689, а индийского – 3139 рингг. [68. С. 14]. Эти и другие показатели свидетельствуют о том, что неравномерность в доходах,

несмотря на относительное сокращение, в абсолютном измерении продолжает возрастать. Несмотря на увеличение доли бумипутра в числе занятых (с 51,4% в 1995 г. до 56,5% в 2004 г.) их процент в разряде квалифицированных специалистов остается невысоким – лишь 47,5% в 2005 г., а среди менеджеров и старших администраторов – 37,5% [68. С. 14–15].

Девятый план в своей социальной стратегии предусматривает сочетать преодоление бедности и борьбу с коррупцией. Главное же – содействовать установлению более тесных хозяйственных связей между малыми, средними и крупными компаниями для увеличения добавленной стоимости, при более широком использовании для этого кластеров.

Важная задача плана – повышение уровня жизни всех граждан, а именно улучшение жилищных условий, совершенствование здравоохранения, обеспечение народа экологически чистой водой, электричеством и транспортом. Абдулла Бадави, так же как и Махатхир Мохамад, считает необходимым улучшить образование и подготовку квалифицированных кадров всех уровней. В новом плане на эти цели выделена пятая часть бюджетных средств, или почти 54 млрд. рингг. (10,4 млрд. долл. США), против 43 млрд. рингг., отведенных в восьмом пятилетнем плане.

Улучшение качества народного образования на всех уровнях, считают составители плана, побудит молодежь предпочитать всем зарубежным школам и институтам отечественные. Повысится и научно-исследовательская, и инновационная деятельность. Весьма важно при этом, особо указывают экономисты, обеспечить более активное участие женщин во всех видах деятельности. При решении проблем социально-экономического неравенства следует принять во внимание и не всегда рациональное использование трудовых ресурсов, а также то, что часть предпринимателей отстает в освоении и внедрении информационно-коммуникационной технологии, тем самым подрывая собственную конкурентоспособность.

Правительство Малайзии объявило общенациональной задачей достижение ею статуса «полностью развитого государства» к 2020 г. Для этого необходимо увеличить добавленную стоимость по всей производственной цепочке; поднять уровень знаний, инноваций и профессионализма до «первоклассных»; конструктивно решать проблемы социально-экономического неравенства; повысить качественные показатели уровня жизни; упрочить существующие институты и повысить дисциплину исполнения. Поясняя эти первоочередные установки, составители плана считают, что для увеличения добавленной стоимости необходимо изыскивать новые внутренние ресурсы. Их видят в постоянном использовании но-

вейших достижений науки и технологии, создании новых рабочих мест, активизации роли частного хозяйственного сектора и расширении рынков для малайзийских товаров и услуг.

Жилищная проблема, задачи здравоохранения, водоснабжения, развития инфраструктуры городов и доведение сельской жизни до уровня городской должны решаться в комплексе и с учетом состояния окружающей среды. Что же касается устранения социально-экономического неравенства этнических групп, то, как отмечается в плане, тут требуются более выверенные и точные меры [253, 31. 03. 2006].

Значительное внимание уделяется также выравниванию экономического развития и размещения производительных сил. Согласно совокупному индексу развития в 2005 г. наиболее развитыми штатами были территория, прилегающая к Куала-Лумпуру, о. Пенанг, штаты Селангор, Негери сембилан и Мелака. В 2001–2005 гг. в этих четырех штатах было одобрено строительство 55,1% всех проектов обрабатывающей промышленности. Наименее развитыми были Сабах, Келантан, Тренггану и Паханг. В последние годы значительные инвестиции пошли и в Саравак. Неравномерность в развитии отдельных районов проявляется и в усилении разрыва между деревней и городом, который возрос с отношения 1:1,81 в 1999 г. до 1:2,11 в 2004 г. [68. С. 19].

Составная часть плана – Национальная политика развития автомобилестроения. В 2005 г. Малайзия исчерпала временные отсрочки отмены льгот для отрасли по схеме преференциальных тарифов (Common Effective Preferential Tariff (CEPT) – АФТА) [244, 29. 10. 2005]. В дальнейшем автомобилестроение должно развиваться по примеру японских компаний (Тоёта, Хонда, Нисан), т. е. получая льготные кредиты и гранты на конструкторские и исследовательские работы. Заключенные в феврале 2006 г. соглашения малайзийской компанией «Протон» с автомобильными концернами Японии – «Мицубиси моторз» и Германии – «Фольксваген» предусматривают обмен новыми технологиями в автомобилестроении, взаимные поставки компонентов и совместную сборку машин [253, 28. 02. 2006]. Общие ассигнования на развитие высокотехнологичного автомобилестроения предусмотрены в размере 27,5 млрд. рингг. Главная задача, которая ставится перед отраслью, – повышение конкурентоспособности автомобилей, выпускаемых на предприятиях «Протон холдингз» и «Пердуа». Общая производительность автомобильной промышленности должна быть доведена до 850 тысяч машин в год. Однако спрос регионального рынка обеспечил продажу в 2005 г. лишь 550 тысяч. Поэтому Малайзия намерена намного увеличить продажу автомобилей в КНР и Индии [241, 23. 03. 2006]. В последнее время иностранные компании стали

проявлять повышенный интерес к акциям «Протон», однако правительство, на долю которого приходится 42% акций, полученных через инвестиционную компанию «Казанах насионал», считает неприемлемой их продажу. Как заявил управляющий директор компании Сиед Заинал, «"Протон" является национальной иконой и должен оставаться национальным достоянием» [253, 28. 02. 2006].

С конца 80-х годов в стране проводятся международные выставки изобретений, инноваций, промышленного дизайна и технологий. В мае 2006 г. прошла 17-я выставка, которую организовало Малайзийское общество изобретений и дизайна. Наибольшего внимания удостоились достижения биотехнологии и разработки, касающиеся возобновления энергоресурсов. В специальном разделе экспонировались инновационные работы студентов (не старше 20 лет) из частных и государственных институтов. Победители получили возможность участвовать в Международной выставке молодых изобретателей в Индии (2006 г.).

Проводимая комплексная социально-экономическая стратегия Малайзии, подкрепляемая среднесрочными планами и широкой сетью программ, привела к очевидным изменениям в социуме страны. В 2005 г. доход на душу населения составлял 9,5 долларов США. Однако по подсчетам американского агентства (US Central Intelligence Agency – CIA), сделанным исходя из сравнительной покупательной способности национальной валюты, доход на душу населения оценивался в 10 400 долл. США (в Сингапуре он достиг 29 700 долл. США, т. е. был втрое выше, причем в текущих ценах он составлял 37 035 долл.) [237, 2006, 16–31. 03. С. 7]. Средняя продолжительность жизни человека, рожденного в 2005 г., определена в Малайзии на уровне 79,9 лет, а в Сингапуре – 81,3 года [237, 2006. 16. 03. С. 7; 36. С. 314].

Итак, главной политической и социальной задачей Малайзии объявлено построение демократического общества, где все граждане имели бы равные экономические и социальные возможности. Будущее общество должно опираться на современную, мощную, динамичную экономику, построение которой возможно на основе высоких научных достижений и новейших технологий. Политической и социальной задачей Малайзии становится достижение оптимального баланса между экономическим ростом и социальным развитием на основе создания равных возможностей для всех членов общества, а также усиление взаимодействия всех секторов экономики.

Основной экономической задачей является достижение к 2020 году статуса полностью развитого государства на основе собственной модели, доминирующим сектором в экономике станет сектор услуг.

Глава III

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ ТАИЛАНДА

Начальные этапы

Долгое время Таиланд знали в мире как аграрную страну, поставявшую рис и ценные породы тропической древесины. Его экономика основывалась на крестьянском рисоводческом хозяйстве.

Первый шестилетний план экономического развития (1961–1966) был разработан в расчете на формирование смешанной экономики. По рекомендации и при активном участии тайландских экономистов, получивших образование на Западе, были учреждены необходимые, по их мнению, функциональные структуры: Бюро по делам бюджета, Национальный совет экономического и социального развития, Промышленно-финансовая корпорация Таиланда, Комитет содействия промышленности, Совет по инвестициям, Государственный промышленный банк и др. В их функции входило обеспечить переход Таиланда к индустриализации, а также успешную деятельность национальных предпринимателей в партнерстве с иностранными компаниями. Новые централизованные структуры в сочетании с уже имевшимися составили основу формировавшейся институциональной системы регулирования хозяйственной деятельности.

Модернизация в стране началась в 50-е годы с аграрного сектора. Было принято несколько правительственных программ, в соответствии с которыми проводилось расширение ирригационной системы, позволившее довести орошаемые площади до 2,56 млн га. В первом шестилетнем плане (1961–1966) внимание уделялось сельским районам – прокладке дорог, водоснабжению и обеспечению электроэнергией фермерских хозяйств. Во втором пятилетнем плане (1967–1971) эти задачи дополнялись мерами, направленными на улучшение технических возможностей крестьянских хозяйств и внедрение передовых методов растениеводства через правительственные структуры. В соответствии с первым и вторым плана-

ми экономического развития из бюджета были выделены большие средства для обновления и расширения ирригационной системы, включая строительство дамб, дорог, коммуникаций, без чего освоение новых земель было невозможно. Еще ранее, в 50-е годы, государство приступило к сооружению комплекса дорог для доставки сельскохозяйственной продукции в торговые центры.

В результате изменился монокультурный характер сельского хозяйства, включая лесное хозяйство, в котором производилось уже не три прежних вида идущей на внешний рынок продукции (рис, тик, каучук), а десять. Аграрная политика, сочетавшая интенсивные и экстенсивные методы развития сельского хозяйства, была возможна, так как страна располагала свободным земельным фондом. Постепенно происходила все большая диверсификация сельскохозяйственного производства, росла и экспортная продукция. В 60-е годы темпы роста в аграрном секторе в среднем составили 5% [67. С. 1]. Повысилась товарность крестьянских хозяйств, немалая часть которых работала и на экспорт. На рубеже 60–70-х годов Таиланд стал пятым экспортером продовольствия в мире после США, Канады, Австралии и Франции. В последующем десятилетии особенно быстро росло производство риса. В 1989 г. было собрано 21,26 млн. т, а обрушенный рис составил 14,17 млн. (143,8 кг на душу населения). Таиланд не только полностью удовлетворил внутренний спрос, но и утвердил свои позиции ведущего экспортера этого продукта на мировом рынке.

Производство в аграрном секторе росло сравнительно быстро, но неравномерно: за годы третьего пятилетнего плана (1972–1976) – на 5,2%, четвертого (1977–1981) – 3,4%, пятого (1982–1986) – 4,5%.

Однако, начиная с третьего плана развития (1972–1976), главное внимание стало уделяться обрабатывающей промышленности, темпы роста которой были почти вдвое выше, поэтому удельный вес аграрного сектора в ВВП уменьшился с 39,4% в 1961 до 16,9% в 1988 г. [192. С. 174]. Тем не менее Таиланд был третьим на мировом рынке экспортером каучука (после Малайзии и Индонезии), главным поставщиком на мировой рынок не только риса, но и кассавы, сахара, тапиоки, сои, табака.

Плантаций в Таиланде было гораздо меньше, чем в Индонезии и Малайзии. В сельском хозяйстве действовала лишь одна принадлежавшая государству компания – «Государственная табачная монополия». К концу 80-х годов экономика Таиланда все еще оставалась преимущественно аграрной: с сельским хозяйством было связано 65% рабочей силы, а с учетом занятых в агробизнесе – 66,6% [192. С. 115]. Вывоз сельскохозяйственной продукции давал четверть

всей экспортной выручки. По мере того как аграрный сектор укреплялся, в стране росли накопления, и она могла перейти к развитию промышленности и широкой модернизации.

Первые попытки модернизировать национальное хозяйство были предприняты после издания в 1954 г. закона о развитии промышленности, который был дополнен в 1962 г. В частности, устанавливались более льготные, по сравнению с прежними, условия для деятельности частного местного и иностранного капитала: были снижены пошлины на импорт сырья и оборудования, иностранным инвесторам предоставлялись налоговые каникулы на три года, разрешалось переводить прибыли за границу и др.

Это были необходимые меры, содействовавшие расширению процесса индустриализации. На первом ее этапе Таиланд, так же как Сингапур, Малайзия и Индонезия, ориентировался на импорт-замещение. Правительство содействовало основанию ключевых предприятий в немногих существовавших отраслях. Повышая протекционистские барьеры и практикуя лицензирование импорта, правительство поощряло становление национальной промышленности [79. С. 287–289]. В 1972 г. был издан закон о переходе с политики замещения импорта к стимулированию экспортоориентированного производства. Важнейшее значение в плане придавалось развитию перерабатывающей промышленности, поставляющей продукцию на экспорт. Импортзамещающим предприятиям рекомендовалось переходить от функций сборки к полному циклу производства относительно несложной продукции. С середины 70-х годов Таиланд экспортирует цемент, запасные части автомобилей, готовую одежду, транспортное оборудование, телевизоры, продукцию химической промышленности, консервированные фрукты и другие промышленные и сельскохозяйственные товары.

На формирование промышленной политики Таиланда влияли и иностранные специалисты. В частности, группа экспертов Международного банка реконструкции и развития после посещения королевства резюмировала, что «надо либо закрыть государственные промышленные предприятия, либо передать их частному сектору». Правительство, полагали они, «должно не только воздерживаться от участия в расширении промышленности, но и отказаться от уже принятых на себя обязательств» [79. С. 293]. В результате таких советов строительство некоторых государственных промышленных объектов было прекращено, а судьба десятков других долгое время оставалась нерешенной. В экономической политике стал превалировать принцип недопущения конкуренции государственных промышленных предприятий и торговых компаний с частными фирмами.

Спецификой Таиланда было то, что обрабатывающая промышленность создавалась с учетом ее тесной связи с аграрным сектором, поскольку большая часть предприятий занималась переработкой сельскохозяйственной продукции. Это позволило в дальнейшем успешно развивать различные направления агробизнеса, что, в свою очередь, предопределило сохранение непосредственных связей каждого четвертого предприятия с сельским хозяйством.

Развитию национального хозяйства благоприятствовала внутривнутриполитическая стабильность, которая была при правительствах Сарита Танарата (1958–1963) и Танома Киттикачона (1963–1973). За 11 лет правления последнего среднегодовые темпы экономического роста составили 8,44%, а инфляции – лишь 2% [191. С. 159].

В 1973–1980 гг. Таиланд пережил тяжелые времена из-за двух мировых энергетических кризисов, когда цена за баррель нефти поднялась с 2,5 долл. в 1973 г. до 21,54 – в 1979 г. Однако благодаря умелым действиям входивших в правительство экономистов (профессор Санья Дармасакти, Танин Крайвиксиан и др.) удалось предупредить рост дефицита платежного баланса и вспышку инфляции.

Благоприятный инвестиционный климат и стабильность в королевстве привлекали иностранный капитал. В 1970 – 1985 гг. приток иностранных инвестиций в среднем за год составлял 1,9 млрд. долл. США, а в 1970–1991 гг. – уже 8,8 млрд. В 1994 г. одобренные заявки иностранного капитала на инвестиции в 22 проекта оценивались в 110,8 млрд. долл. [193. С. 25–26].

Одними из первых иностранных инвесторов в Таиланде стали японские компании. Уже в конце 60-х годов совместные японо-тайские предприятия наладили выпуск несложной электротехнической и электронной продукции. Вслед за ними в стране открылись отделения крупнейших американских компаний – Нэшнл семикондактор, Сигнетикс, Дата дженерэл, Сигейт технолоджи. При содействии этих и других корпораций в королевстве вступали в строй все новые заводы полупроводников и более сложной электронной продукции.

В 80-е годы отрасль росла и диверсифицировалась. Например, одна из крупнейших японских электронных компаний «Минибее» построила в королевстве три предприятия, выпускающих широкую номенклатуру электронной продукции, на которых было занято свыше 12 тыс. человек [79. С. 185]. Во второй половине 80-х годов появилась и электронная компания «Чинтейк электроник индастри», – первая, в которой наибольший пакет акций принадлежал тайцам.

К началу 90-х годов уже сотни иностранных и совместных предприятий работали не только на экспорт, но и на внутренний рынок. Например, предприятия конгломерата тайских компаний «Сиам семен групп», а многие местные компании совместно с японскими производили телевизоры.

Наибольшую активность в Таиланде проявлял японский капитал: в конце 1994 г. его прямые инвестиции в экономику страны составляли около 5 млрд. долл. США, т.е. немногим менее половины всех ПИИ (67. С. 3). Вместе с инвестициями приходила и новая технология.

С 1960 г. по конец 80-х годов среднегодовые темпы роста обрабатывающей промышленности составляли 10%. Доля отрасли в ВВП возросла с 13 до 24%, т.е. почти удвоилась. Несмотря на то что в ней трудилось лишь 8% всех занятых, на отрасль приходилось 90% экспорта и 71% импорта [192. С. 114].

На рубеже 80–90-х годов обрабатывающая промышленность становится ведущим сектором национального хозяйства. Намного расширяется ассортимент ее продукции: электротехнические приборы, продукты нефтепереработки, черные металлы, сталь, машины, транспортное оборудование. Все же в экспорте продукции обрабатывающей промышленности Таиланда, как и Индонезии, наибольшая доля (29,2%) приходилась на текстильное и швейное производство [192. С. 119]. Однако электроника и электротехника росли опережающими темпами и к середине 90-х годов стали лидирующими отраслями обрабатывающей промышленности Таиланда. Этому способствовала рыночно-ориентированная политика сменявших друг друга правительств, в частности снижение тарифных барьеров во внешней торговле и либерализация инвестиционного режима.

Ускоренный экономический рост требовал расширения и модернизации инфраструктуры. Хотя, как уже отмечалось, главную роль в экономике государство уступило частнохозяйственному сектору, развитие инфраструктуры оно в основном брало на себя.

Развитие энергетики сдерживалось незначительными запасами разведанных месторождений. В Таиланде позже, чем в Индонезии и Малайзии, начались геологоразведочные работы на нефть и газ. По соглашениям с шестью иностранными компаниями, получившими в концессию блоки на поиск и добычу нефти, в 1981 г. филиал компании «Ройял Датч шелл» приступил к бурению скважин в центральной части Таиланда. Успешно завершились и поиски месторождений природного газа в Сиамском заливе. Вблизи запасов, обнаруженных на восточном побережье, вырос крупный про-

мышленный район, ставший в авангарде преобразований на новой стадии индустриализации страны. Расположенный на площади 8,3 млн. гектаров, этот район охватил территорию трех провинций: Чонбури, Районг и Чачунгсао. Здесь новые предприятия были размещены по принципу промышленных кластеров.

Позднее в Сиамском заливе были обнаружены еще три месторождения природного газа, а в северных районах – найдена нефть. Нефтяные и газовые месторождения в партнерстве с иностранными нефтяными монополиями разрабатывает основанная в 1977 г. Государственная нефтяная компания Таиланда «Петролеум осорити оф Таиланд» (аббревиатура названия компании на тайском языке – РТТ). С 90-х годов реализуется совместный проект развития газодобывающей промышленности, включая прокладку газопровода, в основном по морскому дну. При осуществлении этого проекта создана «зона роста», которая простирается от Бангкока до Саттахипа, где размещены нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия [75. С 108–112]. Наличие хотя и не слишком богатых, но собственных месторождений углеводородного топлива создавало в Таиланде условия для развития промышленности и энергетики.

Таким образом, в Таиланде, как и в соседних странах, стала формироваться своя модель экономического будущего. Страна брала пример перехода к современной организации хозяйства с Японии, Южной Кореи, Тайваня 60-х и 70-х годов. Ориентация на преимущественное развитие экспортных отраслей экономики при активном участии иностранного капитала представляет для страны уже вчерашний день. Началось постепенное формирование основы для более сложной конструкции, в которой проступают черты сингапурской и малайзийской моделей экономики последних двух десятилетий.

Концепция «прифронтовой экономики»

Специфика таиландской модели социально-экономического развития на втором этапе модернизации предопределялась концепцией «прифронтовой экономики» («frontline economy»). Эта характеристика подразумевала географическое положение Таиланда, который в Юго-Восточной Азии как бы находится на передовой линии экономического сражения за первенство в регионе, прежде всего на Индокитайском полуострове. После окончания войны во Вьетнаме и кровопролитных событий в Камбодже, когда политическая карта полуострова изменилась, для Таиланда, не без оснований претен-

дующего на роль осевого государства на материковой части Юго-Восточной Азии, открылись новые перспективы экономического сотрудничества с Вьетнамом, Лаосом, Камбоджей и Мьянмой, равно как и расширения предпринимательства за границей. К тому же все популярнее становилось утверждение, что XXI век откроет эру процветания Азиатско-Тихоокеанского региона и что Восточная и Юго-Восточная Азия призваны играть особо важную роль в развитии и укреплении АТР.

На рубеже 80–90-х годов Таиланд приступил к построению инфраструктуры нового поколения, способной обеспечить государству успешное исполнение роли «frontline economy» в ЮВА, активизировать движение товаров в масштабах не только одной страны, но и всего Индокитая, всей Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Главная роль в индустриализации изначально отводилась частнохозяйственному сектору, а правительство взяло на себя задачу развития инфраструктуры. Она подразделялась на техническую (энергетика, все виды транспорта, водоснабжение, городское хозяйство) и социальную (образование, подготовка кадров, здравоохранение и пр.). Кредитно-банковские учреждения, которые должны были обеспечивать частный сектор финансовыми средствами, также рассматривались как часть технической инфраструктуры.

На цели модернизации технической инфраструктуры в седьмом плане (1992–1996) было выделено около 50 млрд. долл. США, что вдвое превышало ассигнования в предшествовавшей пятилетке. На транспорт отводилось 23 млрд., на энергетику – 14 млрд., на телекоммуникации – 7 млрд. и на городское хозяйство – 6 млрд. [67. С. 8].

Эти средства позволили государству взять на себя расширение сети автострад, строительство моста через р. Меконг между Таиландом и Лаосом, а также моста через р. Муи, отделяющую Мьянму от Таиланда, что соединило Азиатское шоссе, начинающееся на западе континента. Кроме того, были построены четырехполосные автострады в основных районах и двухколейные рельсовые пути для их соединения. Значительные средства выделялись для скоростного рельсового сообщения на восточном побережье. Здесь, прежде всего на участке пути, соединяющем Бангкок с Восточным коридором, поезда могут развивать скорость до 160 км в час. Предполагалось, что после завершения строительства эта дорога будет приватизирована.

Еще одним мегапроектом стало строительство центра по обслуживанию самолетов в Утапао. В начале XXI века авиационные компании, обслуживающие рейсы в АТР, пополнили свой воздуш-

ный флот тремя тысячами современных лайнеров (примерно четверть мирового воздушного транспорта). Этот проект осуществляет «Таи эйрвейс интэрнэшнл» совместно с французской компанией [67. С. 10–11]. Позиции флагмана воздушных перевозок закрепились за государственной компанией «Таи эйрвейз интэрнэшнл».

В энергетике предусматривалось довести мощности всех типов электростанций с 12 тыс. МВт в 1993 г. до 23 тыс. в 2000 г. [67. С. 11]. В этой отрасли главенствует государственная компания «Электрисити дженерейтинг оф Таиланд» (Electricity Generating of Thailand – EGAT), модернизацией энергосистемы королевства занимается и американская компания «Дж. Е. Систем», ставшая одной из ведущих ТНК в Таиланде. Ее совокупные инвестиции в энергетику составили к 2002 г. свыше 40 млрд. бат (около 1 млрд. долл. США) [252, 2002, т. 2, № 1. С. 36–39].

Немало внимания уделялось сооружению морских и внутренних портов. Новые морские порты в основном глубоководные (Сонгкхла, Пукет, Лаем Чабанг, Краби), имеют причалы для погрузки и выгрузки контейнеров. В портах большей частью оперируют частные компании. Компания «Сиам галф петрокэмикл» сооружает в провинции Петчабури глубоководный морской порт, оснащенный по современной технологии и имеющий компьютерную систему, а также перевозчик мощностью 200 тыс. т. Крупный судостроительный завод, акции которого принадлежат государству и частному сектору Таиланда, наряду с другими верфями, пополняет таиландскую флотилию современными судами.

Развивается и модернизируется не только городская инфраструктура, принципиально по-новому обустраиваются и обслуживаются промышленные зоны и приграничные районы. Это не только помогает рассредоточить экономическую активность по стране, но и служит ускорению интеграционных процессов во всей Юго-Восточной Азии.

В предшествовавшие десятилетия правительство предоставляло почти полную свободу национальному предпринимательству и открытое поле деятельности иностранному капиталу, проводя политику последовательной либерализации инвестиционного климата. Однако ввиду изменения внешних и внутренних условий таиландские экономисты, плановики и политики пересмотрели эти установки, что и отразилось в седьмом плане развития (1992–1996). Прежде всего, было решено строже подходить к использованию невозобновляемых природных ресурсов. Кроме того, учитывалось, что разные районы и новые экономические зоны должны развиваться более равномерно.

Государственные программы способствовали подъему региональных центров – Кхон Каена на северо-востоке, Чиангмая на севере и Сонгхла на юге. Программа развития Восточного побережья, включенная в седьмой и последующие два пятилетних плана, по оценке тайских специалистов, – это крупнейший в развивающемся мире проект интегрированного развития промышленности. Частному таиландскому и иностранному капиталу предоставлялись привлекательные условия для основания в этой зоне различных промышленных предприятий. Вместе с тем правительство приступило к обустройству второй промышленной зоны на юго-восточном побережье.

Здесь создаются нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия, так как Таиланд намерен по примеру Сингапура стать центром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, используя для этого в основном импортную нефть. На первой фазе обновления Восточного побережья (1982–1993) здесь сооружался глубоководный морской порт и застраивалась прилегающая к нему промышленная зона. Затем наступала вторая фаза – подготовка технических возможностей для вступления в эру современной промышленности, торговли, коммуникационных связей, т. е. эру законов глобального рынка. На этом рынке Таиланду, по идее таиландских экономистов, будет отведена роль перекрестка.

В этой промышленной зоне, например, созданная в 2001–2002 гг. американо-японская компания «Дж. Е. Тошиба силикоунз» построила завод по производству жидких кристаллов (45 тыс. т) и другой силиконовой продукции, 90% которой экспортируется. Это третье предприятие такого рода, принадлежащее названной компании. (Первое из них построено в Японии, а второе – в Китае) [252, 2003, т. 2, № 1. С. 34].

В индустриальной области уже с конца 70-х годов темпы набирала автосборочная промышленность, начало которой положила «Мицубиси», создав совместное тайско-японское предприятие, производящее электромоторы. Затем появились заводы, выпускающие электротехническое и электронное оборудование для автосборочной промышленности. Ее развитию способствовала и политика правительства, направленная на производство транспортных средств. В связи с ростом числа автосборочных предприятий и повышением квалификации их персонала правительство Таиланда в 1979 г. рекомендовало владельцам, в соответствии с требованиями ВТО, увеличить в продукции местный компонент с 25 до 50%. В 1987 г. новое правительственное постановление обязывало таи-

ландские автосборочные предприятия увеличить долю таких деталей с 45 до 54% [192. С. 187].

Развитие автомобилестроения на основе так называемого открытого производства при активном участии японских, германских и американских автомобильных гигантов открыло перспективу вывода этой отрасли с третьего на второе, а возможно, в недалеком будущем и на лидирующее место в экспорте. В отличие от Малайзии, которая разработала свою модель автомобиля «Протон сага», в Таиланде, как уже говорилось, автомобилестроение началось с основания японскими и германскими компаниями сборочного цеха. С конца 90-х годов «Тоёта» стала переводить из Японии в Таиланд предприятия по выпуску пикапов. В таиландской прессе даже заговорили о «тоётизации» Таиланда. В свою очередь, «Сиам денсо» наладила производство радиаторов, выпрямителей, воздушных кондиционеров, систем впрыска с общей топливной магистралью для дизельных двигателей. В 2000 г. японская компания «Изузу» довела производство пикапов до 200 тыс. [252, 2002. Т. 2, № 1. С. 39]. Планы компании «Хонда» ограничивались выпуском 100 тыс. машин в 2003 г., и тем не менее Таиланд стал главным изготовителем пикапов. Около 40% запчастей для грузовиков «Мицубиси» производит «Тай саммит».

Вторая группа мощных компаний представлена немецкими ТНК. В их планы входит выпуск автомобилей класса люкс для стран АСЕАН – это «Даймлер – Крайслер» и БМВ. Предварительные расчеты показали, что выпуск машин такого класса может быть выгоден только в условиях действия АФТА (ASEAN Free Trade Area Common Effective Preferential Tariff – АФТА СЕРТ) – соглашение стран – членов АСЕАН о совместной свободной торговой зоне преференциальных тарифов. Согласно этому соглашению тарифы на запчасти для стран АСЕАН сократились на 40%, и это помогло ускорить рост отрасли.

В Таиланде появились и местные компании, которые производят высококачественные детали и комплектующие изделия для автотранспорта. «Апико» выпускает автомобильные головки, которые закупает «Даймлер–Крайслер», серию сборочных приспособлений, идущих более чем в два десятка стран [214, 2003, № 30. С. 3]. В годы финансового кризиса спрос на автомобили резко упал, и отрасль переживала трудности. Однако пониженный уровень процентной ставки стимулировал повышение внутреннего спроса, и отрасль быстро набрала темпы развития, которые составили в 2004 г. 23,7%.

Развитию автомобилестроения содействует правительственная поддержка, которая, пожалуй, была ощутимее, чем таковая в Япо-

нии или Южной Корее. В Таиланде автомобилестроение становится одной из важнейших стратегических отраслей. Средние и малые предприятия включаются в производственный процесс, который все еще уступает южнокорейскому или тайваньскому по ноу-хау, величине предприятий, ассортименту продукции (производятся запасные части, тормоза, декоративные детали и т.п.). Развитие автомобилестроения сдерживается сравнительно слабой отечественной технологией, недостаточной развитостью НИОКР и отсутствием достаточного числа квалифицированных кадров. И все же Таиланд становится главным поставщиком автомобилей отдельных марок не только в страны АСЕАН, но все более активно входит на мировой рынок. Установка на превращение Таиланда во «второй Детройт» воплощается в жизнь. В результате сотрудничества местных компаний с международными корпорациями и усилий государства в королевстве налажено производство продукции автомобилестроения высокого качества и относительно низкой стоимости.

Политика модернизации принесла видимые результаты. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1987–1995 гг. составляли 8%, а в 1990–1996 гг. 9% [137. С.УП, 1]. Одновременно доход на душу населения вырос с 4 тыс. бат (текущие цены) в 1970 до 26,66 тыс. в 1988 г. Намного сократилось число людей, живущих за чертой

Таблица 4

Структура экспортной промышленной продукции, млн. бат

Категория продукции	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Трудоемкая продукция	271,1	228,7	259,0	303,6	287,6	325,5	356,5	340,3
% от экспорта	19,3	16,2	14,3	13,5	13,0	11,7	12,3	11,5
Технологоемкая продукция	658,9	697,5	947,8	1228,2	1259,6	1686,3	1692,3	1753,9
%	46,9	49,4	52,5	54,7	56,9	60,8	58,5	59,5
Продукция на основе переработки сырья	128,5	135,1	163,0	194,3	198,7	223,1	247,0	251,6
%	9,1	9,6	9,0	8,6	9,0	8,0	8,5	8,5

Источник: Bank of Thailand; Thailand ICT Indicators. Series 1, October 2003. С. 41.

бедности: в 60-е годы бедствовало около половины населения, а к концу 80-х годов – лишь около четверти [193. С. 114]. Модернизация экономики Таиланда проявилась не только в изменении структуры хозяйства страны на макроуровне, но и в существенных внутриотраслевых сдвигах.

Как видно по приведенной таблице 4, из экспортной продукции больше всего (в 2,6 раза) вырос (по стоимости) выпуск технологически сложных видов продукции, а в общем объеме промышленного производства он увеличился на 12,6%. Трудоемкая продукция выросла по стоимости примерно на четверть, зато ее доля в общей экспортной продукции сократилась на 7,8%. Продукция перерабатывающих отраслей по стоимости возросла почти вдвое, но ее удельный вес увеличился лишь на 0,6%. Таким образом, опережающие темпы роста технологически емкой продукции определили ведущую тенденцию развития в экспортоориентированных отраслях.

Таиланд активно развивает экономические связи и сотрудничество со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Пример тому участие Таиланда в проекте развития бассейна реки Меконг совместно с Камбоджей, КНР, Лаосом, Мьянмой, Вьетнамом. Таиландский деловой мир видит в этом сотрудничестве большие возможности для расширения экономических и торговых связей. В частности, Таиланд, который небогат энергоносителями, заинтересован в огромных гидроресурсах р. Меконг и других рек Мьянмы. Первостепенное внимание уделяется строительству железной дороги, соединяющей китайскую провинцию Юньань с Мьянмой, Лаосом и Таиландом. Таиландские компании принимают участие в программе создания «центра роста» на юге КНР совместно с Гонконгом, Тайванем и властями южного Китая. И хотя центр ускоренного роста (Бареланг) строился в индонезийской провинции Риане по инициативе Таиланда, компании королевства строят там ряд объектов. Разрабатывается также схема организации совместно с Индонезией и Малайзией «центра роста», который обеспечит более свободное прохождение потоков товаров, инвестиций и поможет консолидации рынка этих стран. Ведущая роль в этом проекте отводится частному капиталу [67. С. 13–14].

Модернизация инфраструктуры и развитие промышленности в Таиланде требовали привлечения новой технологии. Долгие годы Таиланд импортировал технологию из западных стран, в том числе США, Японии, Германии, Великобритании, что стоило ему миллиардов долларов. Согласно данным Банка Таиланда, только в 1985 г. иностранная технология обошлась стране в 2 млрд. 044 тыс. бат. Через десять лет платежи за технологию увеличились на

треть. Стремясь ослабить зависимость от импорта в этой области, Таиланд пошел на сотрудничество с международными организациями (UNDP, UNESCO, ESCAP), а также с научными и учебными центрами Канады, Италии, Японии, США, Австралии, Швеции, Бельгии, Голландии и других стран, с тем чтобы возможно скорее создать собственный научно-технический потенциал.

Современные отрасли промышленности и виды производства требовали подготовки кадров соответствующей квалификации, внимания к развитию науки и технологии.

В то же время стимулировалось частное предпринимательство – поощрялась модернизация национального хозяйства путем использования НИОКР и современного менеджмента. Однако современные отрасли промышленности и виды производства требовали подготовки кадров соответствующей квалификации, внимания к развитию науки и технологии. В 1979 г. было учреждено Министерство по делам науки, технологии и энергетики вместо прежних агентств и учреждений, занимавшихся этими вопросами, а также было решено разработать и осуществить план развития науки и технологии в королевстве. С 1982 г., когда 18 августа было решено отмечать День науки Таиланда, ежегодно проводятся выставки последних достижений в разных сферах знания и технологии, а тайские ученые награждаются за выдающиеся результаты в своей работе.

Разделы, посвященные внедрению в производство достижений НИОКР, впервые были включены в пятый пятилетний план (1981–1985), а в шестом плане (1986–1990) развитие науки и технологии объявлялось приоритетом. Провозглашалась задача поднять производство на такой технологический уровень, который бы позволил Таиланду именоваться не просто «новой индустриальной страной», но высокоразвитым государством. Власти сознавали необходимость преодолеть разницу в развитии с рядом стран Восточной и Юго-Восточной Азии (ВЮВА), прежде всего Сингапуром. Хотя некоторые международные экономические организации и причисляли Таиланд к новым индустриальным странам, но считаться безусловно таковым государством он мог, лишь преодолев явное отставание по ряду показателей.

В 1995 г. был принят план развития людских ресурсов, совместно разработанный министерствами финансов, образования, по делам университетов, труда и благосостояния. Спонсорам учебных заведений предоставлялись льготы, вплоть до освобождения от налогов. Импорт учебного и научного оборудования не облагался пошлинами. Земли под частные учебные и научные учреждения

Департамент казначейства отводил на условиях низкой арендной платы. Студентам предоставлялся кредит на 15 лет, который они должны были начать выплачивать через два года после окончания вуза. Ежегодно для кредитования 300 тыс. студентов выделялось несколько миллиардов бат [67. С. 5–7].

Другой комплекс мер имел целью вовлечение частного сектора наряду с государством в дело основания и развития научно-исследовательских учреждений. Что касается результатов внедрения НИОКР в различные отрасли национального хозяйства, то этому придавалась особая важность. Фонд исследовательских работ и развития дает кредиты частным компаниям, ведущим новые разработки. Им предоставлялись также налоговые льготы, вплоть до освобождения от налога на корпорацию. Еще один комплекс мер касался подготовки и переподготовки квалифицированных кадров. Фонды, создававшиеся для финансирования подготовки кадров, освобождались от налогов, а сама компания не должна была платить налог на добавленную стоимость. До пятикратного размера сокращался налог и на расходы фирмы при подготовке ею квалифицированного персонала.

В первую очередь внимание уделялось формированию будущих работников электронной и нефтехимической промышленности, биотехнологии, производства композитных материалов. Не оставалась в тени и другая сторона проблемы – как привлечь иностранные инвестиции к делу всесторонней научной и технологической модернизации страны. Для этого предусматривались различные способы поощрения – кредитование, налоговые льготы и т. п. Таким образом, была заложена основа для становления в королевстве современной образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Разработанный министерством науки, технологии и энергетики план предусматривал внедрение достижений НИОКР в химическую, металлургическую, электронную промышленность. В частности, предусматривалось новейшее технологическое обеспечение формирующейся сталелитейной промышленности, производства красителей, планировалось внедрение биотехнологии, селекции семян и саженцев, генной инженерии в сельскохозяйственном производстве. Продвижению биотехнологии других современных методов ведения сельского хозяйства способствовал и король Таиланда Бумибол Адульядет.

В Таиланде существует давняя традиция участия королевской семьи во всех важных для страны начинаниях, которое тем самым их как бы освящает. Принцесса Чулаборн, получившая степень доктора химических наук в бангкокском университете «Махидол»,

куруровала несколько научных проектов в области химии и фармацевтики, как-то: создание новых натуральных продуктов, производство лекарств и полимеров. В 1988 г. она совместно с сотрудниками университета «Махидол» создала Научно-исследовательский центр, занимающийся современными направлениями науки и технологии.

Важным направлением объявлялось изыскание альтернативных возможностей развития энергетики, использование более дешевых источников электроэнергии, а также разработка стандартов экологии и контроль за их соблюдением [192. С. 194].

В деле подготовки научных кадров Таиланду предстояло преодолеть трудности. Прежде всего, научные исследования и разработки велись в основном по иностранной технологии, что сдерживало собственные разработки. Кроме того, многие университеты и высшие учебные заведения выпускали преимущественно специалистов гуманитарных профессий, тогда как страна нуждалась в специалистах прежде всего для биотехнологических, химических, сталелитейных и прочих современных производств. В 1990 г. дипломы об окончании высших учебных заведений Таиланда получили 22 724 человека, 52,4% из которых были гуманитарии, 12,5 – медики, 7,9 – экономисты, 15,9 – инженеры, 11,3% – специалисты в области естественных наук [193. С. 196].

В Таиланде, как и в других рассматриваемых в данной работе странах ЮВА, происходит становление национальной модели корпоративного управления. Первоначально ее основные элементы были привнесены классическими моделями управления, которые сформировались в Японии, Великобритании, США и Германии, что было предопределено массивным притоком ТНК и крупных компаний из этих государств в королевство. Вместе с тем для стран ЮВА, особенно для оперировавшего в них китайского капитала, была характерна модель «семейного владения и управления» компаниями, которая сохранялась и при образовании конгломератов компаний. При их формировании во многих случаях имело место распределение акций среди ограниченного круга акционеров, которые были связаны между собой родственными или деловыми связями. Структура отношений собственности и контроля исходила из укоренившейся практики организации китайского бизнеса, а также отражала особенности национальной судебной-правовой системы.

Согласно методологии определения понятия корпорация, предложенной французскими и латиноамериканскими исследователями (Р. Ла Порт, Ф. Лопес-де Силанес и А. Шлайфер), к ним можно отнести компании, в которых, по одним расчетам, ни один соб-

ственник не может прямо или косвенно распоряжаться 20% или более, а по другим расчетам – 10% и более всех голосов. В результате проведенного ими анализа 10 крупнейших корпораций в 49 странах было выявлено, что трем крупнейшим акционерам по совокупности принадлежало 46% акций. Примечательно, что в наиболее развитых странах концентрация собственности оказалась ниже, чем в развивающихся экономиках.

В странах ЮВА, в том числе в Таиланде, укрепился принцип «семейной собственности и семейного управления». Понятие «семейное владение» имеет различные социально-политические и социально-экономические модификации. Традиционной формой сохранения семейного бизнеса в ЮВА является распространение акций среди членов семьи, а также назначение лиц на ответственные посты в головной компании и ее филиалах на основе принципа родственных связей. Среди них в Таиланде были такие, как, к примеру, семейство Пупанич, которое длительное время лидировало в небольшой группе акционеров компании «Таи пайонир энтерпрайз». Однако в 1983 г. глава семьи Сучат принял новую форму распределения акций, согласно которой старые владельцы акций, включая семью Пупанич, сохраняли контрольный пакет акций (51%), 10% были у «Бангкок бэнк» и «Таи фармерз бэнк», а новыми держателями акций стали представители двух горнопромышленных семейств с юга – Букнгсунг и Нгаратвами. Хотя в исследуемых в данной работе странах ЮВА внешне руководство многими компаниями представляется традиционным, но оно постоянно эволюционирует под воздействием таких факторов, как усиление концентрации капитала, насыщение информационной технологией, усиливающийся переход от локальных стратегий компаний не только к региональным, но и глобальным. Общим результатом этой эволюции является усиливающийся процесс глобализации производства, требующий установления общих установок организации производства и менеджмента.

Преодоление финансового кризиса

Так же как и другие страны ЮВА, Таиланд в 80-е годы заявил о намерении стать региональным финансовым центром. Политика либерализации банковской системы стала проводиться с 1992 года, когда банкам было разрешено самим устанавливать процентные ставки. У финансовых учреждений и коммерческих банков должно было быть больше возможностей мобилизации источников финан-

сирования новых отраслей и модернизации промышленности. В 1994 г., стремясь повысить конкурентоспособность экспортеров и импортеров, правительство учредило Экспортно-импортный банк. Однако сложившиеся в банковском деле олигополические структуры, заинтересованные в расширении лишь собственных отделений, противодействовали становлению новых финансовых институтов. Другим плодом политики либерализации было основание в Таиланде международного финансового института «Бангкок интернэшнл бэнкинг фэсилитиз», отделения которого получили статус иностранных банков. Благодаря расширению сети банков, обслуживающих иностранный капитал, перед этим финансовым институтом открывались новые возможности для расширения деятельности в провинциях.

В результате проводимых других мер, прежде всего, повысился уровень накопления, достигший в первой половине 90-х годов самого большого в ЮВА показателя – 34% ВВП, а приток иностранных капиталовложений по отношению к ВВП в среднем составлял в год примерно 10%.

Несмотря на эти позитивные показатели, нарастали тревожные предвестники финансового кризиса. В стремлении скорее увеличить приток иностранных инвестиций власти проводили либерализацию порой слишком поспешно, без надлежащего анализа возможных последствий. Отсутствие должного контроля вело к росту дефицита платежного баланса, равно как и государственных и частных долгов. Зарубежные займы составили в 1997 г. 94% ВВП, причем в их структуре опасно увеличивались краткосрочные заемные средства. Их вкладывали главным образом в перегретый сектор строительства и недвижимости или же тратили на непроизводительные цели. По этим и другим причинам в финансовой сфере Таиланда нарастал опасный дисбаланс. Первый симптом неблагополучия в таиландской экономике проявился в 1996 г., когда поступления от экспорта сократились по сравнению с предшествующим годом почти на четверть. С начала 1997 г. участились спекулятивные махинации с таиландской национальной валютой. Многие бизнесмены брали зарубежные займы в долларах, обменивали их на баты и получали немалую маржу на разнице процентных ставок. Как позднее не без основания отмечал американский профессор Нейл Энгельгарт, кризис 1997 г. показал, что финансовая либерализация и последующее нарастание свободного движения потоков капитала постепенно приводят к экономической нестабильности [164. С. 254–257]. Этот вывод представляется верным, вопреки распространенному утверждению, что открытая

экономика и нарастающая либерализация благоприятствуют экономическому росту.

Центральный банк (Bank of Thailand – BOT) и министерство финансов долгое время (с 60-х годов по середину 90-х) считали, что главный принцип монетарной политики – поддерживать стабильный обменный курс бата, жестко привязав его к американскому доллару. Вплоть до 1984 г. колебания курса были незначительны (20–21 бат за доллар США). С 1986 г. положение стало меняться, и курс бата стал постепенно падать. Центральный банк Таиланда перешел к ориентации бата на корзину валют основных торговых партнеров страны. В результате в 1986–1996 гг. курс национальной валюты колебался уже в пределах 25–27 бат за доллар США.

Второго июля 1997 г. было объявлено о переходе к режиму управляемого плавающего курса бата, что вызвало его некоторый рост [9. С. 6–7]. Затем с июля по сентябрь курс бата продолжал падать, однако Банк Таиланда пытался его поддерживать, так как правительство хотело сохранить стабильность в стране в период обсуждения в парламенте проекта новой конституции. В этом проекте предусматривалось децентрализовать административную систему: ввести институт местных судов, ограничить прерогативы министерства внутренних дел, освободить его от излишней опеки над провинциальными органами правопорядка, а также от организации выборов и контроля над ними (эти обязанности передавались избирательной комиссии) [26, гл. 8, часть 4; гл. 6. часть 4]. Затянувшееся обсуждение проекта конституции вызвало напряженность внутри страны – условие благоприятное для ускоренного развития финансового кризиса. Глава правительства Чавалит Йонгчаюд под давлением массовых выступлений и под нажимом армейского командования разрешил передачу проекта конституции в парламент. Так новая, 16-я Конституция Королевства Таиланд, которая расценивалась как наиболее демократическая из всех предшествовавших, была принята парламентом.

В финансовом и банковском мире Юго-Восточной и Восточной Азии нарастала напряженная ситуация. Республика Корея и Индонезия 14 и 15 августа внесли изменения в режим обменного курса своих валют. В региональных средствах массовой информации появился термин «батулизм», напоминавший о серьезном инфекционном заболевании и косвенно намекавший, что опасная для национальных валют региона болезнь привнесена из Таиланда. Пошатнувшееся доверие к бату спровоцировало отток части иностранных активов из финансовых институтов Таиланда. Власти были вынуждены приостановить работу 58 финансовых компаний, и 14 ав-

густа обратиться за помощью к Международному валютному фонду. Рассмотрев заявку Таиланда, 20 августа МВФ принял решение предоставить кредит сроком на 36 месяцев. С правительством Таиланда было подписано соглашение, в котором излагалась предложенная стране среднесрочная программа стабилизации обменного курса бата. При этом программы, разработанные экспертами МВФ для Таиланда, и несколько позднее для Индонезии, различались, та и другая строились на концепции, сложившейся еще в 80-е годы и известной как «Вашингтонский консенсус». Программы предлагали стереотипный набор структурных реформ (рыночный принцип формирования цены и, следовательно, отказ от государственных субсидий; разгосударствление предприятий; либерализация инвестиционного и внешнеторгового рынка; достижение макроэкономической и финансовой стабильности; преобладание монетаристской концепции и др.). В целом рекомендации сводились к тому, чтобы перейти к жесткой финансовой и фискальной политике, провести реструктуризацию финансового сектора, а также принять меры к улучшению работы государственных предприятий и реформировать юридическую систему. Таиланду предлагалась помощь в 42 млрд. долл. США, которые предоставляли МВФ, Международный банк, АЗБР и несколько стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1997 г. Таиланд получил из этого пакета помощи два транша на 8 млрд. долл. США [19. С. 14].

Хотя рекомендованные меры и были предприняты, спад в экономике Таиланда продолжался. Темпы прироста ВВП в 1997 г. составили лишь 0,4% [19. С.14]. Пытаясь стабилизировать обменный курс, Центральный банк повысил межбанковскую процентную ставку, однако это спровоцировало новую волну финансового кризиса. Общие негативные результаты проявились в падении прироста местных инвестиций с 2% в 1996 до минус 24,8% в 1997 г. Тем не менее государственные инвестиции в инфраструктуру и проекты сельского развития удалось увеличить на 11,3%, что сделало возможным продолжение реализации восьмого плана развития (1997–2001). Положение осложнялось из-за начавшегося оттока иностранного капитала. Уходившие из страны средства исчислялись в 1997 г. в 4,7 млрд. долл., тогда как в предкризисный год приток инвестиций из-за рубежа оценивался в 19,5 млрд. долл. В 1998 г. страна лишилась еще 15,5 млрд. долл. [237. 02. 03. 2006]. Спад производства (без учета аграрного сектора) составил в среднем 6%. Особенно тяжелое положение сложилось в строительстве и банковском секторе, где проблемные кредиты превысили 40 млрд. долл. Принятые меры, а также ослабление бата позволили увели-

чить поступления от экспорта лишь на 3,8%, но импорт сократился на 13,4%. Дефицит платежного баланса достиг 10,6 млрд. долл., в то время как валютные запасы оставались на уровне 27 млрд., а их могло хватить для покрытия импортных расходов лишь на 5,3 месяца. Общий долг страны на конец 1997 г. исчислялся 91,8 млрд. долл., в том числе долги правительства и государственных предприятий – 17,2 млрд., Банка Таиланда – 7,3 млрд., а частного сектора – 67,3 млрд. [19. С. 4–5].

Резкий спад наблюдался на первичном и вторичном рынках ценных бумаг, который продолжался и в 1998 г. В целом за 1997–1998 гг. ВВП сократился на 12%, инфляция выросла до 11–12%. Спад экспорта составил в 1998 г. 6,8%, а импорта – 33,8% [19. С. 10–14]. Почти 60 финансовых компаний были закрыты, и покупательная способность, которая до этого почти на две трети поддерживалась кредитами и займами, резко понизилась. Почти вдвое уменьшилась продажа автомобилей (с 600 до 300 тыс.), а их выпуск из-за падения спроса сократился на 61% [19. С. 24].

Однако финансовое положение ведущих государственных компаний в 1997 г. не вызывало панических настроений. Общий дефицит бюджета государственного сектора, включая расходы центрального правительства, местной администрации и государственных предприятий, составлял 2% ВВП. И хотя прибыль на многих предприятиях государственного сектора уменьшилась по сравнению с предшествовавшим годом примерно на треть, однако на ключевых объектах – Петролеум осорити, Электросити дженерейтинг, Телефоун оганизейшн, Метрополитэн электросити осорити – прибыль выросла на 16,5% [20. С. 94–96]. Вместе с тем 18 государственных компаний, в том числе Бангкок петролеум, Бангкок масс транзит осорити, Стейт рейлвей оф Таиланд, претерпели убытки. И все же в 1998 г. правительству удалось увеличить инвестиции на 25,9% (в отличие от 1997 г., когда они сократились на 4,5%).

Выйти из кризиса, восстанавливать и развивать дальше национальное хозяйство стране помог, прежде всего, экспорт. В 2000 г. экспорт (в котором продукция обрабатывающей промышленности составляла 85%) вырос на 20–25%, – в основном за счет хорошей конъюнктуры цен на некоторые товары. Например, мировые цены на бумагу возросли почти на 40%, что позволило отдельным компаниям (Сиам палп энд пэйпер, Фонекс палп энд пэйпер) получить прибыль 10–12-кратно большую по сравнению с 1999 г. Однако расходы на импорт в том же году увеличились на 40%, что поглотило значительную часть экспортных поступлений. Экспортные доходы аграрного сектора пополнились благодаря, в частности,

межправительственному соглашению с Филиппинами об увеличении поставок риса, а также закупке Китаем у Таиланда крупной партии тапиоки. В последующие годы высокие показатели экспортных поступлений были также в значительной степени обусловлены увеличением объема внешней торговли Таиланда со странами ВЮВА, особенно с Китаем, который становится важным рынком для тайландского экспорта, но одновременно и его серьезным конкурентом на мировом рынке, особенно при реализации трудоемкой продукции.

Пережитый Таиландом длительный период тяжелых расчетов по долговым обязательствам корпоративного сектора, высокие мировые цены на нефть и, напротив, низкие цены на сельскохозяйственную продукцию не способствовали экономическому подъему. Банки, не успевшие окрепнуть после кризиса, не могли служить надежным источником кредитных средств. И хотя по сравнению с 1997 г. уровень проблемных кредитов снизился в 2000 г. с 47 до 21%, процесс реструктуризации банковской системы протекал медленно и не слишком эффективно.

Как и в случае с Индонезией, многие рекомендации экспертов МВФ не только не оказались благотворными, но и усугубили финансовое и экономическое положение в стране. Лишь после того как МВФ в октябре 1998 г. снял фактический запрет с самостоятельной экономической деятельности правительства Таиланда по преодолению кризиса, появились признаки стабилизации обменного курса бата, а общая экономическая ситуация стала улучшаться. Однако для окончательного выхода из финансового кризиса стране потребовалось еще немало времени.

Совместная работа правительства, Банка Таиланда и других структур в конечном счете позволила преодолеть финансовый кризис и смягчить его последствия. Однако многие тайландские экономисты сожалеют, что страна, следуя предписаниям МВФ, открыла свой рынок во время кризиса. Сравнивая экономические показатели Малайзии и Таиланда в 2005–2006 гг., директор одного из подразделений ЮНИСКАП Рави Ратнаяки полагал, что на самом деле для Таиланда было бы лучше последовать примеру Малайзии, которая вышла из кризиса, используя свои внутренние возможности и средства [240, 18. 12. 2005].

В обществе нарастала критика правительства Чавалита Йонгчаюда, результаты работы которого не могли никого удовлетворить. Многие предприятия во время кризиса потерпели крах, состав владельцев поменялся. Совокупный индекс на фондовой бирже Таиланда снизился с 489 пунктов в 1999 г. до 250 в 2000 г. Десятки кор-

поражий, столкнувшиеся с большими финансовыми трудностями, ушли с фондовой биржи. Лишь четвертая часть из 400 компаний, числившихся в листинге, получала прибыль, а остальные продолжали рассчитываться с долгами. В результате кризиса из листинга исчезли многие известные названия компаний, но вместе с тем появились и новые, прежде всего оперирующие в электронной промышленности. Стало больше государственных компаний, акции которых свободно котировались на бирже. Это Рачабури пауэ плант, Таи эйрвейз интернэшнл, Таи ойл пауэ, Таи олефинз, Петролеум осорити оф Таиланд и другие. Акции многих предприятий были куплены, а порой и скуплены иностранцами. В результате увеличилось и участие иностранцев в капитале многих местных компаний. Деловой мир, представители среднего класса не были готовы к столь важным изменениям в структуре собственников и владельцев.

Уроки кризиса побудили правительство пересмотреть политику модернизации национального хозяйства. Инициатором новых преобразований в экономике стал Центральный банк. Его правление и администрация заявили, что «преобразования надо начинать с себя». Были разработаны годовые переходящие программы модернизации управления и деятельности банка, ход выполнения которых публиковался. В первую очередь речь идет о совершенствовании монетарной политики, оценке рыночных и нерыночных рисков, внутреннем аудите, а также о том, какие меры предпринять, чтобы добиться большего доверия населения к Центральному банку и банковской системе в целом. Проводится также систематическая работа, направленная на повышение квалификации персонала, численность которого превышает пять тысяч. Служащие имеют возможность овладевать знанием современного менеджмента, что ускоряет внедрение стандартов деятельности, принятых в крупнейших мировых финансовых организациях мира, в банковскую систему Таиланда.

Кризис заставил министерство финансов и Банк Таиланда разработать новую стратегию монетарной политики. Ее основная задача – поддержать стабильные цены и устойчивый экономический рост. Комитет монетарной политики, исходя из современных теорий, разработал механизм своего рода раннего предупреждения финансового кризиса, который дает возможность вести мониторинг макроэкономических процессов и осуществлять прогнозирование. Эконометрическая модель позволяет выстраивать варианты прогнозов сохранения стабильности в стремительно меняющихся условиях на основе выявления взаимозависимости основных пере-

менных величин макроэкономики и монетарной политики. Первая модель была выстроена на основе поквартальных данных за 1993–2002 гг., которые отражали состояние государственного и монетарного секторов и весь спектр колебания индекса цен. В дальнейшем основные индикаторы пересчитываются ежеквартально с учетом изменений статистики. При этом обрабатываются не только индикаторы состояния национального хозяйства, но и макроэкономические данные. Учитываются также тенденции развития экономики основных торговых партнеров Таиланда, динамика и колебания цен на мировых рынках, прежде всего на нефть и аграрную продукцию, изменения фискальной политики, внутренние и внешние риски, воздействие неожиданных шоков, которые могут оказать влияние на экономическую и финансовую ситуацию. Уточненные варианты эконометрической модели публикуются Центральным банком ежеквартально.

Такая постановка работы банковской системы кардинально отличается от прежних методов управления кредитно-денежной сферой в королевстве.

В свою очередь, и другие структуры Таиланда начали вырабатывать новые подходы к организации и регулированию хозяйственной деятельности. Например, Федерация таиландской промышленности проводит прогностические оценки перспектив развития различных отраслей и видов производства. На Университет Торгово-промышленной палаты Таиланда возложена задача составления двух вариантов поквартального прогноза ожиданий по основным видам производства, торговли и сферы услуг. Для подсчета индекса используется широкий набор данных, включающих общий объем продаж, прибыль, занятость, производственные затраты, инвестиции. Проводимая работа помогает гибко реагировать на такие отрицательные для Таиланда факторы, как высокие цены на энергоносители, птичий грипп, последствия цунами. Динамика определяемого индекса ожидаемой ситуации весьма подвижна. Так, например, если индекс составляет 50, то это означает сохранение сложившейся ситуации. Если более 50, то это указывает на положительные тенденции роста, а менее 50 – на возможный спад. Важен учет не только определения индекса ожидания предпринимателем для своего предприятия, но и для национальной экономики. В данном случае включается и такой фактор, как оценка проводимой государственной экономической политики. В 2003 и 2004 гг. оценка перспектив развития национальной экономики в большинстве случаев (50–79,5) была выше, чем поотраслевые индексы ожиданий, которые составили в торговле и услугах 58–56.

Однако промышленники чувствовали себя увереннее, определяя индекс ожиданий для всей экономики в пределах 53,8–80,1, а для малых и средних предприятий 56–80 [115. С. 119].

Главной движущей силой роста ВВП в 2001–2005 гг. стал внутренний спрос, но одновременно продолжала возрастать и роль экспорта как фактора, предопределявшего устойчивый экономический рост.

Основными рынками сбыта для тайландского экспорта являются Япония, США, Сингапур, Гонконг, КНР. Пожалуй, наибольшее значение для сбыта продукции малых и средних предприятий имеет японский рынок, где реализуется пятая часть всей экспортной продукции этих предприятий. Продвижению тайландских товаров на японский рынок содействует то, что они дешевле японских. На рынок США идет лишь 13,5% экспортной продукции МСП. На 2–3% был меньше сбыт тайландских товаров в Сингапур, который стал главным потребителем частей оборудования для атомных реакторов и машин. В КНР было экспортировано товаров (оборудование для атомных реакторов, машины, минеральное горючее, электронное оборудование, изделия из пластмасс), стоимость которых составила 5,9% всех экспортных поступлений [115. С. 99].

Растущая конкурентоспособность Таиланда подтверждается оценками различных международных агентств. Так, например, швейцарский Институт менеджмента развития определил индекс Таиланда в 67,3 (США – 100, Гонконг – 93), что позволило королевству переместиться в 2005 г. с 29-го на 27-е место, впервые обогнав Малайзию, которая опустилась с 16-го места на 28-е, а также Китай, который занял лишь 30-е место. Высоко оценен был также низкий налог на добавленную стоимость, что является важной составляющей конкурентоспособности, получивший оценку в 7% при среднем показателе 17,17%. Уровень безработицы в Таиланде составил лишь 1,98% при средней оценке 8,08%. Однако такой важный для Таиланда показатель, как НИОКР, все еще оставляет желать лучшего, так как он составляет 0,26% ВВП при средних 1,52%. Заместитель главы ВОТ Косит Папиенмрас считает, что Таиланд в мировой конкуренции как бы зажат между странами – обладателями высоких технологий и странами с трудоинтенсивным производством. Для улучшения положения, полагает он, необходимо строже осуществлять экономическую и финансовую политику, ибо тайландцы не хотят повторения времен контроля и навязывания реформ МВФ. При проведении либерализации наряду со снижением тарифов надо видеть и угрозу нетарифных барьеров. Таиланду необходимо вырабатывать им-

мунитет, чтобы не допустить контроль иностранных инвесторов над местным бизнесом [239, 08. 02. 2006].

В послекризисный период правительство помогало частному сектору погасить долговые обязательства. Резкое снижение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, в том числе на рис (с 10 тыс. бат за тонну), тапиоку, каучук и кофе, не привело к благосостоянию крестьянства, которое все еще составляет почти половину от 63-миллионного населения. С точки зрения тайландского экономиста-аграрника Ачара Понгвутитама вследствие высоких производственных затрат в аграрном секторе королевства и действия нетарифных ограничений на ввоз сельскохозяйственной продукции в основных странах-импортерах Таиланд утрачивает свою роль важнейшего экспортера пяти сельскохозяйственных товаров. В 2000 г. на мировом рынке на долю тайландского риса приходилось 28%, тапиоки – 86, каучука – 30,43, ананасов – 26 и мороженых креветок – 15%, причем тайландские производители с трудом удерживали свои позиции. Например, в 1999 г. Таиланд по поставкам ананасов на мировой рынок был оттеснен Филиппинами с первого на второе место.

Несмотря на все трудности, модернизация и диверсификация совокупного хозяйственного комплекса продолжалась. В частности, это проявилось в создании первых предприятий, производящие узлы и детали для авиационной промышленности. Например, филиал компании «Джелано Эйша» – «Дженерал электрик эйркрафт инджинз» построил на восточном побережье (провинция Районг) крупнейший в Азии завод, производящий турбины и другие части для реактивных самолетов, которые экспортируются в Японию, Южную Корею, Тайвань, Китай, Австралию и Новую Зеландию. С введением в строй этого объекта открылась еще одна страница в истории индустриализации Таиланда [252, 2003, № 3. С. 6].

Одновременно существенно меняется структура обрабатывающего производства, основная часть производимой продукции которого идет на экспорт. В 2003 г. следующие товары вошли в первую десятку экспортной продукции промышленного производства: электротехническое и электронное оборудование, машины и компоненты, текстильная продукция, автомобили, оборудование и запчасти, изделия из пластика, продовольственные товары, изделия из каучука, ювелирные изделия, химическая продукция, черный металл, сталь и изделия из них, прочие товары. Особого внимания заслуживает резкий рост экспорта машин и оборудования, который вырос в 2003 г. по сравнению с 2002 г. с 3,8 млн. бат до 220,6 млн. бат. Столь высокий уровень прироста обусловлен начальным

этапом выхода тайландской промышленности на мировые рынки. Тем не менее только за один год экспорт данной отрасли поднялся с 18-го места на второе. Впечатляет и значительное увеличение экспорта машин и запасных частей к ним (на 131,2%).

Продолжение перехода к отчасти пересмотренной индустриальной модели роста требовало вовлечения в расширяющуюся модернизацию всех компонентов социально-экономических структур.

Социальные аспекты модернизации

По мере становления современного сектора производства и услуг в Таиланде ускорились трансформация социальных слоев и формирование среднего класса. Как полагает американский профессор Н. Энгельгард, общепринято, что модернизация экономики в Таиланде привела к появлению среднего класса. Кроме того, многие рассматривают процесс демократических изменений, начавшийся в стране в 90-е годы, как подтверждение теории модернизации, которая увязывает экономический рост с формированием среднего класса и демократическими сдвигами в обществе. Однако, по мнению Энгельгарда, средний класс в королевстве не является плодом только внутреннего развития. Он формировался под воздействием процессов не столько модернизации, сколько глобализации: своим экономическим ростом Таиланд обязан, прежде всего, иностранным вложениям, что и привязало экономику страны к интересам международного рынка капитала [164. С. 45].

Значительная часть населения Таиланда претерпевала тяготы, предопределенные последствиями финансового кризиса и усиливающейся конкурентной борьбой. Это приводило, наряду с другими причинами, к нарастанию антиглобалистских настроений. На выборах 2001 г. партия Чавалита (New Aspiration Party) выступала с лозунгом «Свобода от иностранцев». Король Таиланда Бумибул Адульядет также считал, что американские компании воспользовались трудностями, которые переживала экономика Таиланда, чтобы скупать акции тайландских компаний, и это в дальнейшем позволит США оказывать сильнейшее воздействие на хозяйственную ситуацию в королевстве [229, 1998. Т. 161. № 8. С. 8].

Экономическое положение осложнялось и из-за стремительно растущих мировых цен на нефть. Таиланд – нетто-импортер нефтепродуктов, ввозящий ежедневно в страну около 700 тыс. барр. нефти. Национальный комитет по энергетической политике совместно с министерством промышленности попытались смягчить

последствия ценового шока. При оплате горючего владельцам грузовиков выдавались талоны на скидку на нефтепродукты, им разрешалось поднимать цены за обслуживание. Были выделены также правительственные субсидии для предоставления скидок на горючее крестьянам и рыбакам, состоявшим в кооперативах. Кроме того, продолжалось переоборудование транспортных средств, с тем чтобы заменить бензин дизельным топливом или газом. В отличие от Малайзии, где изучались возможности использования нового вида пальмопродуктов – энво для биодизельного топлива (энводизеля), в Таиланде велись разработки, имевшие в виду использовать в этих целях спирт-сырец, получаемый из сахарного тростника.

Президент Исследовательского института развития Таиланда Чалонгпоб Суссангкарн, один из разработчиков девятого национального плана экономического и социального развития Таиланда (2002–2006) высказывал опасение, что непрерывный рост цен на нефть может не просто отрицательно сказаться на экономике Таиланда, но и привести страну к очередному энергетическому кризису [163. С. 6, 10–11]. Эти опасения были отчасти устранены после открытия в 2006 г. нефтеперерабатывающего завода в провинции Петчабури, стартовая производительность которого – 30 тыс. барр., на втором этапе – 50 тыс., а на третьем – 150 тыс. барр. в день, что несколько улучшит положение с нефтепродуктами в сельском хозяйстве и транспорте.

На втором этапе строительства компания «Сиам Галф петрокемикл» планирует сооружение глубоководного морского порта с ультракрупным перевозчиком мощностью 200 тыс. т. Завод оснащен по современной технологии и компьютеризированной системой управления. Его продукция позволит развивать нефтехимическую промышленность [239, 02. 03. 2006].

На парламентских выборах в 2001 г. победу одержала новая партия, созданная Таксином Синаватра на базе различных фракций – «Таи Рак Таи» (Thai Rak Thai – TRT) (в переводе – тайцы любят тайцев). Новое правительство стало проводить политику, далекую от ортодоксальных установок МВФ и его требований сведения платежного баланса с положительным сальдо. Таксин Синаватра и его партия исходили из того, что в стратегии восстановления экономики главное – вернуть доверие к батю. В 2000 г. бат подешевел на 8%, а совокупный индекс, отражающий среднюю стоимость акций на Бангкокской фондовой бирже, сократился на 350. В июне 2001 г. уровень процентной ставки был поднят на 100%. И хотя это стало шоком для многих международных финансистов, бат ожил, так как операции с ним стали выгоднее, чем с долларом. Обменный курс

бата понизился с 45,4 за доллар США в июне 2001 г. до 39,3 в 2004. В 2005 г. среднегодовой курс национальной валюты составлял 26 бат. Упрочение финансового положения позволило правительству Таксина Синаватра за короткий срок погасить задолженность Международному валютному фонду.

Следуя за Махатхиром Мохамадом, Таксин Синаватра выдвинул лозунг «тайцы могут сделать» («Thai can do»), что близко по смыслу малайзийскому девизу «Малайзия может» («Malaysia boleh»). В Бангкоке восприняли и другую установку – образовать «объединенную Малайзию» (Malaysia Incorporated), и выдвинули призыв к образованию «объединенного Таиланда». Ставя такую же, как у Малайзии, конечную цель – достижение статуса развитой индустриальной страны, Таксин Синаватра, однако, заявил: «Мы не будем ждать, подобно Малайзии, до 2020 г., мы хотим добиться этого раньше» [214, 2003, 07–08. С. 37].

Новый премьер-министр и его советник Пансаком Виньяратна выработали платформу подъема всех областей экономики, которая была названа в честь перуанского экономиста – Фернандо де Сото, автора нашумевшей книги «Мистерия капитала: почему капитализм одержал триумф на Западе, а в других странах потерпел фиаско». Эту программу утвердила ТРТ. В ней противоречиво сочетались различные подходы к развитию экономики: достижение высоких темпов роста за счет использования возможностей национального хозяйства и увеличения внутреннего спроса путем предоставления кредитов для расширения предпринимательства крестьянам и лицам, имеющим небольшие доходы; сооружение мегапроектов инфраструктуры, строительство 1 миллиона домов для малоимущих, продолжение субсидирования высоких цен на нефтепродукты, меры по смягчению последствий птичьего гриппа и цунами в декабре 2004 г.

В результате проводимой в предшествовавшие десятилетия политики модернизации, преодоления финансового кризиса и ряда провозглашенных мер положение значительно изменилось. Темпы прироста ВВП в 2001– 2004 годах составили 5,2%. Потребление в частном секторе выросло на 6% в год, что было больше, чем в Малайзии (4,3%) и Сингапуре (1,7%) [239. 03. 09. 2003].

В 2005 г. валовой внутренний продукт достиг 186 млрд. долл. США и был больше, чем в Малайзии. Доход на душу населения, который в годы кризиса значительно понизился, в 2004 г. вновь возрос и составил 8100 долл. США [137. С. 36]. Поступления от экспорта давали 60% ВВП, причем главными статьями вывоза стали автомобили, электроника, разнообразная сельскохозяйственная

продукция. Бюджет удалось свести с положительным сальдо, а внешний долг уменьшить до 44% ВВП [1. С. 25].

Таксин Синаватра, как и Махатхир Мохамад, рассматривал построение современной инфраструктуры как решающее условие стабильного экономического развития. Он считал, что инвестиции в инфраструктуру дадут тройную отдачу. Предполагалось за четыре года инвестировать в инфраструктуру, т. е. в расширение сети электростанций, транспорта, ирригации, а также в здравоохранение, образование, жилищное строительство 41 млрд. долл. США. На начальном этапе частный местный и иностранный капитал обеспечит треть всех инвестиций. Применение общественных работ при сооружении мегапроектов преследовало цель экономии средств и увеличения занятости.

Один из проектов правительства – организация системы массового транспорта в городской агломерации Бангкока, на что выделялось 7,2 млрд. долл. США. В другой крупный проект – прокладку водопровода для орошения полей в различных районах страны предполагалось вложить 4,6 млрд. на строительство миллиона домов для людей с низким доходом, на что было ассигновано 1,9 млрд. долл. [249, 2002. Т. 3. № 2. С. 29]. Таиланд намерен, как и Сингапур, стать региональным центром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности на основе ввозимой нефти. Это, в свою очередь, требует создания сети нефтепроводов.

Стремясь укрепить основу экономики Таиланда – работающее на экспорт товарное крестьянское хозяйство, правительство обнародовало комплекс мер, в которые входили: трехлетний мораторий на выплату крестьянских долгов, образование фонда возмещения крестьянской задолженности, реструктуризация невыплаченных долгов. В исполнение этого соглашения только в феврале 2006 г. министр сельского хозяйства издал распоряжение о списании долгов 2600 единоличных крестьян и членов коопераций на общую сумму 200 млн. бат [239, 28. 02. 2006]. Кроме того, для развития сельской инфраструктуры каждой деревне предоставлялся грант в 1 миллион бат. В 2004/05 гг. 30 тыс. деревень получили от государства 9,4 млрд. бат, а в 2005/06 – 19 млрд. [205, 27. 04. 2006]. Широкая программа модернизации сельского хозяйства формировалась во многом под воздействием концепций Фернандо де Сото, который считал, что необходимо раскрыть потенциал мелких и мельчайших хозяйств, предоставляя их владельцам соответствующие права и возможности.

Для крестьян отменялась плата за медицинское обслуживание. Правительство обещало помочь им в деле снижения произ-

водственных затрат путем предоставления в кредит на льготных условиях новейших сельскохозяйственных машин, а также семян и саженцев высокоурожайных культур. Министерство сельского хозяйства и кооперации учредило Центр передачи технологии, в частности, при образовании специализированных зон производства каучука и пальмового масла. Однако улучшенные условия кредитования привели к росту задолженности крестьян в 2005 г. почти в два раза.

Инновационные технологии начинают проникать в тайскую деревню по разным каналам. С 2002 г. стал претворяться в жизнь разработанный Секретариатом АСЕАН проект создания центров электронного сельского хозяйства (ASEAN E'Farmers and Agritani E'hub), способствующий реальным контактам мелких и средних товарных хозяйств с крупными предприятиями и выходу на рынок сбыта. По мнению заместителя премьер-министра Корна Даббаранси, «электронное сельское хозяйство поможет глобализации деревни» [252, 2002. Т. 1. № 7. С. 14–15].

Уже через несколько лет в таиландской деревне стали ощущаться перемены к лучшему. Развитие аграрного сектора имело большое значение, так как хотя и его доля в ВВП уменьшалась (9% в 2004 г.), в этом секторе трудилось 49% всех занятых в стране. Обрабатываемые земли составляли около трети всей площади королевства, а ирригационные поля – 48 тыс. кв. км. Средняя оплата труда в аграрном секторе повысилась к 2004 г. до 3 тыс. бат в месяц, что было, однако, вдвое меньше, чем в обрабатывающей промышленности [133. С. 36]. Поддержка крестьян увеличила средний доход одного хозяйства до 1370 долл. в год [205, 27. 04. 2006]. Рост доходности хозяйств был предопределен и развитием новых экспортных отраслей – куриного мяса и мороженых креветок. В 2004 г. было 11 тыс. фермерских хозяйств, производивших куриное мясо на экспорт на основе стандартной системы биологической безопасности. Более половины предприятий по переработке куриного мяса прошли сертификацию в странах ЕС и Японии, в которые идет до 90% курятины. Птичий грипп нанес ущерб новой отрасли, в результате чего поступления от экспорта сократились в 2004 г. на 25 млрд. бат. Однако правительство затратило 5,5 млрд. бат для выплаты компенсации фермерам и улучшение производства куриного мяса. В частности, получает распространение система закрытых ферм для предотвращения попадания инфекций и применение новейших средств, убивающих бактерии птичьего гриппа. В 2005 г. Таиланд экспортировал 300 тыс. т куриного мяса на 30 млрд., а в 2008 г. – 500 тыс. [133. С. 32]. Новым экспорт-

ным товаром стали мороженые креветки. В 2005 г. было вывезено 430 тыс. т, а в 2008 г. предполагается экспортировать 600 тыс. т на 134 млрд. бат [133. С. 205].

Таиланду, в котором сохранялись многие черты многоукладности, было необходимо преобразовать и трансформировать низшие страты экономики, т. е. малое и среднее предпринимательство. В 2003 г. из зарегистрированных в стране 2 006 528 предприятий лишь 10,6 тыс. (0,5%) были крупные компании, а 99,5% составляли почти 2 млн. малых и средних заведений. Кроме того, существовало множество мельчайших заведений с одним работником. Их особенно регистрирует Служба социальной безопасности. Согласно принятым в 2002 г. критериям, в обрабатывающей промышленности и сфере услуг к малым предприятиям относят заведения с числом занятых не более 50 и активами (исключая стоимость земли) не более 50 млн. бат. Предприятия с числом занятых от 51 до 200 или активами (исключая стоимость земли) от 50 млн. до 200 млн. бат считаются средними. В оптовой торговле к малым заведениям относят такие, в которых занято более 25 человек или активы не превышают 50 млн. бат. К средним – предприятия с числом занятых от 26 до 50 или активами от 50 млн. до 100 млн. бат. В розничной торговле к мелким заведениям относят такие, в которых занято не более 15, а активы не превышают 30 млн. бат. На средних предприятиях численность персонала может колебаться в пределах от 51 до 200 работников, а активы составлять до 200 млн. бат [115. С. 4].

Главную роль в основных секторах экономики играют крупные предприятия, на долю которых приходилось 41,2% всей производимой продукции. Вклад МСП во всех отраслях и сферах экономики в том же году составил 38,1% совокупного общественного продукта [115. С. 71, 72]. Обследование, проведенное Центром изучения малых и средних предприятий при Торговой палате Таиланда, выявило, что, несмотря на правительственную помощь, вклад этой категории предприятий в ВВП сократился с 2000 до 2005 г. с 39,5 до 37,8%. Роль крупных предприятий в национальном хозяйстве страны продолжала расти. Их вклад в ВВП за тот же период вырос с 40,2% до 41,4% [239, 03. 03. 2006]. В 2003 г. 31,8% МСП было в розничной торговле, в сфере услуг – 31,5%, а в обрабатывающей промышленности – 18,9%. В оптовой торговле малые и средние компании и фирмы составляли 5,5% от общего числа предприятий данной категории [115. С. 5–6]. Следует отметить, что около 12,3% заведений не имели четкой специализации и были отнесены к разряду предприятий комплексной деятельности. Большая часть предприятий (60,7%) оперировала в Бангкоке и прилегающих к нему районах. Неравномерность рас-

пределения МСП отражалась и в их концентрации в экономических центрах 72 провинций. На Севере в том же году было сосредоточено 37,5% МСП в трех наиболее развитых провинциях, тогда как на остальные 14 приходилось 62,3% заведений. На Северо-Востоке в двух провинциях было 19,4% МСП, а в остальных 16 – 80,6%. На Юге в двух провинциях работало 43,7% предприятий, а в 11 – 56,3%. В Центральном районе Таиланда на три провинции приходилось 35,4% заведений, а на 11 – 64,6%. На Востоке страны на три провинции приходилось 71,9% МСП, тогда как на менее развитые три провинции – лишь 28,1%.

Динамика роста современных крупных предприятий и других групп заведений была в 1999 – 2003 гг. (в текущих ценах) различной.

Таблица 5

Динамика роста групп предприятий, %

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
ВВП	4,4	4,8	2,1	5,4	6,7
Сельское хозяйство	2,3	7,2	3,5	3,0	6,8
Все другие секторы	4,7	4,5	2,0	5,7	6,7
Крупные предприятия	2,1	4,6	2,0	6,7	8,2
МСП, в том числе	4,6	4,3	1,7	4,5	5,5
средние	7,4	4,6	1,9	4,5	6,1
малые	2,1	4,1	1,6	4,5	5,0
Прочие предприятия	19,3	4,6	2,8	5,1	3,9

Источник: Office of the National Economic and Social Board. Bangkok, 2004. Compile by: Office of SMEs Promotion.

Принятые правительством меры уже через три года обеспечили к 2003 г. небывало высокие для сельского хозяйства темпы роста – 6,8%, что было даже несколько выше, чем общие показатели для всего национального хозяйства. Положительным фактором было и то, что самые высокие темпы роста были присущи крупным предприятиям (8,2%), затем следовали средние (6,1%) и малые (5,5%). Эти данные раскрывают динамику модернизации экономики Таиланда и его перехода к более высокой стадии промышленного развития.

Малые и средние предприятия характеризует растущая способность к инвестированию. В 2003 г. сертификаты на капиталовложе-

ние получили 675 МСП, т. е. на 17,8% больше, чем в предыдущем году, причем осуществление 191 проекта взяли на себя полностью местные МСП, а 236 проектов – иностранные фирмы. Число смешанных предприятий за год выросло на 27,2%. Благодаря такому взаимодействию МСП получили более широкий доступ к современной технологии и современному менеджменту. На 20,5% выросла занятость на МСП. Средняя капиталоемкость проекта в различных отраслях производства составляла 229 млн. бат, а число проектируемых рабочих мест – 63 [115. С. 108]. В целом же преобразование низших укладов привело к сокращению безработицы и способствовало включению малого и среднего предпринимательства в сферу крупного корпоративного производства, что ускорило процесс модернизации.

Уделяя значительное внимание развитию низших форм предпринимательства, правительство взяло курс на сокращение государственного сектора. В программу частичной или полной приватизации государственных предприятий, которая рассматривалась как реформирование национального хозяйства, были включены энергетическая компания «ЭГАТ», нефтяная компания «ПТТ», авиационная компания «Таи эйрвейз» и др.

Одновременно в русле программы преобразования и оздоровления общества было объявлено об усилении борьбы с коррупцией, наркотиками, проституцией. Незадолго до этого начались перемены в таиландской части пресловутого «золотого треугольника» (Таиланд – Лаос – Мьянма), являющегося крупным центром производства наркотиков. При участии королевы Таиланда был разработан комплекс мер по ликвидации маковых полей. В труднодоступном районе были созданы возможности для занятости местного населения не на маковых, а на новых чайных плантациях, небольших фабриках по производству бумаги, других предприятиях. Без опоры на авторитет королевы вряд ли правительство смогло бы добиться каких-либо результатов в борьбе с производством наркотиков в королевстве.

Экономисты Чилангкорнского университета, оценивая социально-экономическую партитуру, составленную и принятую к исполнению кабинетом Таксина Синаватра, полагали, что «ни одно демократическое правительство не осуществляло такую сложную программу, которая бы затрагивала интересы столь большого числа людей» [210, 2005. Т. 18. С. 21]. Социально-экономическую политику кабинета поддерживали и другие таиландские экономисты (профессор С. Ногусан, А. Симвалла и др.). Вместе с тем усиливалась и критика в адрес Таксина Синаватра за его методы

правления, порой перераставшие в авторитарные. Так, например, за первый срок пребывания на посту премьер-министра он сменил 10 кабинетов министров и произвел 59 назначений министров и их заместителей. Нарастала критика в его адрес в связи с начатым сооружением дорогостоящих мегапроектов. Упрекали Таксина Синаватра в крупномасштабной предпринимательской деятельности и в том, что он смешивает интересы «своего бизнеса с интересами нации». Недовольство нарастало в столичных оппозиционных кругах, в городских слоях среднего класса. В частности, протестовали в связи с отменой субсидий на горючее, возмущались предоставлением привилегий друзьям премьера. Служащие предприятий, подпадавших под закон от 2001 г. о приватизации, а именно нефтяной компании «ПТТ» и энергетической «ЭГАТ», после массовых акций протеста передали дело в Верховный административный суд, который отменил продажу части их акций на бангкокской бирже.

Поводом для массовых выступлений против премьер-министра в Бангкоке, а затем и ряде других городов стала продажа в январе 2006 г. 49% акций, принадлежавших его семье и семье Дамапонг, в компании «Син корпорэйшн» крупнейшей государственной холдинговой компании «Темасек холдинг оф Сингапур» за 73,3 млрд. бат. При заключении сделки были использованы в незадолго до этого принятом законе пробелы, которыми Таксин Синаватра воспользовался, чтобы не платить налог. Возмущение этим поступком возрастало, особенно в Бангкоке, по мере осознания последствий этой и ряда других сделок. Сингапурская холдинговая компания «Темасек», портфельные инвестиции которой превышают 103 млрд. синг. долл., обрела контроль над тайландской сотовой связью. Кроме того, у нее оказалась и большая часть пакета акций в тайландской авиакомпании «Эйр Эйша», которая специализировалась на перевозках авиапассажиров по низким ценам, а также акции телевизионной станции и телеканала, спутниковой компании «Син сателлит», высокоскоростного Интернета «С. С. Лохинфо». Как заметил преподаватель религиозного университета, «у тайландского народа был лишь единственный спутник, и он (Таксин Синаватра. – Л. П.) не имел права его продавать» [239, 22. 03. 2006]. Вспомнили также и то, что в сентябре 2004 г. администрация предоставила концессию на 30 лет за 1,3 млрд. бат компании «Ли Ка шинг Хатчисон порт холдингз» на эксплуатацию шести причалов в глубоководном морском порту Лаем Чабанг [239, 28. 02. 2006].

Стремясь уйти от нараставшей критики, Таксин Синаватра назначил досрочные выборы на 2 апреля 2005 г., на которых он собрал необходимое для избрания число голосов. Однако протесы оппози-

ционных сил продолжали нарастать. После многомесячного противостояния сторонников премьер-министра и его оппозиционеров Конституционный суд отменил результаты апрельских выборов. В сентябре 2006 г. во время пребывания Таксина Синаватра на заседании ООН военные объявили о введении чрезвычайного положения в стране и об отстранении Таксина Синаватра от власти. Таким образом, судьба реализации разработанных программ правительства будет решаться после формирования нового правительства.

Таиландский вариант инновационной экономики

В Таиланде правящие круги осознают, что стране необходима модернизация сложного комплекса систем и институтов государства для продвижения к инновационной экономике. Концепция построения новой экономики, или своего варианта «к-економу», и информационного общества набирала все больше сторонников и в Таиланде. Информационные и коммуникационные технологии развивались в рамках политики, определенной двумя генеральными планами развития информационной и коммуникационной технологии на 2002–2006 гг. и 2006–2010 гг. соответственно. Они увязывались с восьмым и девятым пятилетними планами социально-экономического развития. В частности, для реализации установок второго генерального плана ИКТ в девятом пятилетнем плане социально-экономического развития предусматривались затраты государства и частного сектора на научно-исследовательские работы в размере 0,4% ВВП (около 300 млн. бат) [194. С. 20, 35].

Детальная разработка второго генерального плана ИКТ (2006–2009) требовала сложных расчетов и сбора данных исходя из новых методологий. Национальный центр электроники и компьютерной технологии, Национальное агентство развития науки и технологии, Министерство информационной и коммуникационной технологии вели совместно сбор данных и анализировали развитие ИКТ в Таиланде. Исследовались состояние телекоммуникаций, Интернета, радиовещания, телевидения, электронной торговли, рынок технологий, обеспеченность квалифицированными кадрами, инвентаризация научно-исследовательских работ и патентов, использование информационной технологии в методах управления государством, состояние общей информационной базы.

Начиная с 1987 г. благодаря сотрудничеству Университета «Сонг-хла» с Мельбурнским университетом (Австралия) и содействию правительств обеих стран в Таиланде стал внедряться Интернет.

После создания в 1992 г. таиландского Центра национальной электроники и компьютерной технологии координационные функции в инновационной отрасли перешли к нему. В 1994 г. к Интернету были подключены все государственные университеты, а через год начали действовать и первые коммерческие провайдеры.

Широкое внедрение Интернета позволило Таиланду развивать электронную торговлю, которая становится важным фактором в повышении конкурентоспособности компаний в торговле и промышленности. В 2001 г. крупные компании, использовавшие Интернет, получили дополнительную прибыль в размере 1,5 трлн. бат (ВВП был равен 5 трлн. бат). Еще одним новшеством было появление в Таиланде такой формы государственного управления, как «электронное правительство». Его проект был разработан Министерством информационной и коммуникационной технологии совместно с Центром национальной электроники и компьютерной технологии исходя из следующих преимуществ данного новшества: снижение ошибок, быстрая реакция на события и немедленные ответы на вопросы, охват сельских районов, круглосуточная и ежедневная работа, равенство и транспарентность. Наиболее быстро электронные средства связи распространяются в государственном секторе. Например, в 2003 г. 99,6% государственных агентств имели свои веб-сайты [194. С. 30].

Нарастающему внедрению инновационной технологии сопутствуют кардинальные изменения в большинстве сфер хозяйственной и общественной жизни. В целях обеспечения и упорядочения данного процесса в Таиланде создана юридическая база, в которую вошли как часть прежних законов, так и новые. Это еще один пример начинаний в модернизации и упорядочении такой важной системы, как законодательная.

Вместе с тем сдерживающим фактором в развитии информационной и коммуникационной технологии остается нехватка квалифицированных работников и все еще недостаточный уровень их подготовки. В первой половине 90-х годов на цели подготовки специалистов Министерство образования получило большие средства и было выдвинуто в число немногих, ведающих сферами первоочередной важности.

Еще один комплекс мер касался подготовки и переподготовки квалифицированных кадров. Фонды, создававшиеся для финансирования подготовки кадров, освобождались от налогов, а сама компания не должна была платить налог на добавленную стоимость. До пятикратного размера сокращался налог на расходы фирмы и при подготовке ею квалифицированного персонала.

В первую очередь внимание уделялось формированию будущих работников электронной и нефтехимической промышленности, энергетики, биотехнологии, производства композитных материалов. Не оставалась в тени и другая сторона проблемы – как привлечь иностранные инвестиции к делу всесторонней научной и технологической модернизации страны. Для этого предусматривались различные способы поощрения – кредитование, налоговые льготы и т.п. Такие меры были необходимы, так как, по подсчетам Центра национальной электроники и компьютерной технологии, а также Таммасатского университета, в 2003 г. новейшим отраслям требовалось 107 тыс., а в 2006 г. 157 тыс. специалистов всех уровней. Таким количеством профессионалов, не говоря уже об их качественном уровне подготовки, страна пока не обладает [194. С. 25, 27].

Важным направлением объявлялось изыскание альтернативных возможностей развития энергетики, использование более дешевых источников электроэнергии, а также разработка стандартов экологии и контроля за их соблюдением.

Реальным подтверждением упрочения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Таиланда стал постепенно возобновлявшийся после финансового кризиса приток иностранных инвестиций, которые достигли в 2005 г. 6,62 млрд. долл. США. Однако их структура оставляла желать лучшего: портфельные инвестиции составляли 4,7 млрд. долл. а ПИИ лишь 2,7 млрд. Эти показатели все еще были меньше, чем в докризисном 1996 году, когда ПИИ составляли 19,5 млрд. долл. [239, 02.03.2006].

Предпринятые усилия стали давать первые положительные результаты. Международный банк и ПРООН рассматривают число полученных патентов как важный индикатор научного и технологического развития страны. В Отдел по работе с патентами и защите интеллектуальной собственности в 1980–2002 гг. поступили заявки на 3471 патент, среди авторов которых было лишь 70 ученых Таиланда. За тот же период был выдан 441 патент, в том числе лишь шести таиландцам, однако в последующие годы их число неуклонно возрастало [194. С. 36].

Землетрясения, цунами и наводнения 2004 г., затронувшие несколько стран региона, в том числе Таиланд, послужили толчком к открытию уже в мае 2005 г. в Нонтабури Центра раннего предупреждения стихийных бедствий, который связан аналогичными службами в Японии и на Гаваях. На сложное технологическое оборудование, способное контролировать любую ситуацию, было затрачено 60 млн. бат. Сотрудники Центра – специалисты в раз-

личных областях – от естественных наук до кризисного менеджмента – обрабатывают данные, поступающие от отечественных и зарубежных метеорологических служб и оповещают о грозящих бедствиях [239, 26. 06. 2005; 133. С. 35].

В Таиланде, как и в Сингапуре, своевременно осознали, что развитие нанобиотехнологии является прорывным направлением в переходе к экономике и обществу, основанным на науке и знаниях. Она вооружает научно-исследовательские работы дешевыми экспериментальными и диагностическими устройствами. Это дало возможность таиландским медикам и биохимикам создать на основе нанобиотехнологии первую в мире вакцину от лихорадки денге, которой предстоит еще пройти массовое испытание на людях в 2008 – 2010 гг. Создаются и развиваются перспективные направления научно-исследовательских работ в Национальном центре биотехнологий и геномной инженерии. Однако эти первые начинания еще не привели к кардинальным сдвигам. И это вполне объяснимо, так как между начальной стадией подхода к инновациям и получением конкретных результатов должно пройти немалое время.

За прошедшие десятилетия Таиланд прошел сложный путь от модернизации экономики на основе импортзамещающей и экспорториентированной моделей, преодолев при этом несколько энергетических и один, но очень тяжелый финансовый кризис. Стране удалось добиться в ходе широкомасштабной модернизации значительных структурных преобразований в совокупном хозяйственном комплексе и обществе и выйти на рубежи перехода от аграрно-индустриальной к своему варианту модели инновационного развития. Учитывая сложность трансформации и подключения к современным видам производства низших укладов, можно предположить, что переход к инновационному пути развития потребует еще длительного времени и будет весьма сложным не только для Таиланда, но и других стран Юго-Восточной Азии.

Глава IV

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИНДОНЕЗИИ

Становление системообразующих институтов

В Республике Индонезия мирное развитие началось в 1950 г. после завершения вооруженной антиколониальной борьбы. За истекшие десятилетия экономическая политика правительств менялась в зависимости от их стратегических приоритетов. Сначала строилась либеральная экономика (1950–1957), затем – направляемая экономика (1957–1965), наконец, экономическая демократия (1966–1998). В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен курс на реформирование.

Неизменной чертой экономической политики во все эти периоды, несмотря на различие установок, оставалась ориентация на статьи 28, 33, 37 и 38 Конституции 1945 года, в которых утверждался принцип семейственности (*kekeluargaan*), т. е. ориентации общества на общинно-родовые традиции, подчеркивалась важность кооперативной основы народного хозяйства и провозглашалась главенствующая роль государства в экономике. При всей многовариантности их трактовки различными деятелями страны эти статьи определяли функции государства в экономической системе.

Второй чертой хозяйственной политики было планирование, которое зародилось еще в первые годы независимости и постепенно становилось неотъемлемым условием функционирования национального хозяйства.

Третьим общим для всех периодов положением была тенденция если не к расширению государственного сектора, то, по крайней мере, сохранению его позиций, а также установлению прямого государственного управления во всей стране.

Не раз меняя экономический курс и модели развития, Индонезия апробировала различные методы управления экономикой. Длительное и неоднозначное по результатам формирование своего варианта капитализма продолжается и в настоящее время. Хотя, как правило, ни в различных концепциях развития, ни в официальных документах слово капитализм и не фигурирует.

На начальном этапе становления государственности республике предстояло изменить колониальную структуру хозяйства и общества. Провозвестник и первый президент Республики Индонезия доктор Сукарно и его соратники видели свою конечную цель в кардинальных преобразованиях колониальных структур и «стремились создать общество, где будут царить процветание и благосостояние, общество, в котором никто не будет нуждаться, – мирное, счастливое общество. Строительство его потребует... упорного тяжелого труда, отдачи всех сил до предела» [98. 321, 322].

Концепция национального хозяйства разрабатывалась немногочисленными в то время экономистами, к числу которых относился и вице-президент Индонезии Мохаммад Хатта. Он полагал, что индонезийская экономика должна была строиться на принципах коллективизма, по его представлениям, коренящегося в исторических традициях. Принципы семейственности (*kekeluargaan*), обычаи совместного труда и взаимопомощи (*gotong royong*) представлялись вполне приемлемыми для развития кооперации, которая, по мнению М. Хатта, «воспитывает у ее членов чувство ответственности и стремление к взаимодействию» [142. С. 125,129].

Несмотря на то что стране пришлось долгие годы воевать за независимость, все же во второй половине 40-х годов постепенно учреждались и крепились важнейшие атрибуты государства и функциональные институты, в том числе государственные банки. В 1950 г. правительство приступило к упорядочению и унификации денежной системы. После национализации голландского эмиссионного «Яваше банк» (*Javashe Bank*) он был преобразован в государственный центральный «Банк Индонезии», получивший функции эмиссионного центра. Это положило начало формированию национальной денежной и кредитно-банковской системы. Вторым шагом в создании функциональных институтов было формирование Центра управления производством и распределением электроэнергии. В 1953 г. правительство национализировало (с выплатой компенсации) большую часть крупных по тем временам электростанций и электросетей, принадлежавших иностранному капиталу. В том же году были национализированы оловянные рудники и запрещен доступ новых иностранных компаний в сферу внешней торгов-

ли. В 1954 г. выкуплены акции авиакомпания «Гаруда индонезиэн эйрвейз» у голландской компании КЛМ. Это положило начало упрочению позиций государства в важнейших отраслях и сферах экономики и формированию государственного сектора. Постепенно государство утверждалось в правах владения собственностью колониальной администрации и некоторых иностранных предприятий, брошенных их хозяевами во время Второй мировой войны. В 1953 г. был принят закон, который резервировал за государством определенные отрасли производства и инфраструктуры: железнодорожный транспорт, воздушные авиалинии, межконтинентальное судоходство, энергетику, системы ирригации и водоснабжения, оборонную промышленность и атомную энергетику [213, 26.11.1953].

В 1949 г. был принят План реконструкции страны, известный также как План Сумитро (по имени его автора Сумитро Джойохадикусумо). Предполагалось оказывать помощь индонезийцам, с тем чтобы они могли «занять законное место в торговле». Для того, чтобы принципы либеральной экономики (*laissez-faire*) начали действовать, правительству рекомендовалось предоставлять национальным импортерам лицензии и субсидии, защищать их торговыми соглашениями и создавать индонезийские торговые организации. На основе такого подхода была создана относительно небольшая группа индонезийских импортеров, известная как «группа бентенг» (оплот), состоявшая в основном из близких к правящим партиям и правительственным кругам лиц. Они получили исключительное право на импорт дефицитных товаров, операции с которыми были несложными и выгодными. Однако реальные позиции этих предпринимателей оставались слабыми, так как до 80% полученных привилегий перепродавалось местным китайским предпринимателям. В 1954 г. лишь четверть импорта проходила через национальные фирмы, а три четверти через иностранные, в основном голландские компании.

Концепция так называемой индустриализации, предложенная Сумитро, сводилась к созданию нескольких учреждений, занятых стандартизацией и улучшением качества продукции кустарного и ремесленного производства. Выполнение этого плана затянулось, а его результативность оставляла желать лучшего.

И все же на первом этапе постколониального развития Индонезии удалось добиться главного – заложить основы национальной экономики, обрести права собственности на часть средств производства, приступить к регулированию производства и, в меньшей степени, – распределения и перераспределения общественного продукта.

Лишь через десять лет после провозглашения независимости Сукарно счел возможным призвать страну к индустриализации. Выступая 17 августа 1955 г., президент констатировал, что аграрная структура экономики уже не может обеспечить удовлетворение жизненных потребностей. Наше государство должно изменить свой курс и осуществлять индустриализацию для увеличения производства. Индустриализация становится вопросом жизни и смерти индонезийского народа [98. С. 310]. Главной проблемой было изыскание источников финансирования, так как надеяться на внутренние ресурсы одной из беднейших стран мира не приходилось. Хотя доход на душу населения в Индонезии и возрос с 25 долл. США в 1945 до 32,2 долл. в 1956 г., но он был вдвое ниже, чем в Индии, и в 66 раз меньше, чем в США [92. С. 106].

Пятилетний план развития (1956–1960) был разработан Государственным бюро планирования. Общие ассигнования на всю пятилетку должны были составить 12,5 млрд. рупий, при этом за счет внешних заимствований Индонезия рассчитывала получить 1 млрд. рупий [47. С. 22]. Однако вспыхнувшие в 1956 г. сепаратистские мятежи на некоторых островах страны затруднили реализацию намеченного, и через два года осуществление плана фактически прекратилось. К этому времени успели проявиться многие негативные стороны курса либеральной экономики. Суммируя нежелательные последствия этой политики, Сукарно отмечал, что она привела к расцвету патернализма, местничества, регионализма, стимулировала проведение собственной территориальной политики на местах и рост этнократии. Он отмечал также, что «либеральная экономика – это одна из форм капитализма. Если мы хотим разрушить капитализм, то мы должны разрушить и либеральную экономику» [184. С. 7].

Правительству пришлось сосредоточить усилия на подавлении центробежных тенденций. Созванная в сентябре 1957 г. всеиндонезийская конференция, на которой обсуждались проблемы в отношениях между центром и провинциями, призвала к мирному решению назревших вопросов путем взаимных уступок. В 1956 г. был принят Закон № 32, который устанавливал величину отчислений от налогов, пошлин и акцизов в пользу провинций. Кроме того, рекомендовалось включать в состав государственных финансовых органов представителей провинций и укреплять связи с Национальным бюро планирования. Тем самым правительство стремилось способствовать переговорному процессу, который проходил с переменным успехом до 1960 г. Одновременно мятежи подавлялись и силой оружия.

То, что мятежников поддерживали иностранные государства, особенно Голландия и Соединенные Штаты Америки, повлияло на отношение правительства к иностранной собственности в Индонезии и побудило его к взятию ряда иностранных предприятий под контроль государства.

Ради «достижения справедливого и процветающего общества» Сукарно считал необходимым преобразование всех органов власти по горизонтали и вертикали для сплочения всех сил общества «в единую скоординированную структуру». Таким образом, был объявлен новый курс – «направляемой политики» и «направляемой экономики». «Экономическая жизнь нации будет направляться, экономика нации станет направляемой экономикой. При таком строе... все основные средства производства и распределения должны быть у государства или, по меньшей мере, управляться им» [цит. по: 92. С. 107]. Столь категоричные установки разделяла отнюдь не вся политическая и экономическая элита страны, и менее всего их поддерживала новая бюрократическая буржуазия, известная как кабиры (аббревиатура от *kapitals birokrat*).

Курсу «направляемой экономики» Сукарно стремился придать легитимность, опираясь на статьи 33, 37 и 38 Конституции 1945 года и утверждая его в парламенте и новых структурах – Временном народном консультативном совете (ВНКК), Национальном совете и Национальном плановом совете.

На основе «направляемой экономики» Сукарно считал возможным решить историческую проблему – разрушить основы, на которых существовали отношения, типичные между метрополией и колонией. К этому времени примерно две трети всего оперировавшего в Индонезии иностранного капитала, оценивавшегося в 1,2–1,5 млрд. долл. США, составлял голландский капитал [229 а. 19. 09. 1963]. В 1957–1958 гг. были взяты под контроль правительства, а затем национализированы (без выплаты компенсации) свыше 600 голландских предприятий, несколько банков и около 550 плантаций [231. 30. 11. 1964]. В 1959 г. были национализированы голландские торговые компании, известные как «большая десятка», которые контролировали 70% внешней торговли страны, а на их основе были созданы государственные торговые компании. Обнародованное в апреле 1959 г. импортное регулирование предусматривало проведение 75% импортных операций новыми государственными компаниями. В 1959–1960 гг. были ликвидированы голландские компании в области всех видов транспорта, энергетики, обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, банковского, страхового и издательского дела [71. С. 106–111].

Многие предприятия были оснащены устаревшим оборудованием, а основные активы компаний и банков голландским собственникам удалось вывезти из страны. Государство же не располагало необходимыми средствами и кадрами, чтобы наладить работу на национализированных объектах. К тому же многие предприятия, равно как и часть плантационных земель, попали в руки гражданской и военной бюрократии.

В 1963 г. Индонезия объявила «противостояние» новообразованному государству – Федерации Малайзии, которую Сукарно и его сторонники считали креатурой британского империализма. Правительство взяло под контроль английские, малайзийские, американские, а затем и бельгийские предприятия, находившиеся на территории Индонезии. В апреле 1965 г. постановление президента узаконило контроль над всеми иностранными предприятиями в Индонезии, хотя формально и подтверждало сохранение прав собственности за их владельцами.

В мае 1963 г. парламент Индонезии утвердил новый закон о юридических основаниях деятельности иностранных нефтяных компаний. Сохранившиеся с колониальных времен концессии уступили место рабочим договорам (*kontrak karya*), по которым иностранные компании считались лишь контракторами. Размеры добычи нефти должны были согласовываться с индонезийским правительством, а полученная прибыль (после уплаты налогов) распределялась на основе принципа долевого участия по формуле 60:40 в пользу индонезийской стороны. Тем самым Индонезия положила начало практике соглашений о разделе продукции, получившим позднее в мире известность как долевое участие (*production sharing*).

Историческое значение мер, примененных к иностранному капиталу и собственности бывшей метрополии, заключалось в изменении юридических основ отношений правительства Республики Индонезия с иностранными инвесторами и бывшей метрополией. Многие иностранные инвесторы разделяли мнение австралийского ученого Лэнса Каслза, который преждевременно счел, что «история западного предпринимательства в Индонезии, за исключением соглашений о долевом участии и, возможно, нефтяной промышленности, подошла к концу» [124. С. 13].

Однако наступательная политика позволила Индонезии в сжатые исторические сроки при крайне низком уровне накопления капитала создать материально-техническую базу государственного сектора и резко изменить соотношение между основными экономическими силами. Во внешней и оптовой торговле место голланд-

ских компаний стали занимать быстро растущие торговые компании этнических китайцев, у которых и в колониальное время в этой сфере были преимущественные позиции. В 1957 г. 34,7% ВВП Индонезии было получено от деятельности этнических китайцев в торговле.

В плантационном секторе на основе бывших иностранных хозяйств создавались крупные государственные плантации. В горнодобывающей промышленности от имени государства начали функционировать крупные нефтяные, оловодобывающие и угольные компании: Пертамина, Тимах, Анека тамбанг, Умбилин, Букит Асам и др.

Становление государственного сектора преимущественно за счет национализации (с компенсацией и без) имело и ряд негативных последствий, так как «взятие под контроль» иностранных предприятий практически парализовало работу современного (по меркам Индонезии) сектора, а также нарушило финансовые и внешнеторговые связи. Общим результатом этого и некоторых других мероприятий было ухудшение экономического положения в стране и нарастание инфляции.

В этой, отнюдь не благоприятной ситуации в августе 1959 г. Сукарно обнародовал «Политический манифест» (Mаnіроl), который был утвержден Временным народным консультативным конгрессом (ВНКК) как документ, определяющий основное направление государственной политики. «Манифест», наряду с Декретом президента от 5 июня 1959 г., а также постановлениями ВНКК № 1 и № 2 от ноября и декабря 1960 г., стал основой политического и экономического курса правительства. В этих документах была сформулирована идеология «направляемой демократии» и «направляемой экономики», а также определялось понятие индонезийского социализма (*sosialisme a` la Indonesia*).

Еще в июне 1945 г. на заседании Исследовательской комиссии по подготовке независимости Сукарно предложил пять принципов, названные им «панча сила»: национализм, интернационализм или гуманность, демократия или *musjawarah*, социальное благосостояние или социальная справедливость, вера во Всевышнего единого Бога или религиозность. Эти принципы стали государственной идеологией и были записаны в преамбуле Конституции 1945 года. Как отмечает политолог А. Ю. Другов, «Сукарно с присущей ему до поры интуицией понял, что индонезийское общество – поликультурное, полиэтничное, полирасовое, поликонфессиональное, полиправовое, политерриториальное невозможно втиснуть в более жесткие рамки. В принципе «панча сила» не содержит ни одной

идеи, которая была бы неприемлемой с точки зрения любого мировоззрения, любой конфессии, любой культуры. В этом, отмечает Другов, – широкие возможности, но здесь же опасность и уязвимость «панча сила». Эта идеология столь расплывчата, а ее толкование и претворение в жизнь почти полностью зависят от стоящей у власти элиты» [81 а. С. 37–38].

Конечной целью индонезийской революции Сукарно считал построение справедливого и процветающего общества, т. е. некой социальной системы, основанной на лучших традициях индонезийских общин. Говоря о негативных чертах этих, по сути, архаичных структур обобщенно, он называл их остатками феодализма. Он выдвинул свою концепцию – мархаэнизм, которая рассматривала общество как состоящее в основном из *мархаэнов* и *сарин* (распространенные в Индонезии имена), т. е. простых людей, страдающих от эксплуатации иностранного капитала (главным образом голландского).

С точки зрения формационного развития установка сторонников «направляемой демократии» и «направляемой экономики» на сохранение основных принципов общины и ее норм, регулирующих отношения в социуме, означала поддержку ушедшего этапа исторического развития. На новом этапе устойчивость традиционных структур поколебалась, они стали стремительно размываться и трансформироваться. Потенциал могущества самобытности ослабевал. В силу этого и других обстоятельств, провозглашенные принципы оказывались не столь действенными, как надеялись идеологи мархаэнизма.

«Политический манифест» определял цели индонезийской революции: построение единого, национального и демократического государства Республика Индонезия на территории от Сабанга до Мерауке; построение справедливого, материально процветающего духовного общества в единой Республике Индонезия. «Манифест» призывал далее к формированию социалистического общества, что многие в Индонезии встретили настороженно и даже враждебно. Было очевидно, что постановка вопроса о построении социализма преждевременна, а его создание нереально. Под влиянием представителей «поколения 1945 года» Сукарно скорректировал свое видение индонезийской социалистической модели. В определенной степени были учтены подходы индонезийского историка и политического деятеля М. Ямина, который выдвигал свою трактовку социализма «панча сила», М. Хатта, развивавшего идею кооперативного социализма, предложения других политических деятелей, настаивавших на формулировке «социализм по-индонезийски “а

la Indonesia»), в какой-то степени учитывалась и концепция так называемого исламского социализма.

Взвешенный и достаточно прагматичный подход ряда членов Национального совета, прежде всего Руслана Абдулгани, убедил Сукарно в невозможности решить задачу создания нового общества в краткий срок. В конечном счете в государственных документах была принята компромиссная формулировка, согласно которой справедливое и процветающее общество, или индонезийский социализм, можно создать лишь после осуществления нескольких восьмилетних планов, а возможно, и через несколько десятилетий. Сукарно рассматривал социализм как кооперацию, подчеркивая, что «мир социализма – это мир кооперации. Социалистическое общество – это кооперативное общество». И прежде чем удастся его построить, надо пройти долгий и зигзагообразный путь [186, 100–101; 184. С. 6]. При этом четкого представления о конкретной модели так и не сформировалось. На совещании Национального совета на вопрос, есть ли где-либо страна с «направляемой демократией» и «направляемой экономикой», Сукарно ответил отрицательно, так как, по его мнению, «нигде нет самобытности (*kepribadian*) Индонезии. Отдельные черты такой экономической системы есть в КНР и СССР. Но я решительно утверждаю, продолжал он, что я не намереваюсь копировать опыт Советского Союза, ибо мы, и я лично, исходим из идеологии «панча сила» [цит. по: 92. С. 120].

Трактовка понятия индонезийский социализм была расплывчатая. Его определяли по-разному: одни – как утопическое учение, другие – как научный социализм, третьи судили по реальному опыту претворения социалистических идей в жизнь, прежде всего в КНР и СССР. Согласие с концепциями «направляемой экономики» и социализма *à la Indonesia* для многих означало выражение личной приверженности Сукарно, что сулило им более широкое участие в политической и экономической активности.

«Направляемая экономика» требовала комплексного решения сложных задач: организации народного хозяйства на плановых началах, проведения аграрной реформы, концентрации экономического потенциала в государственном секторе, развития кооперации. Теоретически государству предстояло стать генератором экономического процесса, однако реально ему это было не под силу, равно как и всем основным структурам, на которые оно опиралось. Государственный бюджет Индонезии не превышал 8–10% ВВП и предполагалось, что его доходная часть на 80% должна пополняться за счет налогов, что при крайне слабой налоговой базе страны было неосуществимо.

На рубеже 50-х и 60-х годов была разработана концепция и составлен многотомный восьмилетний план всеобщего национального развития (1961 – 1969). Реализация плана должна была стать первым этапом длительного перехода к строительству социализма *a la Indonesia*.

В плане предусматривалось сооружение более 300 проектов, на что отводилось 250 млрд. рупий (5,3 млрд. долл.), что составляло в год около 13% ВВП [56. С. 40–41]. Предпринималась попытка распространения плановых начал на все сферы и отрасли индонезийской экономики при определенной увязке экономических и социальных задач. Прежде всего, внимание уделялось реализации программы «санданг-панган» (1961–1963), предусматривавшей обеспечение населения едой и одеждой.

Контроль государства за использованием валютных средств усилился, и была введена государственная монополия на иностранную валюту. За государством было закреплено право на распределение финансовых и материальных ресурсов, деятельности в важнейших отраслях производства, сфере обращения, включая кредитно-денежную систему, инфраструктуру, а также во внешней и крупной оптовой торговле. Распределение импортного сырья и дефицитных товаров на внутреннем рынке также регулировалось государственными компаниями и организациями. В разворачивавшемся строительстве национальному капиталу отводилась лишь второстепенная роль, но его участие все же поощрялось. Вялый процесс накопления капитала тормозился его оттоком из страны.

Отвергая возможность привлечения прямых иностранных инвестиций, Сукарно ориентировался на внешние кредиты. При этом он оценил те условия, на которых Советский Союз и другие социалистические государства предоставляли кредиты освободившимся от колониального ига странам. На основе двух Генеральных соглашений (1956 и 1963 гг.) СССР предоставил Индонезии кредиты на общую сумму свыше 350 млн. долл. США. Эти средства предназначались для строительства первых предприятий новых отраслей индонезийской промышленности: металлургической, нефтехимической, алюминиевой и энергетики, а также для прокладки дорог на Калимантане.

Обстановка в стране оставалась сложной из-за продолжавшихся мятежей, подавление которых требовало немалых средств. В начале 1958 г. силы повстанцев насчитывали, по оценке Сукарно, около 100 тыс. человек и располагали 30 тыс. единиц оружия. К 1961 г. их число удалось сократить до десяти тысяч. Кроме того, дорого обошлась и кампания за присоединение Западного Ириана к Индо-

незии (1961–1963). Таким образом, подытоживал Сукарно, примерно половину средств, которыми располагало правительство, оно тратило на устранение деструктивных явлений и лишь оставшаяся половина шла на строительство.

В мае 1963 г. правительство объявило о тяжелом экономическом положении и наличии неконтролируемой инфляции. Стало очевидно, что продолжать строительство в запланированном объеме невозможно.

В создавшихся условиях Президент принял решение об изменении экономической политики. Скорректированная программа стабилизации экономики основывалась на принципе опоры на собственные силы (*berdikari*). Однако правительство не раз «поворачивало руль» экономической политики: менялись не только принципиальные установки избранного курса, – но и издавались сотни различных постановлений, указов, декретов, нередко взаимоисключающих.

При попытке решения второй задачи преобразования общества – проведении аграрной реформы возникли еще большие трудности. В документе «Об основных направлениях развития», принятом ВНКК в 1960 г., утверждалось, что развитию производительных и созидательных сил в сельском хозяйстве, с которым связано почти 75% населения, мешают пережитки феодализма. Президент осторожно подходил к решению аграрной проблемы, осознавая опасность противоречий, которые таились в индонезийском обществе. В 1960 г. правительство издало Закон № 5 (Основной аграрный закон), а ВНКК его утвердил. Он закрепил за правительством право верховного владения и распоряжения землей. Хотя и с ограничением размеров земли, закон утверждал право частной собственности на землю для индонезийских граждан. Предусматривалась также возможность изъятия земель у частных владельцев с условием выплаты компенсации. Права иностранцев на землю жестко ограничивались, а все их прежние права отменялись. Представляя проект аграрного закона парламенту, Сукарно говорил, что «не следует думать, что аграрная реформа, которую мы собираемся проводить, «коммунистическая»...Мы считаем, что владение землей – это социальная функция. При этом права государства и общественных организаций выше права частной собственности» [69 а. С. 63–65; С. 186. С. 14, 20; 15].

Основной аграрный закон был дополнен Законом № 2 (Закон о разделе урожая). Он устанавливал норму арендной платы, которая не должна была превышать половину урожая. Ранее она составляла в среднем две трети собираемого урожая. Принцип, утверждавший,

что земля должна обрабатываться ее владельцем, установление максимума размеров землевладения, а также попытка ограничить практику абсентеизма в деревне встретили сначала глухое, а затем нараставшее открытое неприятие. Трудности реализации аграрной реформы со всей убедительностью показали подлинное соотношение сил в индонезийской деревне и прочность позиций реальных землевладельцев и землепользователей. В стране набирал силу процесс фактического передела земельного фонда. Реализация аграрной программы оказалась невозможной, попытки ее осуществления сопровождались учащавшимися столкновениями, ставшими прологом кровавой драмы, начавшейся в октябре 1965 года.

И все же аграрные законы начала 1960-х гг. сохраняют свою юридическую силу и в начале XXI века, особенно в тех аспектах, которые определяют права на землевладение и землепользование.

В мае 1963 г. была обнародована Национальная экономическая декларация (Deklarasi Ekonomi Nasional – DEKON). Новые установки существенно корректировали курс «направляемой экономики». ДЕКОН придавал экономической политике более гибкие формы. Предусматривалась децентрализация экономического управления и налаживание связей государственного и частного секторов при сохранении в руках государства основных рычагов управления экономикой. Однако реализация этих положений была медленной. Разрастание правительственных и военных структур свидетельствовало о нарастании трудностей в решении социально-экономических проблем. Ни новые установки ДЕКОНа, ни провозглашенный в 1965 г. принцип опоры на собственные силы, ни усиление роли военных в экономике на основе принципа двойной функции (*dwi fungsi*) армии не смогли приостановить стремительное ухудшение валютно-финансового и экономического положения страны.

За период с 1958 по 1965 г. общественный продукт вырос на 12,5%, но при этом темпы прироста населения оценивались в 2,5%, т. е. среднегодовые темпы прироста ВВП составили лишь 1,9%. В результате душевой доход за 8 лет снизился на 4,1% [53. С. 5]. В стране не хватало основных товаров. Недовольство населения вызывал и рост дороговизны. С 1953 по 1966 г. индекс цен на 15 основных потребительских товаров (1953=100) вырос со 152 в 1957 до 267 830 в 1966 г. Инфляция набирала силу, что было особенно опасно в условиях спада производства. Кабинет созидания (*kabinet karya*), выпуская новые денежные знаки, получал лишь кратковременный эффект, но следствием этого было дальнейшее обесценивание рупии.

Пик инфляционного процесса определился в 1965 г. Бумажно-денежная масса исчислялась в 2527 млрд. рупий. Темпы роста инфляции составили 250% в год. Индекс цен возрос по сравнению с 1964 г. в десять раз [212, 09. 08. 1965]. Было очевидно, что инфляционный процесс подошел к такому рубежу, за которым может последовать взрыв. Это вынуждало правительство предпринимать экстренные меры борьбы с инфляцией. Однако справиться со столь далеко зашедшим процессом было непросто. Известно, что в условиях гиперинфляции обесценивание денег и падение доверия к ним сопровождается падением доверия к правительству. Инфляция в Индонезии становилась грозным оружием оппозиционных сил.

Противники правительства усиленно насаждали в обществе мысль, что все бедствия страны проистекают в сущности не только от инфляции, но и от наличия внешнего долга. Он составлял в конце 1965 г. 2,4 млрд. долл. США, из которых на долю Советского Союза приходилось 990 млн. долл. Западным странам Индонезия была должна 587 млн. долл., в том числе Японии – 231 млн., Соединенным Штатам – 179 млн., МВФ – 102 млн. В 1966 г. реальная задолженность Индонезии (после пересчета) Советскому Союзу составляла 785 млн. долл., из них 523 млн. приходилось на военную помощь, оказанную Индонезии в борьбе за присоединение Западного Ириана (ныне Папуа). Таким образом, внешний долг, за который несли ответственность Сукарно и его кабинеты с 1945 по 1965 г., составил лишь 2,2 млрд. долл., в то время как внешний долг Сухарто и режима нового порядка с 1967 по 1997 г. составил 135 млрд., т. е. оказался почти в 60 раз больше [35. С. 5, 18–19].

Набиравшая силу оппозиция преследовала задачу отменить курс «направляемой политики» и «направляемой экономики» и сместить президента. Поборники формирования нового экономического курса как альтернативы «направляемой экономики» составили ядро новой администрации в первых кабинетах режима нового порядка (*orde baru*).

Экономическая политика режима «нового порядка»

После того, как в марте 1966 г. Сукарно передал президентские полномочия генералу Сухарто, последовала почти тотальная отмена всех начинаний первого президента республики, касающихся преобразования индонезийского общества. В марте же парламент утвер-

дил основы государственной политики, составной частью которой была «экономическая демократия». Она предлагала сочетать роль государства в жизненно важных областях с деятельностью частного хозяйственного сектора, а также не допускать создание групп монополистического типа. В марте 1968 г. на пятой сессии ВНКК в измененном составе отменил почти все свои прежние решения, утверждавшие «Основные направления государственной политики», которые отражали концепции Сукарно общественного переустройства. Были аннулированы Постановления ВНКК № 1 и № 11 от 1960 г., принятые в соответствии с «Политическим манифестом», Постановление № 4 от 1963 г., основанное на положениях речи Сукарно «Путь революции» (*Jarek*) и «Экономической декларации» [48. С. 11–14].

При всем кризисном состоянии экономики и бушевавшей инфляции все же для страны не прошла бесследно и созидательная деятельность правительства в предшествовавший период. Сформировался определенный экономический потенциал, были созданы пусть далеко не совершенные, но общегосударственные функциональные и системообразующие структуры, опираясь на которые можно было преодолевать создававшиеся трудности и продолжить поступательное развитие экономики.

Ответной реакцией мирового рынка на взятие под контроль иностранных предприятий и выход Индонезии из ведущих международных организаций было недопущение на мировые торговые биржи индонезийской сельскохозяйственной продукции (каучука, табака, пряностей), что повлекло за собой резкое сокращение доходов страны от экспорта. Деятельность новых государственных торговых компаний и банков оказалась парализована. В создавшихся условиях недвусмысленно выявилась необходимость скорейшего восстановления торгово-экономических и финансовых связей с мировым деловым сообществом.

Пойти на резкую переориентацию политического и экономического курса было рискованно для только что установленного «нового порядка»: в индонезийском обществе сохранилось негативное отношение к иностранному капиталу, равно как и не было доверия к международным экономическим и финансовым организациям. Кроме того, предоставление лидирующих позиций местному капиталу, преимущественно китайскому, могло встретить в стране и противодействие.

Первые правительства режима «нового порядка» стремились вернуться к тем основам социально-экономической жизни, которые были ослаблены или размыты кризисом. Главным было восстановить связи с иностранным капиталом, а также взаимоотношения

властных и предпринимательских структур. Стратегический курс на возобновление и укрепление экономических отношений Индонезии с западными странами строился в основном под влиянием США и Японии. Индонезия восстановила свое членство в ООН, МВФ, где она была с 1954 г., Международном банке реконструкции и развития, вступила в Азиатский банк развития, а позднее и в Международную организацию развития. В сентябре 1965 г. в Токио была создана Межправительственная группа по Индонезии (Inter Government Group for Indonesia – IGGI). В послании генерала Сухарто участникам токийской встречи говорилось о тяжелейшем экономическом положении страны. Внешний долг ее достиг 2355 тыс. долл. США, инфляция росла в отдельные месяцы 1966 г. со скоростью от 600 до 1000%, индекс цен на девять основных потребительских товаров вырос в Джакарте до 94 549 (1958 г.=100), а индекс денег в обращении – до 17 200 [166]. От нового правительства Индонезии участники встречи потребовали принять закон об иностранном капитале, упразднить правительственный контроль над иностранными предприятиями, а также вернуть национализированную иностранную собственность или же компенсировать ее стоимость.

В канун 1967 г. парламент принял Закон № 1 «Об иностранном капитале», который в январе 1997 г. подписал находившийся под домашним арестом, но сохранявший пост главы государства президент Сукарно. Новая политика по отношению к иностранному капиталу строилась на принципе «открытой экономики», который означал свободный допуск иностранного капитала в большую часть отраслей национального хозяйства. Исключение составляли: порты, производство и распределение электроэнергии, судоходство, телекоммуникации, авиационная промышленность, водоснабжение, железные дороги, атомная энергетика, средства массовой информации. Открывая зеленый свет перед иностранным капиталом, Индонезия рассчитывала решить свои краткосрочные и долгосрочные задачи: восстановить экономику в сжатые сроки, обеспечить ее интенсивное развитие посредством привлечения иностранных инвестиций, современной технологии и ноу-хау.

Новая команда экономистов в правительстве, которую возглавил профессор Виджойо Нитисастро, состояла в основном из выпускников разных лет Университета Индонезия, некоторые из них учились в американских университетах. К их числу относились: Виджойо Нитисастро, Сумарлин, Эмиль Салим, Франс Седа, Али Вардхана, Мохамад Садли, Суджатмоко и др. Они стояли у истоков формирования экономической политики «нового порядка» и пос-

ледовательно, на протяжении более 20 лет, претворяли ее в жизнь, занимая посты в правительстве, ведущих министерствах и учреждениях. При всей неоднозначной оценке деятельности этих людей, которых в Индонезии называли «мафией Беркли», а на Западе – относили к «экономическим националистам», они представляли единую команду, проводившую довольно последовательную политику на основе совместно вырабатываемой, несмотря на возможные различия подходов, концептуальной платформы. В старшем поколении индонезийских экономистов были приверженцы и иных взглядов (например, патриарх индонезийских аграрников профессор Мубиарто. Этой когорте удалось добиться впечатляющего результата: они смогли во многом реализовать «Программу стабилизации экономики и обуздания инфляции (1967–1969)» и тем самым обеспечить сравнительно быстрый выход из тяжелейшей инфляции и стабилизировать валютно-финансовое положение страны. Одновременно была создана законодательная основа, защищавшая иностранное предпринимательство, причем государственные гарантии подкреплялись двусторонними соглашениями об урегулировании вопросов собственности, а также обязательством индонезийского правительства впредь не национализировать (без компенсации) то, что принадлежит иностранному капиталу. Одним из первых документов такого рода было соглашение с США. Правительство Индонезии гарантировало американским частным инвесторам «освобождение от политического риска во всех случаях: национализации, необратимости валют, чрезвычайных обстоятельств, включая войны, революции и т.п.» [233 а, 1968, Т. 20. № 2. С. 68]. В 1970 г. был принят Закон № 11 «О прямых иностранных инвестициях», подписанный уже новым президентом – Сухарто, который предоставлял иностранному капиталу дополнительные льготы.

Провозглашенный режимом «нового порядка» так называемый курс экономической демократии при всей его популистской направленности не мог, однако, не учитывать насущных задач ситуации: следовало менять положение в специфических условиях экономики Индонезии, не отходя при этом от основных положений Конституции 1945 года.

Планы социально-экономического развития продолжали разрабатываться. Причем не только центральным плановым органом (Badan Perancangan Nasional – Bappenas), но и соответственно созданными плановыми органами в провинциях – (Badan Perancangan Daerah – Bappeda) и Бюро планирования (Biro Perancangan).

После того как удалось обуздать рост инфляции и стабилизировать экономику, был принят первый пятилетний план разви-

тия (1969/1970–1973/1974) (Rencana Pembangunan Lima Tahun – REPELITA I), ставший начальным этапом утвержденного позднее первого плана долгосрочного развития (1970–1994), по существу, стратегии социально-экономического развития Индонезии. Он предусматривал: достижение высоких темпов экономического роста, сокращение зависимости от внешних источников финансирования, управление внешним долгом, более равномерное размещение производительных сил, упрочение экономических связей и интеграционных процессов в национальном хозяйстве, сокращение бедности, самообеспечение страны основными видами продовольствия, развитие национального предпринимательства, улучшение экологии и др. Эти задачи должны были решаться согласно взаимосвязанным среднесрочным (пятилетним) и краткосрочным (годовым) планам.

Разрабатывая новую модель социально-экономического развития, индонезийские экономисты, социологи и политологи подходили к своей задаче во многом с тех же позиций, что и авторы прежних курсов. На преемственность основных положений экономического курса с прежними обращали внимание многие, в том числе индонезийский экономист и крупный предприниматель Сукамдани Сахид Гитосарджоно. Вместе с тем он отмечал, что при Сукарно, или при «старом режиме», проводилась политика более близкая народу, чем при Сухарто, т. е. при «новом режиме». Во многом это предопределялось неизменностью основополагающего документа Республики Индонезия, а именно Конституции 1945 г. Но главным фактором преемственности все же была специфика структуры национального хозяйства.

При разработке новых планов была учтена необходимость демографического регулирования, без чего решить поставленные задачи практически было невозможно. С начала 70-х годов проводилась политика планирования семьи. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1957 г., когда было создано Общество по планированию семьи. В 1968 г. был образован Национальный институт планирования семьи, позднее преобразованный в Национальный координационный комитет. Его программы проводились первоначально на наиболее плотно заселенных островах – Яве и Бали. Результаты оказались положительными, что способствовало расширению действия этих программ и на другие острова и провинции.

Согласно данным первой переписи в 1961 г. в Индонезии проживало 97,4 млн. человек. Темпы прироста населения в 1960–1970 гг. составляли 2,5%. В следующие десятилетия они последовательно

снижались и составили в 1980–1990 гг. – 2,0%, в 1990–2001 – 1,5, а в 2004 г. – 1,14%. Таким образом, благодаря демографической политике рост населения несколько уменьшился и в 2005 г. составил примерно 220 млн. [65. С. 313; 66].

Другой составной частью демографической политики была трансмиграция, которая смягчала проблему перенаселенности на островах Ява, Бали, Мадуро, Ломбок и частично на Суматре. На Яве, составляющей менее 7% территории страны, проживало три четверти всего населения. Однако, как показали многочисленные столкновения мигрантов с местным населением в Восточной Индонезии на рубеже XX и XXI веков, политика трансмиграции не учитывала интересы коренного населения заселяемых районов.

На начальном этапе реализации первого плана долгосрочного развития, а именно на протяжении трех пятилетних планов, первоочередное внимание уделялось аграрному сектору и обслуживающим его отраслям, модернизации и расширению инфраструктуры и формированию основы для последующего развития.

Реализация аграрных законов 60-х годов полностью прекратилась. Продовольственная проблема в основном решалась за счет увеличения площадей под рисом, согласно установке правительства: «продовольственная политика – это рисовая политика». В 1966–1991 гг. площади под этой культурой увеличились на 250%, урожай удвоился, а потребление риса на душу населения возросло на 80% [41. С. 72–74]. Во второй половине 80-х годов Индонезия на короткий период добилась самообеспечения этой важнейшей для населения продовольственной культурой.

Стремясь к интенсификации сельскохозяйственного производства и частично внедряя отдельные элементы «зеленой революции», правительство создавало новые институты: сельские кооперативы разного типа, через которые проводилось кредитование, передавались по дотируемым ценам удобрения, новейшие высокопродуктивные семена и саженцы. Кооператив в деревне (kooperasi unit desa – KUD) был своего рода гарантом при предоставлении кредита крестьянам из расчета 7% годовых с условием его выплаты после сбора урожая. К началу 90-х годов подобные кооперативы были созданы в каждой третьей деревне, и общее число их членов превысило 26 млн. [233, 07.06. 1989; 232, 1999. № 6. С. 3]. Тем не менее во многих случаях кооперативы не смогли содействовать адресному направлению предоставляемой помощи, так как часть средств оседала у различных посредников.

Кроме того, власти старались стимулировать переход мелких самообеспечивающихся хозяйств к товарному производству, спо-

способствовать внедрению в производство современных агротехнических методов, которые позволяли трансформировать традиционный комплекс крестьянского хозяйства. Но в то же время деревню, ее общинные начала, власти стремились сохранить. Деревня рассматривалась ими как своего рода социальный амортизатор при межсезонных миграционных потоках сельского населения в города (ибо иначе при отсутствии работы в городе им было бы некуда возвращаться), а также как источник дешевой рабочей силы для расширявшегося плантационного сектора. Проводились и меры, содействовавшие развитию инфраструктуры внутреннего рынка, нуждавшегося в современном обустройстве. При этом она мыслилась как часть инфраструктуры формирующегося индонезийского капиталистического рынка.

Масштабная диверсификация сельского хозяйства началась лишь на рубеже 80-х и 90-х годов. Большинство программ предполагали сочетание интенсивных и экстенсивных методов развития сельского хозяйства. В первой половине 90-х годов (при содействии Американского агентства международного развития) осуществлялась программа повышения эффективности крестьянских хозяйств, диверсификации их производства, либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией. В соответствии с ней велось и обучение крестьян новым методам ведения хозяйства, создавалась специфическая инфраструктура для направления продукции на мировой рынок.

После восстановления прав иностранных собственников на плантации приток инвестиций в этот сектор возобновился. В динамично развивавшемся плантационном хозяйстве сосуществовали иностранные, местные частные и государственные плантации. С начала 80-х годов вокруг новых плантационных хозяйств, преимущественно в Восточной Индонезии, стали разбиваться на основе правительственной схемы так называемые центральные народные плантации (*Perkebunan inti rakyat* – PIR). На основе правительственных схем крестьянам-переселенцам, а также местным жителям предоставлялись участки земли от 3 до 5 га, на которых они выращивали определенные культуры, а продукцию затем сдавали для переработки на центральной плантации. Таким образом, между крестьянским хозяйством и крупной плантацией, обладавшей современными перерабатывающими предприятиями и имевшей доступ к мировому рынку, устанавливались отношения господства – подчинения.

Благодаря новым методам использования потенциала мелких товарных хозяйств плантационный сектор мог наращивать свой

экспортный потенциал ускоренными темпами. Общая площадь плантационного хозяйства, вне зависимости от форм собственности, расширилась с 2,5 млн. га в 1970 до 10 млн. в 1990 г., а по отношению ко всем обрабатываемым площадям увеличилась с 12 до 36% [247, 09. 02. 1999].

Формирование крестьянских товарных хозяйств проходило медленно, так как многие из них по-прежнему зависели от ирригации или даже пользовались подсечно-переложным способом производства сельскохозяйственных, в том числе экспортных, культур. Этим архаичным формам землепользования противопоставлялся плантационный сектор с его динамичными методами современного агробизнеса. Силы были неравны, и крестьянское хозяйство оказывалось все более зависимым от крупного капитала. Вместе с тем наращивать темпы экономического роста можно было лишь при условии хотя бы некоторого подъема аграрного сектора.

Новая модель социально-экономического развития Индонезии формировалась постепенно, при этом ей была присуща почти одновременная ориентация на импортзамещение и экспортную ориентацию. Возможность такого совмещения предопределялась крупномасштабностью страны, а также разнородностью ее хозяйства.

Стремясь повысить уровень накопления, правительство исходило из посылки длительного сохранения низкого уровня потребления основной массы населения и неизменной структуры потребительского спроса, который рассматривался как не поддающийся регулированию со стороны государства. Все еще недостаточно высокий уровень накопления не мог обеспечить стартовый этап развития отраслей основной промышленности. С возвращением иностранных инвесторов стал возрождаться, но уже на иной основе, уклад иностранного предпринимательства, устанавливались его связи с государственным и частнохозяйственным секторами. В конечном счете решающей переменной в определении темпов экономического роста являются инвестиции. В 1974 г. был создан координационный совет, который утверждал заявки местных и иностранных предпринимателей на сооружение разных объектов. Постепенно расширялся доступ иностранного капитала в различные отрасли и сферы хозяйственной деятельности. Все шире практиковалась замена статуса иностранного предприятия на совместное с индонезийским партнером, или же на акционерную компанию, что вело к развитию рынка ценных бумаг.

Наряду с политикой, вырабатываемой индонезийскими экономистами, уже с начала 70-х годов Сухарто, обладая широкими полномочиями и специальным президентским фондом, стал про-

водить свой курс. Он был направлен на создание преимущественных условий для становления и развития бизнеса близких к нему лиц. Несколько позднее сформировалась негласная установка на стимулирование ускоренного роста конгломератов компаний, т. е. крупного капитала, который, как полагали советники президента, сможет обеспечить ускоренный экономический рост. Сначала различные привилегии получали лишь отдельные предприниматели, но с 80-х годов процесс формирования конгломератов компаний стал принимать деструктивный для национального хозяйства характер.

В третьей, четвертой и пятой пятилетках (т. е. с 1979 по 1993 гг.) создавались отдельные предприятия, которые, однако, формировали основу новых для Индонезии отраслей промышленности: металлургической, нефтехимической, машиностроительной, электротехнической и фармацевтической. Новым начинанием для страны было преимущественное развитие экспорториентированных предприятий, в том числе работающих на местном сырье. Конечной целью Первого долгосрочного плана развития (1970–1993) было образование аграрно-индустриального хозяйственного комплекса, использовавшего местное сырье, с высокими темпами роста общественного продукта. При этом структурное преобразование экономики имело цель не только увеличить удельный вес промышленности в ВВП и сократить долю аграрного сектора, но и трансформировать сами промышленные отрасли.

Важным начинанием, предпринятым правительством в третьем пятилетнем плане (1979/80–1983/84), было стимулирование развития экспорта и диверсификация экспортных отраслей, что должно было увеличить вывоз товаров (помимо нефти и газа) почти на 60%. Таким образом Индонезия пыталась ослабить чрезмерную зависимость от колебаний мировой конъюнктуры цен на нефть. Расширялось производство экспортной продукции (горизонтальная диверсификация), а также налаживалось производство новых видов товаров (вертикальная диверсификация). Создание предприятий, производящих продукцию на основе привозных полуфабрикатов и компонентов (диагональная диверсификация), и развитие оборонной промышленности переносилось на четвертый пятилетний план (1984/85–1988/89).

Индонезия обладала значительными минерально-сырьевыми, энергетическими и людскими ресурсами, предопределявшими более низкие издержки производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с мировыми. Курс на создание аграрно-промышленной экономики предусматривал наряду с развитием импорт-

замещения переход к более интенсивному развитию экспортного производства. Поступления от экспорта выросли с 854 млн. долл. США в 1969 до 11,5 млрд. в 1979 г., а его доля в ВВП увеличилась с 17 до 24% за тот же период. Три четверти поступлений от экспорта обеспечивал вывоз энергетического и минерального сырья, а остальное – две тысячи наименований продукции, в основном сельскохозяйственной.

Индонезия стремилась не только устранить чрезмерную зависимость от конъюнктуры цен на углеводородное топливо на мировом рынке, но и увязывать расширение и диверсификацию экспорта с развитием других отраслей. Такой курс индонезийских экономистов был альтернативой, в частности, предложенной японскими коллегами модели единого воспроизводственного процесса на основе всемерного расширения двусторонних экономических связей, базирующегося, с одной стороны, на индонезийских сырьевых, энергетических и (частично) на людских ресурсах, а с другой стороны, на производственных мощностях японской экономики, ее капитале, технологии и квалифицированных кадрах. Эта модель предлагала такую стратегию развития Индонезии, при которой размещение производительных сил и инфраструктуры должно было идти «с запада на восток».

Индонезия, по мере расширения индустриализации, постепенно переходила от производства товаров, замещающих импортные к развитию экспорториентированных отраслей. После мирового нефтяного кризиса индонезийские экономисты во второй половине 80-х годов пересмотрели экономический курс и приняли меры по развитию и диверсификации экспортных отраслей. При этом ужесточались протекционистские меры, прежде всего – контроль над импортом, квотирование, лицензирование и др. Важным рычагом регулирования импорта были тарифы, которые стали снижаться лишь во второй половине 80-х годов (в 1987–1992 гг. с 68% до 52%) [188. С. 50; 175. С. 50]. С начала 90-х годов тарифы вновь понижались, в частности к 1994 г. тарифы 126–120% для пищевкусовой промышленности были снижены до 22%. Высокие тарифные ставки (84%) оставались лишь для продукции инжиниринга.

Несмотря на определенный рост обрабатывающей промышленности, к середине 90-х годов стало очевидным отставание Индонезии от соседних стран в процессе индустриализации. Анализ соотношения вновь созданной стоимости в основных секторах экономики рассматриваемых в данной работе стран свидетельствует об увеличении между ними дистанции.

Таблица 6

**Добавленная стоимость в основных секторах экономики
(1980–1995 гг.)**

Страна	Добавленная стоимость (% от ВВП)					
	Сельское хозяйство		Обрабатывающая промышленность		Услуги	
	1980	1995	1980	1995	1980	1995
Индонезия	24	16	13	24	34	41
Малайзия	22	13	21	33	40	44
Сингапур	1	0	29	27	61	64
Таиланд	23	11	22	29	48	49

Источник: Bank Dunia (1997a); T. Tambunan. *Industrialisasi di Negara Sedang Berkembang. Kasus Indonesia.* Jakarta, 2001. С. 44.

Если в 1980 г. доля в ВВП вновь созданной стоимости в сельском хозяйстве была примерно одинаковой в Индонезии, Малайзии и Таиланде, то к 1995 г. в Индонезии она уменьшилась на 8%, Малайзии на 9, а в Таиланде на 12%. Удельный вес добавленной стоимости в промышленности за тот же период возрос в Индонезии на 11%, в Малайзии на 12, а в Таиланде на 7%. Еще большие различия между четырьмя странами прослеживаются в динамике сферы услуг.

Как и в других странах, многие предприятия в Индонезии создавались иностранными компаниями. Их привлекало наличие в стране емкого рынка и обилие дешевой рабочей силы. Но инвестиции направлялись преимущественно в пищевую промышленность, текстильную, а также в производство готовой одежды и обуви, которые шли на экспорт. Лишь с начала 90-х годов иностранные инвесторы стали проявлять интерес к созданию металлургических и нефтехимических предприятий и производству электротехнического оборудования.

Как правило, иностранные предприятия создавались в более развитых провинциях Индонезии и в крупных городах. По данным на 1997 г., на иностранных промышленных предприятиях в агломерации Джабатовек (Джакарта, Богор, Танггеранг, Бекаси) и в провинции Западная Ява было создано около половины рабочих мест, приходящихся на все предприятия с участием иностранного капитала, и на них создавалась половина добавленной стоимости.

В 1997 г. удельный вес затрат на сырье, вспомогательные материалы, промежуточную продукцию и компоненты в общих производственных расходах составлял на капиталоемких предприятиях

химической промышленности 45%, в машиностроении – 53, производстве транспортного оборудования – 56, а в электронной промышленности – 70%. На трудоинтенсивных предприятиях в текстильной и швейной промышленности данные затраты составляли 40–43%, в обувной промышленности 56% [175. С. 68]. Таким образом, для подавляющего большинства предприятий были характерны высокие затраты на импорт необходимых материалов, что сдерживало их рост. За четыре года до финансового кризиса темпы роста обрабатывающей промышленности снизились до 12%. Это дало основание индонезийскому экономисту Т. Тамбунану, автору монографии «Индустриализация в развивающихся странах», изданной в 2001 г., полагать, что одной из причин экономического кризиса 1997–1999 гг. была ошибочная стратегия индустриализации, принятая режимом «нового порядка», которая не опиралась на основу, обладавшую существенными преимуществами, – сельское хозяйство и горнодобывающую промышленность. В Индонезии, по его мнению, ориентация на подъем сельского хозяйства помогла бы решить продовольственную проблему, а значит, – сохранить социальную и политическую стабильность и повысить спрос на промышленные товары [188. С. 122].

Поскольку Индонезия встала на путь индустриализации гораздо позже соседних стран, она также позднее стала широко привлекать для финансирования своих программ внешние источники, что увеличивало ее отставание и в преобразовании структуры промышленности. К тому же неравномерность размещения производительных сил усиливала неравенство в доходах населения в различных районах страны.

Как показывают данные табл. 6, у рассматриваемых стран стартовые условия развития промышленности и ее диверсификации были не равны. В 1980 г. самая отсталая отраслевая структура наблюдалась в Таиланде, где пищевкусовые предприятия давали 55% всей продукции, а на производство машин и оборудования приходилось лишь 9%. Для Сингапура уже в 1980 г. эти показатели составляли 5 и 44%, и его преимущество в сравнении с соседями продолжало нарастать. За 15 лет, т. е. к 1994 г., в Индонезии удельный вес пищевкусовой промышленности уменьшился на 6%, а доля производства машин, оборудования, продукции химической промышленности выросла лишь на 1%. Индустриализация в Малайзии в те же 15 лет характеризовалась более высокой динамикой: доля в валовом внутреннем продукте пищевкусовой промышленности уменьшилась на 15%, текстильной – на 1%, а удельный вес машиностроения увеличился на 16%. На основании этих цифр, Т. Тамбунан пришел

Таблица 7

**Изменение структуры промышленности в странах ЮВА
1980–1994 гг.,%**

Страна	Отрасль									
	Пищевкусовая		Текстильная, швейная		Машиностроение		Химическая		Прочие отрасли	
	1980	1994	1980	1994	1980	1994	1980	1994	1980	1994
Индонезия	32	26	14	15	13	12	11	10	31	36
Малайзия	24	9	7	6	20	36	5	10	43	39
Сингапур	5	4	5	2	44	58	5	9	31	28
Таиланд	55	...	8	...	9	...	7	...	21	...

Источник: Bank Dunia (1997); Tulus T. H. Tambunan. *Industrialisasi di Negara Sedang Berkembang. Kasus Indonesia*. Jakarta, 2001. С. 33.

к выводу: «структура промышленности в Индонезии и в середине 90-х годов оставалась типичной для слаборазвитой страны» [188. С. 33]. Этот вывод подтверждался и подсчетами его коллеги Харью Асвичахионо, которые свидетельствовали о том, что в 1994–1995 гг. агропромышленные отрасли, т. е. производство сахара, сигарет, пальмового масла, переработка каучука, давали 60% всей продукции обрабатывающей промышленности Индонезии. Изменения в ее структуре сказались и в повышении доли трудоемких предприятий в выпущенной продукции с 16% в 1975 до 28% в 1994 г., тогда как рост предприятий с высоким уровнем технологического производства поднялся с 3 до 7%. Т. Тамбунан констатировал также, что в 1965–1995 гг. Индонезия отставала в процессе индустриализации от других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Хотя к 1995 г. ей удалось выйти на показатели Малайзии 1980 г., но от Индии, Китая, Южной Кореи и Таиланда она значительно отставала» [188. С. 43].

К этому времени Сингапур уже относили к индустриально развитым странам, а в Таиланде промышленность занимала ключевые позиции в экономике. Впечатляющий рывок вперед совершила Малайзия, которой удалось ускорить темпы развития своего промышленного производства на 4,3%, тогда как Индонезия лишь на 0,6%, т. е. по этому критерию Малайзия опережала Индонезию в семь раз. И хотя удельный вес промышленности в ВВП федерации перевесил долю аграрного сектора лишь в 1984 г., однако в после-

дующие годы именно обрабатывающие отрасли стали лидировать в формировании ВВП и обеспечивать динамику экономического роста. Индонезии же удалось добиться примерно таких же показателей лишь через десять–пятнадцать лет. Это объяснялось многими причинами, прежде всего, неудовлетворительным использованием основных факторов производства, отсталостью технологии, недостаточной по современным требованиям квалификацией рабочей силы, нехваткой фондов как в государственном секторе, так и в частном. Кроме того, в частном секторе почти не существовало научно-исследовательских институтов и центров, и он был слабо связан с государственными высшими учебными и научными заведениями.

В группе стран ЮВА, которые демонстрировали высокие темпы экономического роста, Индонезия замыкала строй. Однако по одному показателю, а именно по наращиванию инвестиций, Индонезия все же опережала Таиланд и Малайзию. Слабее оказались ее достижения в 1975–1988 гг. по части продуктивности ресурсов и общих факторов производства и производительности труда (см. табл. 8).

Таблица 8

Производительность труда в обрабатывающей промышленности, долл. США

Страна	Показатель	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.
Индонезия	Продукция на работника	11 880	12 574	14 458	20 472
	Добавленная стоимость	4509	4809	5567	8067
Малайзия	Продукция на работника	29 370	38 561	42 503	71 398
	Добавленная стоимость	8067	10 249	10 881	18 475
Сингапур	Продукция на работника	53 196	69 187	111 880	208 585
	Добавленная стоимость	13 929	19 147	33 826	65 058
Таиланд	Продукция на работника	15 683	15 122	40 425	58 577
	Добавленная стоимость	5675	5418	13 759	20 689

Источник: UNIDO (1997); T. Tambunan. *Industrialisasi di Negara Sedang Berkembang. Kasus Indonesia*. С. 66.

Различия в производительности труда занятых в обрабатывающей промышленности четырех стран наблюдались уже в 1980 г. За 15 лет в Индонезии стоимость продукции, вырабатываемой одним занятым за год, была в два с половиной раза меньше, чем в Малайзии, и в 4,3 раза меньше, чем в Сингапуре. Хотя в 1995 г., по абсолютным данным, в Индонезии добавленная стоимость на одного работника выросла почти вдвое, разрыв с Малайзией в этом отношении составил 2,3 раза, с Таиландом – 2,6, а с Сингапуром – 8 раз.

Структурная слабость обрабатывающей промышленности Индонезии определяют технологическая отсталость, относительная неразвитость внутреннего рынка, преимущественный вывоз лишь нескольких видов товаров (древесина, фанера, текстиль, готовая одежда, обувь), составлявших около половины всего ненефтегазового экспорта. Невыгодна для страны чрезмерная ориентация (примерно половина экспорта) внешнеэкономических связей на три страны – США, Японию и Сингапур.

Хотя с начала 90-х годов Индонезия стимулировала приток иностранных инвестиций в электротехническую и электронную промышленность, а также в другие отрасли, требующие высоких технологий, однако наиболее благоприятный период отдачи от этих отраслей уже миновал, и страна оказалась снова позади своих соседей. Такое отставание происходило отчасти и из-за инерции хозяйственного мышления, проявлявшейся в росте числа трудоемких предприятий с низким технологическим уровнем производства. Согласно обследованию ЮНИДО, таковые, т. е. текстильные, швейные, обувные, деревообрабатывающие, целлюлозно-бумажные предприятия в 1985 г. давали 38% всей добавленной стоимости в промышленности, а в 1997 – 47%. Доля предприятий со средним уровнем технологического процесса (переработка каучука, нефти, производство пластика, цемента) сократилась с 47 до 25%. Что касается высокотехнологичных предприятий (производство электроники, автомобилестроение, химическая промышленность), то их доля в новосозданной стоимости повысилась в тот же период с 15 до 28% [188. С. 78–79].

Проводя протекционистскую политику, правительство регулировало основные виды экономической деятельности. В промышленности и инфраструктуре ведущая роль отводилась государственным компаниям, в начале 90-х годов они создавали 30% ВВП, а без учета сельского хозяйства – все 40% [188. С. 52–65].

Наличие крупных государственных и совместных с частным иностранным капиталом предприятий, а также предприятий ТНК предопределяло концентрацию производства. Важный ее показа-

тель – доля четырех крупнейших предприятий в сбыте продукции составлял в половине промышленных отраслей 75% [188. С. 69]. Обрабатывающая промышленность, подпитываемая иностранными инвестициями и нефтедолларами, все же стала самой динамичной отраслью. В 1965–1991 гг. среднегодовые темпы ее роста составили 12,5%. За четверть века производство в этой отрасли увеличилось в девять раз [41. С. 78–80].

Вместе с тем, в отличие от Сингапура и Малайзии, в Индонезии почти не было правительственных программ и планов, направленных на совершенствование технологии производства и его модернизацию. Обновление производства, переход к более высокому уровню технологического процесса и улучшение менеджмента проводились в соответствии с планами ТНК и в меньшей степени индонезийских конгломератов компаний.

Однако в Индонезии все же предпринимались попытки основать высокотехнологичные отрасли. Пример тому – деятельность образованного в 1976 г. по инициативе будущего третьего президента Республики Индонезия Б. Ю. Хабиби Национального центра авиационной промышленности (Industri Pesawat Terbang Nasional – IPTANI). К середине 90-х годов в этом центре уже были национальные кадры, которые смогли приступить к производству первых в Индонезии вертолетов и самолетов по испанским и французским лицензиям. Некоторые компоненты самолетов даже производились в стране. Это означало, что индонезийские специалисты начали овладевать высокими технологиями. После ухода в 1999 г. Б. Ю. Хабиби с поста президента финансирование начинавшегося в Индонезии авиастроения прекратилось. В 2003–2005 гг. ИПТАНИ, в котором было сосредоточено до 10 тыс. профессиональных работников и специалистов, оказался под угрозой ликвидации.

Другой пример – Технологический центр развития при старейшем в Индонезии Бандунгском технологическом институте, который разрабатывает системы организации производственного процесса, применяемые на малых и средних предприятиях. Кроме того, более 50 промышленных зон и индустриальных парков, 42 из которых находятся на Яве, служат целям индустриализации и продвижению новых технологий.

Трансформация низших укладов

В глубоко традиционном и даже консервативном общественно-экономическом комплексе Индонезии имеется множество разно-

видностей низших форм капитала, не способные сами по себе к динамичному экономическому росту. Для вовлечения их в современные производственные отношения государство последовательно и более или менее успешно искало и находило новые методы внедрения среднего и малого предпринимательства в возникавшие отрасли и сферы производства. Производство потребительских товаров привлекало крупных предпринимателей наличием невысококвалифицированной, но обладавшей определенными трудовыми навыками рабочей силы, способной довольно эластично приспосабливаться к различным условиям, сохраняя свою главную привлекательность для предпринимателей – крайнюю дешевизну.

Обработывающая промышленность состояла главным образом из сотен тысяч малых и средних предприятий. По оценкам индонезийских экономистов, в 80-е годы возможности данной категории использовались лишь на 60%, при том, что эти предприятия создавали 15% всей стоимости продукции обрабатывающей промышленности, а доля их в ВВП составляла около 2% [245, 12.01.1989].

Согласно утвержденной в 1995 г. классификации к малым и средним относят такие предприятия, активы которых не превышают 200 млн. рупий или объем годовых продаж составляет не менее 1 млрд. Владельцем их может быть лишь гражданин Индонезии, ведущий самостоятельную деятельность по лицензии или без нее, причем заведение не должно быть частью крупного предприятия или филиалом. К средним предприятиям относят такие, активы которых не превышают 10 млрд. рупий.

В 2003 г. в Индонезии было 42,2 млн. зарегистрированных МСП, т. е. 99,9% всех предприятий [113 а. С.2]. В этой стране, в отличие от Малайзии и Таиланда, крестьянские хозяйства причислялись к малым и средним предприятиям. Статистика утверждает, что на первичный сектор экономики, т. е. сельское хозяйство, рыболовство и лесоразработки, приходится наибольшее число МСП, причем в аграрном секторе они достигают 60%. С 1998 по 2003 г. ежегодно число МСП выросло на 0,9%, и они обеспечивали работой 99,4% всех занятых. В то время как крупные предприятия (500 и более занятых) предоставляли лишь третью часть всех рабочих мест в промышленности, на них создавалось 83% добавленной стоимости [113 а].

С начала 70-х годов при содействии Центрального банка создавались компании, которые страховали и гарантировали кредиты собственникам средних и малых заведений. Кредиты были разного вида: мелкий инвестиционный кредит (КИК), кредит для пополнения оборотного капитала (КМПК) в размере до 5 млн. рупий

из расчета 12–15% годовых, кредит так называемый чандак-кулак и др. Проводился в жизнь принцип «дешевый кредит – дешевый труд». Однако, как показало обследование, в 1998 г. из 194,5 тыс. малых предприятий Индонезии от банков и финансовых институтов кредиты получили лишь 22,1 тыс., т. е. менее девятой части. Производственные кооперативы в том же году предоставили помощь разного рода лишь 47,8 тыс. предприятиям [167 а. С. 62–64].

С начала 80-х годов стало практиковаться своего рода «опекунство» крупных предприятий над малыми и средними: первые выступали как «приемные отцы», а вторые становились соответственно «приемными детьми». Такое опекунство сначала брали на себя лишь крупные государственные предприятия, но после того как Сухарто обратился к главам конгломератов компаний с просьбой взять на себя заботу о малом и среднем бизнесе, т. е. начать сотрудничать с ним, отдельные крупные промышленники взяли на себя соответствующую роль. В 1998 г. лишь 5,8% малых предприятий имели «приемных отцов» или покровителей [167 а. С. 52]. При их содействии мелким заведениям иногда удавалось частично модернизировать производство, приспособив его к нуждам крупного предприятия. Несоответствие в темпах капиталистического развития в высших и низших укладах, равно как и обслуживающих их функциональных систем, несколько сглаживалось. Складывались и промежуточные формы производственных отношений при неизменности форм собственности. Это позволяло «опекунам» изымать львиную долю новой стоимости, произведенной подопечными. Возникало парадоксальное явление, когда, несмотря на рост товарной продукции на опекаемых предприятиях, материальное положение их владельцев менялось незначительно. В системе опекунства нашли отражение черты патерналистского общества, позволявшие формирующимся монополиям подчинять себе малые и средние производства и, устанавливая гипертрофированные отношения «господства – подчинения», превращать эти предприятия в функционально зависимые подразделения и перераспределять в свою пользу часть их дохода.

Поощряя развитие связей между различными производственными единицами, правительство, как уже отмечалось, учитывало в своей политике возможности и окрепших и ставших современными государственных предприятий.

В 1989 г. был создан Центр содействия малому и среднему предпринимательству, призванный «помогать созданию здоровой, эффективной, стойкой, сильной и самостоятельной народной экономики. Предполагалось, что именно низшие формы предприни-

мательства способны абсорбировать избыточную рабочую силу и способствовать выравниванию экономического развития районов, справедливому распределению доходов и тем самым – сохранению социальной и политической стабильности. Государственным предприятиям вменялось в обязанность отчислять от своей чистой прибыли 1– 3% на цели помощи малому и среднему бизнесу и кооперации. Однако это постановление исполняли лишь некоторые государственные компании.

Самой результативной из всех оказалась деятельность принадлежащей государству компании «Пертамина», разработавшей для этого специальную программу помощи и создавшей необходимые управленческие структуры. Таким образом, в 1991–1998 гг. была оказана поддержка 1414 кооперативам и 4810 предприятиям во всех провинциях страны. С 1994 г., когда правительство стало проявлять особое внимание к развитию Восточной Индонезии, более половины средств направлялось в эту часть страны. Строились заправочные станции, хранилища нефтепродуктов и другие объекты, способствующие развитию инфраструктуры, заодно и укреплению самой компании. Помощь начиналась с предоставления предприятию первоначального капитала и оно регистрировалось как юридическое лицо. Предварительно оценивалась надежность заведения и составлялся бизнес-план его работы. В свою очередь, предприятие, вплоть до полной выплаты предоставленного ему кредита, было обязано ежеквартально отчитываться перед соответствующим подразделением «Пертамины». Подопечным предприятиям давались консультации относительно организации дела, менеджмента, оказывалось содействие в повышении квалификации работников и налаживании рыночных связей. Постоянная помощь наряду с контролем за деятельностью «подопечных» позволяла им расплачиваться по займам. В 1996 г. невозвращенные кредиты составили лишь 7% от всех предоставленных [223, 1998, № 7. С. 8].

В 1990 г. Сухарто предложил конгломератам компаний продать на льготных условиях 20% акций сотрудничавшим с ними кооперативам. В свою очередь правительство обязало и национальные банки выделять до 20% всех кредитов средним, малым предприятиям и кооперациям из расчета 7% годовых. Кроме того, государственным предприятиям снова вменялось в обязанность выделять уже 2–5% от чистой прибыли в помощь малым и средним предприятиям и строительства социально важных объектов [247, 10. 09. 1990]. Эти предложения вписывались в концепцию укрепления социальной базы «нового порядка» посредством кооперации и сотрудничества различных хозяйственных единиц. Однако

в большинстве случаев такого рода установки оставались лишь благими пожеланиями. Из владельцев конгломератов лишь единицы, демонстрируя свою преданность президенту, так или иначе откликнулись на его призывы, оговаривая при этом для себя дополнительные льготы. Несколько активнее была реакция государственных фирм: с 1989 по 1997 г. они затратили на эти цели 10,8 трлн. рупий, причем помощь оказывалась по 12 различным схемам 115 тыс. предприятий и 27 тыс. кооперативам [167 а, 1998. № 7. С. 1, 12]. Положительные начинания содержали и некоторые другие, не связанные с планом программы, в частности проект помощи развитию отдаленных и труднодоступных районов.

Политика, исходившая из постулатов «экономической демократии», не учитывала всего разнообразия потребностей традиционного комплекса, который реагирует по-своему на экономические перемены. Происходящее в стране разрушение системы традиционных отношений и старой социальной структуры деревни и города ускорялось, а новые структуры и типы хозяйствования, внедряемые как в земледелии, так и в малом и среднем промышленном производстве, требовали постоянной и все большей поддержки. Как отмечал Гинаджар Каргасасмита, возглавлявший Национальное плановое бюро, «многие концепции экономического развития оказались несостоятельными из-за отделения экономического развития от социального, а также из-за того, что не учитывались интересы и возможности районов и трудящихся» [233 а, 1996. № 4. С. 21]. По мнению министра, экономическому подъему страны мешает, прежде всего, отсутствие накоплений у крестьян, работающих на крошечных участках земли и не имеющих поэтому возможности обеспечивать высокую товарность хозяйства, а также отсутствие средств у мелких предпринимателей для модернизации своих заведений и повышения уровня жизни [233 а, 1995. № 12. С. 4].

Согласно обследованию, проведенному в 2001г. Богорским сельскохозяйственным институтом в 350 районах (кабупатенах), в 72% из них производство общественного продукта в основном зависело от сельского хозяйства. Поэтому, полагают сотрудники института, необходимо менять формы хозяйствования в аграрном секторе и начинать его поднимать через развитие агробизнеса [230. 2002. 17. 08. С. 91]. На это направлены и новые правительственные схемы субсидирования крестьян. Например, крестьяне получают заем в Народном крестьянском банке под 18%, из которых 8% вносит правительство, а 10% – крестьяне. Субсидии, по замыслу властей, будут стимулировать увеличение экспортной продукции, имеющей спрос на мировом рынке: пальмовое масло, какао-бобы, ка-

учук. Предполагается, что крестьяне в 2006 и 2007 гг. расширят на 80 тыс. га плантации масличной пальмы, которые составляли в 2005 г. 5,2 млн. га. Начавшийся бум посадок масличной пальмы в связи с перспективой увеличения производства на основе пальмового масла энвидизеля проявляется и в установлении контактов с малайзийскими производителями этой культуры. В 2006 г. ведущие мировые производители пальмового масла – Малайзия и Индонезия договорились, что до 40% этого ценного продукта будет выделяться для производства биодизельного топлива. Вполне возможно, что цены на пальмовое масло на мировом рынке будут повышаться.

Среди многих начинаний последующих правительств Абдулрахмана Вахида, Мегавати Сукарнопутри и Сусило Бамбанга Юджойно, направленных на трансформацию аграрного сектора, следует отметить весьма перспективное направление – развитие агробизнеса. При этом в ряде случаев возникали и плодотворные начинания снизу. Например, во время финансового кризиса было закрыто много предприятий, компаний, банков, что вызвало резкий рост безработицы, и многие вчерашние служащие и чиновники были вынуждены вернуться в деревню, куда они привносили новые начинания в хозяйственную деятельность. Например, «Группа независимых молодых фермеров» установила связи с компанией «Майкрософт» и с ее помощью в Джакарте был создан «Коммунальный центр подготовки и обучения», который оснащен сотнями компьютеров и Интернет-связью. Несколько подобных центров были образованы и на других островах. К 2006 г. в Индонезии было создано более 30 подобных центров на разных островах архипелага, в которых 4 тыс. молодых фермеров осваивали компьютеры, электронную торговлю, современные методы агрокультуры [230, 2006., № 8. С. 74].

Для ускорения перехода к современным методам фермерства для молодых и начинающих фермеров создаются новые типы кооперации, вырабатываются доступные схемы кредитования. Росту агробизнеса содействует и проникающая в индонезийскую деревню информационная технология, хотя пока и в незначительных масштабах. К 2006 г. в Индонезии из 220 млн. населения (в основном в городах) лишь 2,5% имели персональные компьютеры, а доступ к Интернету – 16%. При этом плата за пользование Интернетом в Индонезии была в 6–10 раз выше, чем в Сингапуре и Малайзии [248, 2006, 25. 06. № 17. С. 50].

Для такой огромной страны, как Индонезия, с ее широким разнообразием районов, зон, анклавов, которые отмечены специфиче-

ческими чертами и находятся на разных этапах переходного состояния, вряд ли пригодна единая стратегия хозяйствования и применима универсальная модель развития. Возможно, комплексная стратегия и макроэкономические модели, при их инвариациях на микроуровне, могли бы быть более результативны.

Внешние и внутренние условия благоприятствовали реализации четвертого и пятого пятилетних планов, что предопределило относительно успешное завершение Первого долгосрочного плана развития (1970–1993). Принятая в Основных направлениях государственной политики концепция «трилогии развития», провозглашавшая стабильность, экономический рост и равное распределение – способствовала достижению позитивных результатов. Среднегодовые темпы экономического роста составили за четверть века 6,8%: обрабатывающая промышленность росла в среднем на 12,4%, а сельское хозяйство – на 3,6% в год. Произошли существенные изменения в структуре ВВП. Удельный вес аграрного сектора сократился с 49,3% в 1969 до 17,4% в 1995 г., а доля обрабатывающей промышленности возросла с 9,2 до 24,3% [66. С. 543]. Поступления от нефти и газа увеличились с 568 млн. долл. США в 1968 г. до 27 млрд. Налоговые поступления, изначально составлявшие незначительным более 10%, достигли за тот же период 65%.

Существенные перемены произошли и в социальной сфере. За четверть века появилось 34 млн. новых рабочих мест, а число людей, чьи доходы не достигали прожиточного минимума, уменьшилось с 70% в 1959 до 11,3% в 1996 г. [41. С. 208; 222, 12. 07. 1999]. Ожидаемая продолжительность жизни возросла на 37%, а детская смертность сократилась на 60% [41. С. 20].

За этот период Индонезия прошла длительный и неоднозначный по своим результатам путь от основания трудоемких предприятий с низким технологическим уровнем, производивших продукцию в основном на внутренний рынок, к созданию пока не столь многочисленных капиталоемких и высокотехнологичных современных предприятий, продукция которых реализуется на мировом рынке.

Во Втором долгосрочном плане (1994/95–2020), который начался с реализации шестого пятилетнего плана (1994/95–1998/99), предполагалось уделять больше внимания созданию новых рабочих мест и преобразованию структуры промышленности. Несмотря на то что реализация этой программы, равно как и долгосрочного плана, т. е. стратегии социально-экономического развития, была свернута из-за финансового и структурного экономического кризиса, обустройство нескольких анклавов такого рода продолжалось.

Последствия финансового и структурного кризиса

В первой половине 80-х годов в правящих кругах Индонезии сформировалась группа так называемых радикальных либералов, куда входили министры, занимавшие ключевые экономические посты в «Третьем кабинете развития» (1979/80 – 1983/84): Джоханес Сумарлин, Аривибово, Андрианес Муи, Дживандоно и др. Возглавил группу председатель Национального планового совета Гинаджар Картасасмита. По их инициативе в университетских и научных кругах проходили дискуссии о необходимости либерализации экономического курса. Представив свои концепции макроэкономической политики, относящиеся к финансам, рыночные радикалы захватили инициативу в правительстве и начали претворять в жизнь свою программу. Приверженцы либеральной школы были убеждены, что экономический рост – первое условие для стабильности страны. Однако при всем осознании неизбежности реформирования национальной экономики либералы принимали конкретные меры с осторожностью.

Первого октября 1983 г. после окончания второго нефтяного бума был обнародован комплекс мер, известный как «пакет Сумарлина» (по имени министра финансов). Это были меры, направленные на постепенное дерегулирование и реформирование экономики, прежде всего финансового сектора в соответствии с положениями ГАТТ (ныне ВТО) и в меньшей степени – установками АСЕАН. Таким образом, постепенно реформировались торговый и инвестиционный режим, финансовый рынок и налоговая система. Финансисты соседних государств с интересом следили за этой политикой, а главное, за ее результатами, не торопясь делать аналогичные шаги.

В последующие годы дерегулирование и реформирование экономики продолжалось. В 1996 г. и 1997 г. было принято четыре комплекса мер, направленных на улучшение работы таможенной и налоговой служб, которые контролируют экспорт текстильной, обувной и электронной продукции. Другие меры были направлены на повышение конкурентоспособности индонезийских товаров на мировом рынке. В соответствии с соглашениями о создании АФТА снижались тарифы и адвалерные ставки на пальмовое масло и некоторые другие товары.

Политика дерегулирования и реформирования привела к бурному росту банков, их отделений, а также различных финансовых институтов. Центральный банк и министерство финансов утрачивали свой реальный контроль за разрастающейся кредитно-банковской

системой. В свою очередь, многие главы конгломератов компаний, примеру которых следовали и другие предприниматели, брали кредиты, преимущественно краткосрочные, которые оказывались самыми дорогими и тратились на непроизводительные цели. Во многом схожая опасная ситуация складывалась и в Таиланде.

Первые симптомы надвигавшегося азиатского финансового кризиса стали ощущаться в мае 1997 г. в Таиланде, Гонконге, Южной Корее. Началось понижение курса южнокорейского вона, стали падать и курсы тайландского бата, малайзийского ринггита и индонезийской рупии.

Причины, равно как и степень вовлеченности Таиланда, Индонезии, Малайзии и Сингапура в финансовый кризис 1997–1998 гг., были различны. Неодинаков был и подход правительств этих государств к его преодолению. Некоторые исследователи (Radelet, S. and Sachs J., Krugman P. и др.) полагали, что, в частности, кризис в Индонезии был вызван и внутренними и внешними причинами. К числу первых они относят: слабый контроль за банками, «капитализм приближенных», коррупцию, монополию, растущую задолженность частного сектора, а также дисбаланс в макроэкономике. Коррупция в стране угрожающе разрасталась, что дало основание гонконгской службе консультаций по оценке риска в марте 1997 г. охарактеризовать Индонезию как самую коррумпированную страну Азии. Итак, причин и предпосылок финансового, экономического, политического и, в конечном счете, структурного кризисов в Индонезии было более чем достаточно.

В первые недели кризиса Центральные банки Таиланда, Индонезии и Малайзии стали выбрасывать на рынок часть своих валютных запасов, тщетно пытаясь предотвратить или затормозить падение национальных валют, которое вызвало цепную реакцию банкротств финансовых институтов. Таиланд и Индонезия почти одновременно обратились за содействием к МВФ, который согласился предоставить этим государствам существенную финансовую помощь, если они выполнят рекомендации экспертов Фонда, изложенные в «Меморандуме о намерениях». Лишь после того как эти страны выполнят в срок взятые на себя обязательства, им предоставлялся очередной транш из пакета финансовой помощи (для Индонезии – 43 млрд. долл. США).

Первого ноября 1997 г. между МВФ и Индонезией было подписано соглашение об одобрении «Программы экономических и структурных реформ». Имелось в виду сократить государственные расходы и дефицит платежного баланса, упрочить финансовый сектор и предпринять его структурную перестройку, укрепить на-

циональную валюту. Слабые банки предлагалось объявить банкротами и, кроме того, понизить уровень базовой процентной ставки. Это было началом внутриэкономической политики, основанной на рекомендациях иностранных экспертов. В дальнейшем предлагались меры укрепления монетарного сектора за счет высокого уровня базовой процентной ставки. Тем самым предполагалось умерить деятельность спекулятивных элементов и стабилизировать курс рупии. Предложения экспертов не отличались разнообразием: либо фискальные, либо монетарные меры. Первые заключались в отмене субсидий на горячее и, будучи проведены в жизнь, привели к такому взрыву социальных волнений, что Сухарто, который дважды отказывался подписывать соответствующий «Меморандум о намерениях», в мае 1998 г., после почти 31 года управления государством, был вынужден уйти со своего поста.

Прежде чем предоставить Индонезии очередной транш пакета финансовой помощи, а именно 3 млрд. долл. США, представители МВФ заявили в октябре 1998 г. (президентом тогда был уже Б. Ю. Хабиби), что стране дается испытательный срок, который покажет, насколько она готова к реформам. На этот раз МВФ требовал определить точную сумму задолженности частного сектора, которая оценивалась в 74 млрд. долл. [227, 6–7. 04. 1998].

Первая забота правительства Б. Ю. Хабиби была уменьшить накал общественного недовольства в преддверии выборов. В правительстве преваляло мнение, что положение будет нормализовано, если установится относительно стабильный курс рупии и замедлится инфляция, а это удастся после поднятия процентной ставки. Другие экономисты (в частности, П. Кругман) полагали, что нормализация положения может начаться при высоком уровне инвестиций, которые следует поощрять, установив низкую процентную ставку. И это несмотря на пример США, где во время рецессии в 80-х годах (а также при кризисах в странах Латинской Америки в том же десятилетии) применялись высокие процентные ставки, что дало положительные результаты: США удалось подавить инфляцию, а Латинской Америке сдержать отток капитала. Эти примеры отнюдь не означали, что аналогичные меры в Индонезии принесут такие же плоды. Установление высокой процентной ставки здесь не помешало интенсивному оттоку капитала, вызванному комплексом политических и социальных причин. По оценке экономиста А. Харбера, разница между чистым притоком и оттоком международного капитала была в Индонезии рекордно высокой в мире. Хотя и правительство, и МВФ считали, что введение высокой процентной ставки лишь временное средство стабилизации

положения, эта мера все же осложняла рекапитализацию банковской системы. Мерой сомнительной целесообразности оказался и выпуск правительственных облигаций, не вызывавших у народа доверия. В этой ситуации помог второй вариант плана, предложенный известным японским финансистом Миядзавой: Япония брала на себя функции гаранта государственных облигаций, выпускаемых правительством охваченной кризисом Индонезии. На эти цели японское правительство выделило около 17 млрд. долл. США [233, 07. 06.1999].

Полуразрушенная банковская система не могла полностью обеспечить кредитование реального сектора. Спад производства, в том числе экспортного, доходивший в отдельных отраслях в 1998 г. до 40%, весьма ощутимо сказался на валютной выручке. Динамика нарастающего кризиса отражалась в стремительном падении темпов экономического роста: в 1996 г. они составляли 8,16%, в 1997 – 4,7%, а в 1998 – минус 13% [22. С. 3].

Для продолжения политики рекапитализации банков только в 1999 г. индонезийскому правительству требовалось 157 трлн. рупий. В бюджете на 1999/2000 финансовый год удалось выделить лишь 15 трлн., остальные средства правительство пыталось изыскать за счет выпуска облигаций.

Выполнить правительственную программу оздоровления банковского сектора, основанную на рекомендациях МВФ, оказалось весьма затяжным и трудным делом. В кредитно-финансовой системе сложилось тяжелое положение: 70 банков были закрыты, 12 – национализированы, 14 банкам пришлось пойти на слияние. Реструктуризация и рекапитализация всех этих финансовых учреждений потребовала от правительства огромных затрат. Только слияние четырех государственных банков и создание на их основе одного крупного государственного «Банка мандири» поглотило 61 трлн. рупий. Кредитно-финансовая система восстанавливалась медленно. Тем не менее в 2004 г. уже действовало 124 банка с 10 417 отделениями, в том числе 5 государственных с 1217 отделениями, 26 региональных, 74 частных национальных, 19 иностранных и совместных, а также 165 страховых и 199 лизинговых компаний. Самой разветвленной системой отделений (1593) располагал Банк народного кредитования, затем по этому показателю следовал Банк кредитования деревни – 5345 отделений [66. С. 399].

В Индонезии, как и в Малайзии, стали появляться банки, работающие по принципам шариата. В 1992 г. был издан закон № 7, который разрешал «дуальную систему», при которой наряду с обычными финансовыми институтами учреждались шариатские.

Развитие шариатской банковской системы получило новый импульс после появления Закона № 10 от 1998 г., который разрешал открывать шариатские отделения в обычных банках. Это помогло привлечь клиентов, поскольку в послекризисные годы таким банкам население доверяло больше, и они предоставляли кредиты на более выгодных условиях (8,5 – 9%), тогда как в обычных банках они составляли 11% и выше. В 2005 г. в Индонезии действовало 3 шариатских банка (*bank syariah*), а в 19 обычных банках существовали шариатские отделения. Кроме того, были открыты 17 новых шариатских банков, предоставлявших кредиты на еще более привлекательных условиях, и созданы 4 финансовых института, которые кредитуют предприятия, работающие по принципам шариата. Объемы финансовой деятельности этих банков быстро росли и в первом квартале 2006 г. превысили 21 трлн. рупий, в том числе операции трех крупных банков – 15,6 трлн. Кредиты по соотношению к сумме вкладов клиентов составляли 109%.

Вместе с тем, по мнению финансиста Адивармана Карима, в создающейся банковской системе появляются симптомы «перегрева». Другие специалисты полагают, что затруднения вызваны высокими ценами на нефть, тяжело сказывающимися на реальном секторе экономики. Шариатские банки стремятся при содействии центрального банка укреплять контроль над деятельностью финансовых институтов, а также повышать качество предоставляемых услуг [230. 2006, № 29. С. 72–73].

Однако качество обслуживания клиентов в основной банковской системе все еще оставляло желать лучшего. Долги банков в 2003 г. превышали 50 трлн. рупий, а их прежнюю задолженность, которую взяло на себя правительство, составляли 65 трлн. На восстановление банковской системы правительство затратило свыше 100 млрд. долл., или 80% ВВП. Это намного увеличило долг государства, который в совокупности (внутренний и внешний) составил в 2001 г. 142 млрд. долл., т. е. 95% ВВП, причем задолженность частного сектора достигла 130 млрд. В итоге общий долг Индонезии превысил 272 млрд. долл., а на его обслуживание ушло в 2001 г. 39 млрд., из которых 10 млрд. платило государство, а 29 млрд. – частный сектор.

Почти все отрасли промышленности оказались в тяжелом состоянии, а спад в отдельных отраслях в 1998 г. достигал 40%. Кризис привел к закрытию многих предприятий и увольнению персонала. Число безработных перевалило за 40 млн. По результатам выборочного обследования, проведенного Центральным статистическим бюро Индонезии в 10 тыс. хозяйств в конце 1998 г., из 207 млн.

индонезийцев к бедным относились 50 млн., т. е. более четверти населения страны.

Таким образом, лишь за несколько месяцев многие социально-экономические достижения оказались перечеркнутыми. Выявилося, что рыхлость структуры многоукладной экономики – объективное препятствие в реализации любой программы. Выход из структурного экономического кризиса требовал срочных и глубоких преобразований на всех уровнях.

Индонезийские экономисты подвергли критике и сочли неэффективными предложенные МВФ способы преодоления кризиса, а именно такой подход, когда в стремлении улучшить состояние макроэкономики не учитываются особенности ее структуры. В частности, не принимались во внимание слабые и сильные стороны «народной экономики», не учитывалось, к каким последствиям может привести отмена субсидий на рис, горючее, удобрения, между тем именно это решение правительства вызвало панику среди населения, парализовало хозяйство страны. Была признана непригодной и программа реструктуризации и рационализации банковской системы, исходившая из парадигмы рыночной экономики и глобализации. Осуществление этой программы не только потребовало огромных средств, но и привело к резкому росту безработицы. Намного увеличился не только внешний долг, о чем говорилось выше, но и внутренний. Только за два года кризиса внешний долг увеличился вдвое, а внутренний достиг 500 трлн. рупий (около 70 млрд. долл.), тогда как ВВП сократился до 170 млрд. долл. [175. С. 258].

Правительство Мегавати Сукарнопутри, не отказываясь в принципе от сотрудничества с МВФ, пыталось ослабить его воздействие на экономическую и финансовую политику страны. Индонезийские финансисты и экономисты составили 10 программ для преодоления кризиса в разных областях экономики и потребовали включить эти проекты в текст очередного «Меморандума о намерениях».

В 1999 г. появились явные симптомы сдвигов к лучшему: обменный курс рупии понизился с 15 тыс. до 8 тыс. за один доллар США, упали цены на импортные товары, замедлился рост инфляции, понизился уровень процентной ставки, улучшилось положение дел с ликвидными средствами, дефицит бюджета сократился с 8,5 до 6%, исправилось состояние платежного баланса. В 2000 г. экспорт возрос на 27%, однако в следующем году поступления от экспорта нефти и газа дали выручку на 8,53% ниже прежнего [233 а, 2003. Т. 5. № 3. С. 23]. В 2002–2003 гг. тенденцию роста экспорта все же удалось восстановить. Величина поступлений от экспорта колеба-

лась в силу внешних и внутренних причин. Однако конъюнктура мирового рынка на углеводородное сырье и некоторые традиционные для Индонезии экспортные товары была благоприятной, торговый баланс имел положительное сальдо. И все же окончательно, вернее почти окончательно, выйти из финансового и структурного кризиса Индонезия смогла лишь в 2003–2004 гг.

Одной из труднейших проблем оставалось не только преодоление последствий кризиса, но и огромного разрыва в показателях между так называемой старой и новой экономикой, т. е. применительно к условиям Индонезии, между комплексом традиционных, полутрадиционных, отсталых форм хозяйствования и нарождающимися современными структурами, особенно характерными для «k-ekonomi» – «экономики знаний».

«Эра реформирования»

После того как в мае 1998 г. в условиях свирепствовавшего финансового и структурного кризиса, дополненного кризисом политическим, Сухарто пришлось уйти с поста президента, необходимость изменения экономической политики предстала со всей очевидностью. Вице-президент Б. Ю. Хабиби, занявший, согласно Конституции, пост главы государства, провозгласил «эру реформирования». Однако предпринять какие-либо существенные преобразования в сфере экономики, когда на 53% территории страны происходили межрелигиозные, межобщинные и межэтнические столкновения и продолжалось повстанческое движение в провинции Ачех Нанггру Даруссалам и усиливалось на Папуа, было сложно.

По мнению экономического обозревателя газеты «Компас» Субура Чахьоно, политический кризис в Индонезии возник независимо от экономического и развивался параллельно с ним. И поскольку возникли два системных кризиса – экономический и политический, это затронуло всю внутреннюю жизнь страны, включая ее правовую систему, структуры обороны и безопасности, а также социальные и культурные учреждения. Насущная необходимость пересмотра не только принципов «панча сила», но и формы государственного устройства становилась все очевиднее. В обществе нарастала напряженность, нарушались социальные связи, усиливался кризис руководства. Первоочередной задачей стало сохранение единства и целостности государства.

В ходе широкой полемики, развернувшейся в политических кругах и обществе, подвергалось критике чрезмерное увлечение

экономическим ростом и стремление к преимущественному развитию крупного капитала, что привело к появлению (перед кризисом) более 200 конгломератов компаний. Однако отношение к крупному капиталу и конгломератам было далеко не однозначным. Одни считали, что необходимо восстановить их лидирующее положение в экономике, другие выступали за ослабление монополистических тенденций, третьи ратовали за устранение коррупции, кумовства и nepotizma (Korupsi, Kolusi, Nepotisme – KKN). Крах многих конгломератов компаний, обязанных своим расцветом особым привилегиям, которые получили их главы благодаря близости к президенту Сухарто и его окружению, т. е. к «дворцу Чендана», со всей очевидностью доказал, что ставка на ускоренное образование крупного капитала любыми методами ради быстрого экономического развития Индонезии не принесла успеха. Как правило, конгломераты росли, используя привилегии, различные махинации, влезая в долги, пренебрегая оценкой риска, расчетом рентабельности. В результате этого, а также вследствие широкого распространения действия КKN в стране возникали и развивались всякого рода квазикапиталистические формы предпринимательства. Проводимые режимом «нового порядка» реформы были половинчатыми, малоэффективными, а создаваемые структуры, как показал кризис, неустойчивыми.

На рубеже XX и XXI веков старшее поколение индонезийских экономистов, которые придерживались либеральных принципов хозяйствования, практически ушло из руководящих учреждений. Однако среди экономистов, не представленных в государственных органах, были также приверженцы иных взглядов, и некоторые из этих людей после падения режима Сухарто получили доступ к формированию (или обсуждению) новой парадигмы развития и новых структур. К этой группе можно отнести профессора Ризаля Рамли, автора основательной работы «Либерализм и либеральная политика», Христианто Вибисоно, Хади Суастро, Гуавана Мухамада, Якоба Утама, Поно Анвара Макарима, Квик Киан Ги, Шахира, Сри Мульяни, Анггито Абиманью и др. Однако это не была ни единая команда либо корпоративное сообщество выпускников одной alma mater, сплоченных общей теоретической платформой. На многочисленных собраниях в 1998–2006 гг., которые проводились по инициативе ведущих университетов, Академии наук Индонезии, Союза индонезийских экономистов, шли острые дискуссии о том, как выработать политику, которая привела бы к выходу из кризиса, как подойти к формированию новой модели общества и стратегии социально-экономического развития. Главными пунктами расхожде-

ния различных групп были их отношение к рыночной экономике, планированию, в том числе к «централизованному планированию». Последний принцип отвергало большинство выпускников Университета Индонезия, в отличие от своих коллег старшего поколения. К тому времени многие функции Национального планового совета (Баппенас) были переданы Комиссии по делам национальной экономики, которая утверждала финансируемые из центра проекты. Часть экономистов относилась к сторонникам теории роста, другие признавали примат принципа перераспределения. Эти две группы, однако, сходились на признании компромиссной концепции «рост через распределение». Споры велись и относительно определения ведущего сектора в экономике. Многие считали, что сельское хозяйство утратило лидирующие позиции не только на Яве, но и вообще в экономике. Все же признавалось, что в других провинциях, особенно в Восточной Индонезии, сельское хозяйство остается ведущей отраслью. Экономисты и социологи, считавшие низшие уклады и аграрный сектор основой хозяйства, поскольку этот сектор и уклады обеспечивают занятость большинства населения страны, а также остаются хранителями социокультурного наследия, разработали новую модель, которая получила название «народная экономика» (*perekonomian kerakyatan*), другой вариант ее названия – «общественная экономика» (*perekonomian masyarakat*).

Еще в 1981 г. профессор Мубиарто полагал, что «хотя экономика Индонезии внешне представляется вполне здоровой, однако она поражена раковым заболеванием, от которого нет лекарств». Оппоненты упрекали его в отсталости взглядов, феодальных амбициях, чрезмерном увлечении проблемами перераспределения в ущерб экономическому росту, но он последовательно развивал свои взгляды и «всегда говорил о неприемлемости капиталистической модели для Индонезии». Капиталистическая система, считал он, поведет страну по неверному пути: «У нас должна быть экономика “панча сила” или народная экономическая система. В ее создании должны принимать участие не только государство, но и все слои общества, включая низшие» [246, 13.01.2002; Mubyarto. С. 299]. На близких к нему позициях был и ведущий аграрник Индонезии профессор Богорского сельскохозяйственного института и министр сельского хозяйства Бунгаран Сарагих. Он рассматривал аграрный сектор как сельскохозяйственный бизнес, который во многих районах стал основой экономики: он использует местные ресурсы и ориентирован на экспорт. Б. Сарагих выражал убеждение, что следует сократить резкую неравномерность в распределении общественного продукта, устранить чрезмерную концентрацию экономического

могущества у небольшой группы людей, а также принимать меры к развитию «общественной экономики и повышению ее эффективности и продуктивности» [212, 167, 01. 02. 1999].

Концепция «народной экономики» ректора Университета Триракти проф. Т. Мутиса предлагала ориентироваться на пять целей: обеспечить как можно больше рабочих мест, т. е. «великую занятость»; стимулировать предпринимательство, способное к самостоятельному развитию и помогающее выравниванию экономического развития; обеспечить повсеместное эффективное развитие; использовать местные возможности и ресурсы; установить справедливые цены. Таким образом, полагал он, удастся заложить основу системы «народной экономики». При этом вся хозяйственная деятельность и политика в этой области должны строиться на принципе равного отношения к производителю и потребителю товара. По мнению Т. Мутиса, общество рассматривает индонезийскую модель «народной экономики» как близкую к американской модели, основанной на идее независимого предпринимательства, за которое ратовал Мартин Лютер Кинг.

Самым рьяным сторонником «народной экономики» и одним из разработчиков ее принципов стал Ади Сасоно, видный экономист, занимавший в правительстве Б. Ю. Хабиби пост министра по делам кооперации. Оценивая постановление правительства № 16 «О переходе к созданию “народной экономики”», он называл этот документ «исторической корректировкой несбалансированности экономического развития, при которой один процент населения получал возможность обладать 60% национального достояния» [247, 19. 01.1998]. Взгляды А. Сасоно во многом разделял экономист Файсал Басри (Университет Индонезия), который считал крайней несправедливостью то, что 220 конгломератов компаний владеют 70% национального хозяйства, то время как на 38 млн. экономических единиц приходились остальные 30%. К тому же конгломераты не сумели заложить устойчивую основу экономики, что и подтвердило их массовое банкротство во время кризиса. Напротив, отмечал он, малые и средние предприятия в большинстве своем проявили устойчивость. В тяжелейший кризисный 1998 г. 64% из них удалось удержать свое дело на прежнем уровне, 31,1% – пришлось его свернуть, а 0,9% – даже расширили свое дело [233 а, 1998. № 7. С. 9].

В первую очередь, полагал С. Чахьоно, следует выработать политику стабилизации макроэкономики. Последняя подлежит реформированию и ликвидации свойственных ей резких диспропорций, а также избавлению от олигополий и чрезмерного монополизма. Сделать эффективной «народную экономику» нельзя, если

не восстановить и не активизировать различные объединения и общества, а также не обеспечить инфраструктуру рынка.

К сторонникам изменения модели развития страны примыкал и экономический обозреватель Дидин Дамахури. По его мнению, надо отказаться от практики преимущественного поощрения деятельности крупного капитала ради продвижения к обществу высокоразвитой экономики. Необходимо стимулировать рост среднего класса, открывая возможности для расширения низших форм предпринимательства, тем самым, по примеру Японии, сохранять социокультурные ценности индонезийского народа.

По Д. Дамахури, в ближайшие два десятилетия можно повысить долю «народной экономики», которая в середине 90-х годов составляла 25%, до 50–75%. Таким образом, считал он, будет легче защитить культуру и самобытность Индонезии в катастрофически быстро наступающую эпоху глобализма.

Глава Центра исследования аграрной политики доктор Диллон считал невозможным создать «народную экономику» на основе рыночного механизма. Следовательно, необходимо реформировать всю бюрократическую систему, которая долгое время действовала исходя из принципов рыночной экономики. Ключевое условие для построения «народной экономики» – подъем производительности труда, а значит, повышение квалификации рабочей силы [233, 23. 12. 1998].

Совместные усилия многих индонезийских экономистов и политиков, поддержанных президентом Б. Ю. Хабиби, привели к выходу в тяжелейший для экономики страны 1998 г. постановления правительства № 16 о переходе страны к построению «народной экономики».

Тем не менее, ряды сторонников «народной экономики» постепенно редели – по мере того, как выявлялась ее низкая эффективность и высокая затратность.

Ярые оппоненты Б. Ю. Хабиби и А. Сасоно обвиняли их в средствах массовой информации в популизме, стремлении использовать популярные в народе подходы к развитию хозяйств для укрепления собственных политических позиций. Существенных изменений в экономической политике не последовало. Исключение составляло выделение в бюджете на 1999/2000 г. 5165 млрд. рупий для финансирования программы «Обучение и защита народа». (Начиная с 2000 г. финансовый год был приравнен к календарному). Однако сроки действия этой программы не указывались, а о системе подготовки квалифицированной рабочей силы ничего не говорилось. Ади Сасоно успел лишь добиться выделения в бюджете 10,5 трлн. рупий для оказания помощи кооперативам. В состав следующего кабинета

он не вошел, а следовательно, утратил возможность оказывать прямое воздействие на экономическую политику.

После всеобщих выборов в октябре 1999 г., которые расценивались многими внешними обозревателями как «индонезийский эксперимент демократии», в результате компромиссного соглашения ведущих политических партий четвертым президентом стал Абдурахман Вахид, а вице-президентом – Мегавати Сукарнопутри.

В конце того же года был создан Совет по делам экономики, который возглавил Эмиль Салим, известный тем, что при режиме «нового порядка» он один из первых осмелился выступить с концепцией преодоления бедности и несправедливости. По своим функциям Совет примерно соответствовал Комитету экономических советников президента в США, но по составу был более разнородным и намного менее эффективным. Свои усилия Совет направлял на преодоление кризиса и достижение макроэкономической стабильности. Некоторые робкие начинания в русле концепции «народной экономики» и принятого предшествующим кабинетом постановления об ее создании были приостановлены.

Нараставшие центробежные тенденции ставили под угрозу целостность государства. Поэтому наряду с продолжением политики стабилизации экономики особое внимание уделялось децентрализации управления.

В 1999 г. были приняты законы № 22 и № 25, положившие начало изменению административной системы в Индонезии. Вместо положений Закона № 5 от 1974 г. «Об управлении районами», нацеленных на укрепление центральной власти, появились установки, предусматривавшие децентрализацию административных функций.

При определении статуса провинций, а также административных подразделений второго уровня – района (кабупатена) и города принимались во внимание величина территории, численность населения, обеспеченность ресурсами, состояние экономики и социально-культурных условий. По новой процедуре административной единице предоставлялся искомый статус после обсуждения вопроса в парламенте и утверждения постановления парламента президентом. В результате в 2004 г. в Индонезии было 33 провинции, 349 районов (*kabupaten*), 91 город, 5277 подрайонов (*kecamatan*) и 69 858 деревень (*desa*) [66. С. 3].

В целях сохранения целостности унитарного государства - Республики Индонезия – в обстановке внутривластной напряженности новое руководство страны решило резко изменить структуру вертикали власти: в 1999 г. были спешно изданы новые, довольно противоречивые, законы, которые впоследствии пришлось дораба-

тывать с учетом пожеланий местных властей – пересмотреть распределение доходов от эксплуатации местных ресурсов, принцип формирования местных бюджетов и планов.

Законы № 22 и № 25 от 1999 г., вступление в силу которых предусматривалось через два года, закрепляли более широкие полномочия не за провинциями, а за административными единицами второго уровня. Это мотивировалось необходимостью поощрения инициативы снизу, но, по существу, центр опасался что, наделив слишком широкими полномочиями провинции, в ряде которых нарастали центробежные тенденции, можно спровоцировать их выход из состава Республики.

Своей главной экономической задачей правительство М. Сукарнопутри ставило достижение макроэкономической стабилизации и выход из системного экономического кризиса. Индонезия заключила соглашение с МВФ на 1999–2003 годы, согласно которому получила очередную помощь – 4,8 млрд. долл. – и обещала следовать рекомендациям Фонда, а именно: продолжать реформирование экономики, продать несколько крупных государственных предприятий, сократить субсидирование цен на товары широкого потребления и снизить внешнеторговые тарифы.

Социальная политика правительства М. Сукарнопутри ограничивалась реализацией отдельных программ субсидирования цен на рис для бедных, а также схем «работа за еду». В начале 2003 г. правительство снова подняло цены: горючее подорожало на 6 – 22%, электроэнергия – на 24% и абонентская плата за телефон – на 22%. В ответ население поднялось на демонстрации протеста, которые прошли от Медана до Макассара.

Эксперты МВФ рекомендовали решать фискальные проблемы, продавая акции государственных предприятий, в том числе иностранцам. В 2003 г. программа приватизации включала, например, цементный завод в Гресике (Ява) и его подразделение на Суматре, а также новоучрежденный крупнейший коммерческий «Банк мандири». Работники цементных заводов пытались их отстоять, однако большой пакет акций заводов скупил мексиканская компания. Как отмечал директор недавно созданного «Института свободы» (Джакарта), который занимается современными проблемами экономики и политики и уже получил признание как новый мозговой центр, – Ризал Малларангенг, «идеологически радикальные мусульманские студенты и рабочие всегда были против приватизации, дерегулирования и глобализации» [229, 2003. Т. 166. № 3. С. 18].

Частая смена правительств и изменение состава правящей элиты не позволяли проводить последовательную политику. Но главную

задачу – стабилизацию макроэкономики – правительству М. Сукарнопутри удалось решить. Прирост ВВП составил в 2003 г. 4,5%, а в 2004 – 5,1%. Доход на душу населения оценивался в 1030 долл. США, т. е. он достиг уровня 1997 г. Однако этот показатель рос не по всей стране равномерно. Наиболее высокий доход был в Большой Джакарте и в провинциях Восточный Калимантан, Риау, а самый низкий – в провинции Горонтало, на Молукках и Папуа [Ст. И. С. 513]. Внешний долг, составлявший 100% ВВП (208 млрд. долл.), сократился до 60%. Дефицит бюджета не превышал 1,3%, а валютные запасы достигли 33,6 млрд. долл. [228, 2004. Т. 37. № 8405. С. 4].

Правительство М. Сукарнопутри продолжило политику либерализации инвестиционного климата. Декретом президента № 96 от 2002 г. определялся так называемый негативный список отраслей, закрытых для инвестиций иностранного капитала и компаний с участием иностранных граждан: выращивание и производство марихуаны; производство веществ, запрещенных Конвенцией о химическом оружии; а также производство обычного вооружения и его компонентов; выпуск алкогольных напитков; участие в игровом бизнесе. Запрещалась деятельность иностранных провайдеров на авиалиниях; сертификация судов; классификация инспекций, а также менеджмент и оперирование в спектре радиочастот и мониторинг на спутниковой орбите. Кроме того, компаниям, в которых часть или все акции принадлежат иностранным гражданам, не могут предоставляться лесные концессии и с ними не могут заключаться контракты на вырубку строевого леса. В целях защиты местного малого и среднего предпринимательства иностранцам не разрешены транспортные перевозки на такси и автобусах, а также судоходство на малых судах. Существенно ограничена деятельность иностранного капитала в торговле и сфере услуг. К сфере информации, включая радио и телевидение, кинематографию, иностранные компании также не допускаются.

В 2004 г. была введена система «услуги под одной крышей», т. е. оформление договора об инвестициях только в департаменте по координации капиталовложений в Джакарте. В провинциях и районах оформление документации на открытие предприятия должно было производиться за один день. Провинциальные власти обрели право разрабатывать свои варианты законодательства, обеспечивающие транспарентность, ускорение выдачи лицензии, укрепление инвестиционной безопасности.

В целом в результате постепенной либерализации инвестиционного климата в 1967–2004 гг. были утверждены заявки иностранных инвесторов на строительство 13 877 проектов (за исключением

данных по нефтегазовому сектору, банкам, страхованию) с общими капиталовложениями 292 550 млрд. рупий.

Одобренные заявки местного капитала за тот же период в 12 092 проекта предусматривали инвестиции 972 329 млрд. рупий. Однако реальные капиталовложения были ниже, так как заявки на инвестиции (иностранные и местные) реализовывались примерно на 70 – 75% и по числу объектов, и по объему вложенных средств [66. С. 400].

В частности, предложенная Т. Тамбунаном концепция индустриализации и перестройки общества исходила из опоры на первичный сектор, т. е. на сельское хозяйство и добывающую промышленность, при установлении прямых и обратных связей с обрабатывающими отраслями, а также с третичным сектором. Такие связи, считал он, будут устанавливаться по разветвленной системе, путем заключения субконтрактов малых и средних предприятий с крупными, создания вспомогательных производств, которые умягчат зависимость от импорта оборудования, сырья и материалов. Тем самым национальные предприятия станут более конкурентоспособны и смогут выдержать соперничество на глобальном рынке. Лишь после того как будет обеспечена прочная основа для развития промышленности, полагал он, следует активизировать ее экспорториентированные отрасли, в которых производство должно быть основано на современных технологиях, знаниях и науке.

Новым в этой концепции индустриализации было внимание к скрытым возможностям районов в свете политики расширения их автономии. Т. Тамбунан поддерживал политику создания в Индонезии промышленных кластеров, подчеркивая положительный опыт концентрации предприятий нескольких взаимодополняющих отраслей и видов производств, что позволяет применять более гибкие связи между крупными, средними и малыми предприятиями и дает им возможность выхода на внутренний и внешний рынок [188. С. 124–129].

Однако отдельные элементы предложенной индонезийскими учеными модели, в частности создание кластеров, призванных содействовать повышению эффективности производства и взаимодействию крупных, средних и малых предприятий, продолжали внедряться в жизнь. Одним из наиболее успешных проектов является центр ускоренного роста Бареланг.

Еще в начале 70-х годов Сингапур предложил создать на индонезийском о. Батам (Риау) так называемый треугольник ускоренного экономического роста. Эту идею поддержала Малайзия и приняла Индонезия. Генеральный план создания треугольника ускоренного экономического роста, получившего название Сиджо-

хори (акроним от: Сингапур, малайзийский штат Джохор, Индонезия), предполагал создать на о. Батам, расположенном примерно в 20 км от Сингапура на втором в мире по загруженности морском пути с выходом в Малаккский пролив и в Южно-Китайское море, обеспечивающем плавание в Индийском и Тихом океанах, высококонкурентную промышленную зону и ее дальнейшее превращение в центр ускоренного экономического роста. Для обеспечения притока капитала, в том числе иностранного, были созданы особые благоприятные условия его деятельности.

Согласно Генеральному плану остров Батам разделен на специализированные районы. На западной части острова создана портовая зона с береговой линией 18 250 м и глубиной от 6 до 18 м. Ее центр – порт Танджунг Учанг вошел в число ведущих портовых зон в Юго-Восточной Азии и приобрел репутацию «портового рая». Кроме него, имеется еще 5 морских портов, крупнейшими из которых являются Бату Ампар и Кабил, каждый из которых имеет мощность 35 тыс. дедвейт. Протяженность порта Бату Ампар – 1250 м. Строительство и ремонт судов ведется на 40 верфях. Верфь Наниндах мутира является филиалом сингапурской компании «Лаброй марине», специализируется на модернизации и проектировании судов. Высокое качество продукции соответствует сертификату ISO-9002 Международной организации стандартизации. Сингапурские компании не только занимаются судостроением, но и оперируют в других отраслях. Например, «Синдоронг перкаса джайя» наряду с созданием новых судов построила сталелитейный завод производительностью 2 тыс. т стали в год, половина которой идет на экспорт.

Со временем территория Бареланга расширилась за счет близлежащих островов – Ремпанг, Галанг, а затем и Бинтан. В результате расширения общая площадь центра ускоренного экономического роста превысила площадь Сингапура, а его название Сиджохори было переименовано в Бареланг (Батам – Ремпанг – Галанг).

В центре о. Батам расположен паромный терминал, а грузовые терминалы имеются в Бату Ампаре, Нонгсапури, Кабиле, Секупанге, Телаге Пунггуре и Уотерфрон Сити. Общая вместимость грузовых портов составляет около 50 тыс. дедвейтов и будет доведена до 150 тыс. Это перегрузочные порты мирового класса с современными системами управления, обеспечивающими круглосуточное обслуживание. Контроль за работой электронных установок осуществляют индонезийские компании «Пелинда II» и «Пура II».

Международный аэропорт на о. Батам – «Ханг Надим» имеет две взлетно-посадочные полосы длиной 4 тыс. м, позволяющие принимать самолеты класса DC-10 и Боинг 747. В 2005 г. число пас-

сажиров составило около 23 млн., а общий тоннаж обработанных грузов – 42 тыс. т.

На о. Батам имеется индустриальный парк и промышленные зоны, а на о. Бинтан, после введения в строй моста, соединяющего его с Батамом, также создана промышленная зона. Ею управляют индонезийские компании «Бинтан индастриал эстейтс» и «Сурья бангун пертиви».

К 2004 г. в Бареланге было осуществлено 700 проектов с совокупными инвестициями 12 млрд. долл. США. Среди инвесторов лидировали Республика Корея, Сингапур, Малайзия, Япония. В свою очередь, Индонезия инвестировала в развитие центра свыше 2 млрд. долл. США. Общим результатом совместной деятельности местных и иностранных компаний является создание свыше 200 тыс. рабочих мест.

Приоритетными видами деятельности являются: электронная промышленность, легкая, средняя и тяжелая индустрия, производство промышленного оборудования, создание центров логистики, работа морских портов и аэропорта как перевалочных центров потоков пассажиров и грузов.

Этот пример, как и ряд других, свидетельствует о развитии анклавного капитализма, который развивался в Индонезии благодаря интенсивному притоку капитала, в основном из соседних стран, несмотря на финансовый и структурный кризис и вспышки политической нестабильности в стране.

Значительное развитие получили и другие виды очагов с наиболее льготным режимом хозяйственной деятельности.

В важнейших портах Индонезии учреждено 7 государственных и частных бондовых зон, которые имеют статус и свободных экономических зон. Крупнейшие из них – Танджунг Приок (Джакарта) и Бареланг (Риау). Действующие в этих зонах промышленные предприятия освобождаются от импортных пошлин на сырье и оборудование для производства, налога на производство и продажу товаров группы люкс. Им разрешено сдавать в аренду субподрядчикам свое оборудование на срок не более двух лет вне пределов бондовых зон. Имеются и другие льготы.

Широкое распространение получили практически на всех крупных островах страны промышленные зоны и индустриальные парки, три четверти которых находится на Яве.

Старейшей промышленной зоной является «Кракатау индастриал истейт» (Бантен), начало которой было положено предпринятым строительством при техническом содействии Советского Союза в Чилегоне первого в республике металлургического завода.

Его сооружение, прерванное из-за свирепствовавшей гиперинфляции и изменения экономической политики в Индонезии, позднее было завершено индонезийскими и западными компаниями, и на площади 1800 га возник мощный комплекс металлургического и сталелитейного производства. В другой крупной промышленной зоне – «Джабабека индастриал истейт» (Ява) на площади 3 тыс. га оперирует свыше 600 иностранных и местных компаний.

В промышленной зоне «Чикаранг индастриал истейт» сосредоточены предприятия основной промышленности. В ее строительстве приняли участие Ньютон технопарк, Делта силикон, Калифорния технолоджи сентер, Даймонд техно, Бостон технопарк и др.

Подобные зоны созданы и на других островах архипелага. Например, в провинции Восточный Калимантан обустроена интегрированная зона промышленного развития («Сасамба»), где размещены горнодобывающие предприятия и аграрные комплексы, производящие и перерабатывающие сельскохозяйственные культуры.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что хотя Индонезия не смогла проводить политику модернизации в общенациональных масштабах, однако развитие новых форм современного промышленного предпринимательства (центры ускоренного экономического роста, экспортно-производственные зоны, промышленные зоны, индустриальные парки и др.) способствовало анклавному развитию капитализма и качественно меняло структуру национального хозяйства.

Создание экспортно-производственных зон началось на первой фазе импортзамещения. Согласно плану, утвержденному в конце 80-х годов министром промышленности Сухудом, на второй фазе импортзамещения предусматривалось создание 52 крупных государственных предприятий металлургической, алюминиевой, автосборочной и других отраслей промышленности. Однако развитие так называемой отверточной технологии, т.е. сборки в автомобилестроении сдерживалось из-за нехватки квалифицированных кадров, медленного внедрения новых технологий. Поэтому, несмотря на высокие производственные затраты, качество продукции не отвечало требованиям иностранных автомобильных гигантов. Ввиду растущей коррупции, распространения nepотизма и неконтролируемого расходования государственных средств, экономика Индонезии становилась высокозатратной и малоэффективной. В 1991 г. план, предусматривавший постепенное увеличение производства местных компонентов для автомобильной промышленности, был отменен. В дальнейшем инфраструктура создаваемых зон и кластеров продолжала совершенствоваться.

Хотя Индонезия приступила к индустриализации на два десятилетия позже, чем Сингапур, Малайзия и Таиланд, все же с середины 70-х до середины 90-х годов и вплоть до начала финансового кризиса 1997 г. страна сохраняла высокие темпы прироста ВВП и развития обрабатывающей промышленности, в среднем 12%.

Таблица 9

Показатели развития обрабатывающей промышленности четырех стран ЮВА

Страна	Добавленная стоимость*		Среднегодовые темпы роста, %		Доля в экспорте, %		
	1970	1996	1965-1980	1980-1990	1990-1996	1965	1996
Сингапур	379	23 520	13,2	6,6	7,9	34	84
Малайзия	500	34 030	-	8,9	13,2	6	76
Таиланд	1130	51 525	11,2	9,5	10,7	3	73
Индонезия	994	58 244	12,0	12,6	11,1	4	51

*млн. долл. в текущих ценах

Источник: Thee Kian Wie. The Suharto era and after: stability, development and crisis // The Emergence of a National Economy. An Economic History of Indonesia, 1800 – 2000. ASSA Southeast Publication Series. University of Hawai'i Press, Honolulu, 2002. С.221.

Кризис конца 90-х годов прервал поступательное развитие индонезийского хозяйства, разрыв в основных показателях макроэкономики увеличился.

После предоставления более широких полномочий властям первого и второго уровня в ряде провинций и районов возникли новые проекты создания различных зон и кластеров. В большинстве случаев, как и прежде, инициатором и исполнителем организации таких зон выступает государство, но к их становлению и дальнейшему развитию активно подключаются местные власти и компании.

Поиск путей к прогрессу

После первых в истории Индонезии прямых выборов президента в 2003 г. главой государства стал Сусило Бамбанг Юджойоно. В стране продолжалось обсуждение макроэкономических перспектив и поиск наиболее приемлемой модели развития. Однако ее

выбор, равно как и бюджетная политика, в конечном счете были предопределены соотношением сил различных партий в правительстве, среди которых сторонники «народной экономики» оказались недостаточно представлены.

«Правительство единой Индонезии» сочло необходимым и своевременным для решения масштабных экономических задач возобновить практику планирования. Исходя из положений Закона № 25 от 2004 г. «О системе планирования развития национальной экономики», Баппенас разработал среднесрочный план на 2005–2010 гг. К 2004 г. макроэкономическая ситуация в стране улучшилась, а экономический потенциал значительно вырос. Число хозяйств увеличилось с 39,5 млн. в 1990 г. до 54, 9 млн. Трудовые ресурсы составляли 153,9 млн. человек, из них более 60% приходилось на Яву. Из 93,7 млн. занятых 43,3% трудилось в сельском хозяйстве (почти треть из них составляли так называемые неоплачиваемые работники, которые трудятся за еду и жилье). В торговле было занято 20,4%, в промышленности – 11,81%, в сфере услуг – 11,22% [66. С. 51].

Новая социально-экономическая стратегия ставила три задачи: достичь высоких и устойчивых темпов роста на основе интенсивных капиталовложений и расширения экспорта; стимулировать развитие реального сектора для появления новых рабочих мест; содействовать модернизации сельских районов. Вместе с тем учитывалась и необходимость подготовить страну к переходу на качественно новый этап организации хозяйства, т. е. к экономике знаний, а это требовало значительного расширения и модернизации инфраструктуры.

Делая установку на первоочередность развития инфраструктуры, Индонезия следовала примеру Сингапура, Малайзии, Таиланда и Китая. Для выработки курса ускоренного развития был образован Комитет (ККППИ), который подготовил программу обустройства и модернизации будущей транспортной системы.

Первая часть плана относилась к модернизации энергетики, телекоммуникации, транспорта (морского, воздушного, наземного, трубопроводного), водоснабжения, сооружению скоростных автострад. На строительство намеченных 91 объекта требовалось, согласно предварительным оценкам, 21,2 млрд. долл. При этом общие капиталовложения в плановое строительство были определены в 150 млрд.

Энергетика, как важнейшая составляющая инфраструктуры, требовала наибольших капиталовложений. В Индонезии Государственная энергетическая компания (Perusahaan Listrik Negara – PLN) отвечает за производство, трансмиссию и распределение электроэнергии, но ее электросетью охвачена не вся территория страны.

Поэтому надежды на дальнейшее развитие энергетики возлагаются и на частные компании. В развитии энергетики особое место отводится Яве – острову, площадь которого занимает менее 7% территории страны, зато население – 59,09% всех ее жителей и на котором сосредоточен основной промышленный потенциал страны [66. С. 5]. Намеченные к строительству теплоэлектростанции должны снабжать электроэнергией бурно развивающуюся агломерацию Джаботабек (акроним от: Джакарта, Богор, Тангеранг, Бекаси), другие города, а также десятки промышленных зон.

На Суматре запланировано строительство нескольких теплоэлектростанций. В перспективе предусматривается укрепление хозяйственных связей между Явой и Суматрой, чему способствует разработка месторождений природного газа на шельфовой зоне Явы, который необходим для выработки электроэнергии для Суматры.

На Сулавеси и Калимантане будут строиться теплоэлектростанции, работающие на каменном угле, перерабатываемым современными методами.

Для Индонезии, государства-архипелага, насчитывающего около 18 тыс. островов, жизненно важно состояние океанского, морского и каботажного судоходства. Совокупная территория островов составляет 1,86 млн. кв. км, а окружающее их водное пространство, включая проливы, эксклюзивную экономическую зону и т. п., – 7,9 млн. кв. км, протяженность же береговой линии превышает 81 тыс. км [66. С. 3, 5].

В государстве-архипелаге имеется свыше 2 тысяч портов, из которых 658 морские. В ведении государственной компании «Пелиндо» находится 112 портов.

Однако соседние государства Сингапур, Малайзия, Южная Корея обладают современными глубоководными прекрасно оснащенными портами для экспорта и импорта. Сравнение портов Индонезии по затратам времени и стоимости некоторых видов работ с портами этих государств свидетельствует о том, какие потенциальные потери несет Индонезия в нарастающей конкуренции. Например, в малайзийском порту Танджунг Пелепас 1200 контейнеров обрабатывается за один день, а в Джакарте в порту Танджунг Приок эта работа занимает три дня. В 2004 г. обработка одного контейнера размером 40 футов в портах Индонезии обходилась 240 долл., в Сингапуре она стоила 160, Малайзии – 140, а в Таиланде лишь 40 [235, 26. 03. 2005]. Как отмечал генеральный секретарь Ассоциации индонезийских судовладельцев, высокие затраты и слишком низкая эффективность флота объясняется устаревшей инфраструктурой портов, высокими поборами, несогласованнос-

тью действий центрального правительства, портовых и местных властей при составлении плана. Это, в частности, проявилось при обсуждении строительства порта на Восточной Яве, когда муниципалитет Сурабайи (административная единица второго уровня) настаивал на сооружении порта Телук Ламонг в подрайоне Гресик, а правительство провинции Восточной Явы (административная единица первого уровня) отстаивало строительство порта Танджунг ванги в Баньюанги [233, 26. 03. 2006]. Этот пример говорит об осложнениях, которые возникают в связи с оценкой реальной ситуации и различным толкованием законов о децентрализации управления республикой.

Намеченный к строительству трансудоходный глубоководный морской порт Боджонегара будет располагать многоцелевым контейнерным терминалом и работать в автоматическом режиме по различным программам. Кардинальной реконструкции и модернизации подлежат основные морские порты на Яве, Суматре, Калимантане, Сулавеси.

Для срочного обновления перегруженной дорожной автодорожной сети страны разворачивается крупномасштабное строительство платных скоростных магистралей. Модернизация необходима и для большей части дорог, общая протяженность которых составляет более 270 тыс. км. Автодорожный транспорт, который обеспечивает на 90% перевозку пассажиров и половину всех грузов, также требует расширения и обновления [22. С. 44].

Самая высокая плотность дорог предусматривается на Яве, где сооружаются второе скоростное кольцо вокруг Джакарты, а также скоростная трансъяванская трасса. На Суматре запланировано строительство скоростной платной трассы Палембанг – Индралайя, которая соединит столицу провинции Южная Суматра с центром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности.

В последние десятилетия в Индонезии набирает темпы разработка новых месторождений нефти и природного газа, что требует создания производственно-транспортной инфраструктуры. В частности, на Суматре предусматривается прокладка нескольких газо- и нефтепроводов для поставок углеводородного топлива в яванские города, а также в Бареланг. Этот проект является частью обустройства новой экономики на Суматре.

Протяженность газопровода, проходящего через провинции Калимантана и Явы, должна составить 1220 км. Терминал для сжиженного газа на Яве будет снабжать горючим промышленную зону в провинции Бантен, а строящийся газопровод на Сулавеси предназначен для нужд растущего там индустриального парка.

В последние годы наряду с расширением деятельности «группы Пертамина» поисковые работы на нефть и газ развернули иностранные и совместные компании. В 2006 г. Китай стал вторым по величине капиталовложений инвестором в эту отрасль. Китайская компания СНООС стала вести геологическую разведку на нефть и газ на Суматре, Калимантане, Яве, Мадуре, Папуа. Совместно с индонезийской государственной «Перусахаан гас негара» она намерена строить газопровод, который пройдет от Восточного Калимантана до Явы. Другая китайская компания – «Синопек» инвестирует 1,3 млрд. долл. в строительство (совместно с Пертаминой) нефтеперерабатывающего предприятия в Тубане (Восточная Ява) [205, 03.04.2006].

Первоочередное внимание уделяется развитию телекоммуникации. Создается кольцевая сеть «Палапа 02 Р» общей протяженностью 36 тыс. км, охватывающей все основные острова архипелага. Создание фиброволоконной связи ведется с Востока на Запад, т. е. начиная с Папуа, Малукков, Нуса Тенггара, Сулавеси, а затем продолжится на Суматре. Эта кольцевая сеть отвечает интересам укрепления обороны страны, дает возможность развернуть телекоммуникационную индустрию, а также улучшить условия жизни народа.

Второй блок плана посвящен расширению рынка труда. В 2004 г. трудовые ресурсы, т.е. лица от 15 лет и выше, составляли 153,9 млн., из которых в различных отраслях хозяйства было занято 93,7 млн. человек. Число полностью безработных составляло 9,5 млн., а занятых менее 35 часов в неделю было гораздо больше. Решение проблемы безработицы осложняется тем, что ежегодно на рынок труда выходит 2,45 млн. молодых людей [66. С. 54; 205, 01.02.2005]. Создание новых рабочих мест не отвечает реальным потребностям. Например, в 2004 г. было создано 75,8 тыс. новых вакансий, а работу искали 418 тыс. человек [66. С. 55]. Согласно подсчетам индонезийских экономистов и планировщиков сократить безработицу и неполную занятость можно лишь при темпах роста народного хозяйства 7,2–7,5%. Однако это возможно лишь при значительном увеличении инвестиций в экономику, что пока не происходит.

Решение проблемы занятости – часть проблемы преодоления бедности. Согласно градации, установленной Всемирным банком, к бедным относятся люди с доходом менее 2 долларов США в день [228, 2004. Т. 373. № 8405. С. 4]. Стандартные показатели черты бедности в Индонезии не раз менялись в зависимости от минимального набора товаров в так называемой потребительской корзине. По стандартам 1998 г. в стране за чертой бедности жило 34,5 млн. человек, а из-за кризиса это число возросло еще на 15 млн. Некоторое

улучшение экономического положения в 1999 г. позволило пополнить потребительскую корзину, а следовательно, и повысилась черта прожиточного минимума. Отчасти поэтому число бедных было определено в 48,4 млн. Бедность сокращалась в городе, в деревне же она продолжала расти. В последующие годы также менялись исходные стандарты потребления, и, соответственно, в 2004 г. за чертой и у черты бедности числилось 16,6% населения страны. Самая высокая черта бедности была отмечена в городах провинции Риаяу (198 075 рупий), а самая низкая (94 886 рупий) – в деревнях провинции Горонтало. В 2004 г. ниже прожиточного минимума оставалось 36,1 млн. человек. Наибольшая концентрация бедности (28,5%) отмечалась на Малукках, Папуа, Нуса Тенггара Тимур, а на Яве, Бали, Калимантане и Сулавеси она составляла от 11 до 17%. Таким образом, в Западной Индонезии бедными считались 28,6 млн., а в Восточной Индонезии – 7,5 млн. человек [66. С. 570 – 573].

Столь глубокие и трудноразрешимые социальные проблемы обусловили проведение политики, направленной на сокращение бедности к 2010 г. до 7,6%.

Однако форсмажорные обстоятельства, а именно стихийные бедствия, которые произошли в Индонезии в 2004–2006 гг., вновь значительно осложнили экономическую и социальную ситуацию в стране. Из 12 государств, на которые 26 и 27 декабря 2004 г. обрушились землетрясение и цунами, Индонезия пострадала больше всех. В результате землетрясения, оценивавшегося по шкале Рихтера в 8,7 баллов, и последующего цунами в провинциях Наннгру Ачех Даррусалам и Северная Суматра погибло около 170 тыс. человек, а убытки оценивались в 4,5 млрд. долл. (2,3% ВВП). На восстановление дорог, мостов, аэродромов, портов и других объектов было необходимо срочно изыскать 5–7 млрд. долл. США. Для полной рекультивации земли, плодородный слой которой был снесен цунами, и обеспечения населения и промышленности пресной водой (источники воды были засолены морской водой) потребуются гораздо больше и средств и времени. В марте 2005 г. произошло разрушительное землетрясение на о. Ниас, унесшее жизни 360 человек. Еще одним крупным стихийным бедствием было землетрясение в июне 2006 г. в провинции Центральная Ява и близ особого округа Джокьякарта, т. е. в самых густозаселенных районах страны. Погибло 5400 человек, тяжелые ранения получили около 10 тыс. Кроме того, 46 тыс. домов было разрушено. Для преодоления последствий стихийных бедствий был создан специальный орган – Бакорстан, возглавляемый вице-президентом Юсуфом Калла. Мировое общество, в том числе Россия, оказало Индонезии значительную помощь. Россия была, в

частности, одной из первых стран, которые развернули в пострадавших районах полевые госпитали, где оказывалась помощь пострадавшим, в первую очередь детям [230, 07. 06. 2006. С. 17–19].

Осложнение ситуации во многих районах страны заставило правительство усилить внимание к развитию первичного сектора, а именно аграрного сектора, лесного хозяйства, рыболовства, других отраслей, типичных для сельской местности. Это нашло отражение не только в ежегодном обращении президента к нации, но и в бюджете на 2007 г. [205, 05. 09. 2006]. В своем ежегодном обращении к нации в 2006 г. С. Б. Юджойоно оределил 9 основных направлений, которые должны стать основными в бюджете 2007 г., первыми из них являются сокращение бедности к 2010 г. до 7,6% и увеличение занятости. Высокий уровень безработицы, составивший в первой половине 2006 г. 10,4%, не позволяет правительству реформировать рынок труда. Президент заявил об увеличении расходной части бюджета 2007 г. для повышения всем занятым в государственном секторе заработной платы на 23%. Значительные средства выделены и на программы предоставления гарантов малоимущим гражданам [205, 05. 09. 2006].

Одновременно из-за продолжавшегося роста цен на нефтепродукты правительство отменило субсидии на горючее с 1 октября 2005 г., однако, опасаясь массовых протестов, предоставило дотации в размере 100 тыс. рупий 17,5 млн. хозяйств с наиболее низким доходом.

Изменение акцентов в бюджетной политике было необходимо не только из-за разразившихся бедствий, но и в связи с образованием новых административных единиц различного уровня. Пример тому образование провинции Западный Папуа, являющейся исконным местом проживания различных племен, наиболее многочисленным из которых являются асматы. Это племя никогда не занималось земледелием, а вся их хозяйственная деятельность сводилась к охоте, рыболовству и собирательству. Перед страной встала с необычайной остротой проблема преодоления поистине цивилизационных разрывов между этой провинцией и остальной Индонезией, без чего невозможно ни сохранение целостности государства, ни создание единой индонезийской нации как гражданского сообщества. И это лишь один из примеров, раскрывающий невероятную сложность социокультурной и социоэкономической проблематики, свойственной для крупнейшей экономики Юго-Восточной Азии.

Налаживалась и работа банковского сектора, несмотря на сложность стоявшей перед ним задачи – обеспечить выплаты по погаше-

нию облигаций. В предшествовавшие годы государство предоставило ряду крупных банков чрезвычайные дотации на общую сумму свыше 16 млрд. долл. США. Выплаты по погашению облигаций составили в 2005 г. 80 трлн. рупий, в 2006 – 89 трлн., 2007 – 98 и столько же в 2008 и 2009 гг.

Были приняты меры по дальнейшему улучшению инвестиционного климата. Улучшая инвестиционный климат и создавая современную инфраструктуру, правительство рассчитывает на резкое увеличение притока прямых иностранных инвестиций. Однако в предкризисное время они достигали до 30% ВВП, а в 2004 г. одобренные заявки ПИИ составили лишь 10,5 млрд. долл. США, местные же частные инвестиции – около 5,5 млрд. [205, 01. 02. 2005]. Обеспечить капиталовложения правительство намерено, налаживая эффективное партнерство государства с частным сектором.

Приверженцы классической теории полагают, что спрос создаст предложение, а сторонники кейнсианских взглядов считают, что чтобы увеличить предложение, спрос следует стимулировать. Индонезия была вынуждена проводить и ту и другую политику, чтобы поощрять приток капитала в реальный сектор. Напрашивается вывод, что для увеличения предложения необходим низкий уровень процентной ставки и доступность кредита, а чтобы увеличить спрос, необходимы фискальные стимулы, например, сокращение налогов на добавленную стоимость.

Несмотря на очевидные трудности, которые все еще приходится преодолевать, правительству Индонезии удастся достаточно эффективно проводить намеченный курс. Однако нельзя забывать о его политической стороне, которая во многом зависит от комплекса внутренних и внешних факторов. Неоднозначный и сложный процесс децентрализации административной системы приводит к значительным изменениям в развитии провинций и районов. Продолжается реформирование институтов и органов исполнительной власти в центре и на местах.

Недоработанность и даже противоречивость законов и поправок к ним, изданных в последние годы, вызвали дискуссии, а также корректировку их отдельных положений. В частности положений, касающихся контроля над природными ресурсами и распределения средств между центром и административными единицами различного уровня.

Достигнуть умиротворения в провинции Наннгру Ачех Дарусалам удалось после многолетних переговоров и предоставления провинции особой широкой автономии. Было обещано предоставить властям провинции право контроля над природными ресур-

сами. Однако в 2006 г. правительство и парламент, ссылаясь на положения конституции, которые определяют контроль государства над жизненно важными природными ресурсами, а также на то, что нефть и газ являются стратегическими товарами, на которые приходится большая часть доходов государства, приняли решение совместно контролировать геологическую разведку и добычу. На очередных переговорах с представителями Ачех стороны пришли к компромиссному решению, согласно которому в виде исключения 50% нынешних и будущих доходов от углеводородного топлива будет получать провинция, а другая половина пойдет в центральный бюджет страны [210, 2006. № 8. С. 73–74].

Правительство С. Б. Юдхойоно продолжает борьбу с терроризмом и вспыхивающими очагами повстанческих движений, пытается умиротворять межэтнические и межрелигиозные распри. Такие явления – показатель повышенной конфликтности в обществе, которая предопределяется и постоянным накоплением несоответствий в конструкциях переходного общества. Попытки ускорить эволюцию традиционного способа производства, особенно в низших укладах, при одновременном включении в инновационное развитие, приводят к симбиозным формам управления. Тогда как для происходящей национально-государственной интеграции особое значение обретает интегрирующая миссия государства и новые формы демократии.

Помимо этого, спектр непредсказуемых форсмажорных обстоятельств остается широким. В свою очередь, ускоряющийся и расширяющийся процесс глобализации приносит все новые вызовы, ответ на которые требует своевременной, адекватной и гибкой реакции правящих сил.

Формирование новой стратегии и модели социально-экономического развития находится лишь на начальном этапе. Парадигма президента С. Б. Юдхойоно и «правительства единой Индонезии», нацеленная на активизацию работы рыночных механизмов при усилении планирования и умеренном вмешательстве государства, подлежит испытанию временем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия почти за шесть десятилетий независимого развития прошли сложный путь кардинальных преобразований экономики и общества. После создания основных функциональных институтов решались задачи организации новых отраслей производства и сфер деятельности, формирования современных производительных сил и предпринимательства. Для этого следовало разработать стратегии и модели социально-экономического прогресса применительно к конкретным условиям каждой страны.

От политики замещения импорта, не получившей большого распространения, страны, каждая по-своему, переходили к ориентации на экспорт, что способствовало упрочению позиций этих государств на мировом рынке. В 2005 г. по экспорту товаров Сингапур, вслед за Россией, занимал 14-е место в мире, Малайзия – 19-е, Таиланд – 25-е, Индонезия – 37-е. Среди импортеров Сингапур также занимал 15-е место (Россия – 19-е), Таиланд – 22-е, Малайзия – 24-е, Индонезия – 37-е [16; 17].

В секторе экспорта услуг на мировом рынке в том же году Сингапур занимал 17-е место в мире, Таиланд – 26-е, Малайзия – 27-е, (Россия – 28-е), а Индонезия – 40-е. В импорте услуг у России было 20-е место, затем следовали Сингапур – 21, Таиланд – 24, Малайзия – 26, Индонезия – 27-е место [16. С. 1- 2].

Несмотря на то что аграрный сектор в Малайзии, Таиланде и Индонезии ныне дает лишь 7–9% ВВП этих стран, они по ряду традиционных товаров лидируют на мировом рынке. В 2005 г. доля трех традиционных для каждой страны сырьевых товаров в экспорте составила: в Индонезии 40%, Малайзии почти 20%, Таиланде 15%, а в Сингапуре 5%.

Сильно изменилась сфера торговли, прежде всего по части организации экспортных и импортных операций, благодаря созданной за короткий срок информационно-коммуникационной базе и внедрению современных средств электроники и вычислительной техники, а также внедрению логистики. Финансовый кризис, поразивший эти страны в 1997–1998 годы, выявил и сильные, и слабые стороны их национальных моделей, в частности сильную зависи-

мость этих стран от состояния экономики ведущих индустриальных держав мира, прежде всего США, Японии, ЕС. Изменения в послекризисные годы конъюнктуры мирового рынка весьма ощутимо сказывались на экономике Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии. Пример тому – наступивший в 2000–2001 гг. коллапс компьютерных рынков в западных странах, который ударил по электронной промышленности стран-производителей, особенно Малайзии, поскольку в 2000 г. до 60% ее экспорта в США составляло информационное оборудование, и, и Сингапура, в вывозе которого удельный вес аналогичной продукции достигал 64% [246, 29. 09. 2001].

Преимущественная ориентация внешнеторговых связей лишь на несколько государств создавала трудности, поскольку ограничивались возможности ориентированных на экспорт моделей. Ввиду того что риски и неопределенность возрастают, появляется необходимость корректировать внешнеэкономические курсы, пересматривать модели роста, стратегии социально-экономического развития, с тем чтобы продолжить масштабные структурные преобразования.

Страны – члены АСЕАН в условиях растущей глобализации стремятся усилить и ускорить интеграционные процессы, развивать сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе не только в субрегионе, но и за его пределами. С 1 января 2003 г. начала действовать разрабатывавшаяся на протяжении десяти лет схема АФТА – СЕПТ (ASEAN Free Trade Common Effective Preferential Tariff). С первого января 2003 г. 99,55% тарифов (44 144 позиций из 44 361) на товары шести стран АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) были снижены до 5%. Начался первый этап действия схемы (2004–2006 гг.), когда снижались ввозные пошлины на сельскохозяйственную продукцию «шестерки» старейших членов Ассоциации. С 2007 г. начнут снижать тарифы и остальные четыре участницы АСЕАН (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма). Действие схемы АСЕАН – СЕПТ означает открытую и жесткую конкуренцию, выдерживать которую Индонезии и Таиланду было достаточно сложно.

На следующем этапе коллективных действий старшие члены Ассоциации могут односторонне и добровольно производить сокращение тарифов. Эти и ряд других соглашений, включая интеграционные, обеспечивают поступательную динамику внутриасианской торговли. Вместе с тем следует заметить, что почти половина всего объема экспорта и две пятых импорта АСЕАН идет через Сингапур, в то время как на Малайзию приходится примерно четверть товарооборота. Несмотря на то что экспортный потенциал

Индонезии довольно велик, она пока сравнительно малоактивный контрагент в субрегиональных торговых сделках, и в основном выступает как импортер.

В последние годы ведутся активные переговоры по вопросам сотрудничества в сфере услуг. Начиная с 90-х годов началось активное вовлечение стран субрегиона в мировую торговлю услугами, включая транспорт, финансы и банки, туризм, страхование. В 1997 г. в совокупности доля этих стран составила 6,3%, что закрепляло за ними 4-е место в мире после ЕС, США и Японии. Новые предложения о либерализации сферы услуг содержатся в документе «Инициатива по интеграции АСЕАН» (ИИА), принятом в 2000 г. В частности, формула 10+X допускает, что в процессе либерализации сферы услуг две и даже более страны могут опережать остальных членов – участниц ИИА, которые могут подключаться к общей стратегии с учетом своих возможностей. Такая гибкость стимулирует развертывание внутриасиановского сотрудничества, начиная с торговли, объем которой возрос с 44,2 млрд. долл. США в 1993-м до 97,8 млрд. в 2000 г., и кончая сотрудничеством в деле охраны окружающей среды и охраны прав интеллектуальной собственности. Предполагается, что АФТА поможет поднять конкурентоспособность товаров членов Ассоциации, активизировать двусторонние и многосторонние потоки капитала, что положит начало формированию общего рынка в Юго-Восточной Азии.

После того как в 1995 г. Китай вступил с АСЕАН в переговоры, а в 2002 г. было заключено соглашение о создании до 2010 г. зоны свободной торговли АСЕАН – КНР, роль этого государства во внешнеэкономических связях с Ассоциацией становится все важнее. Товарооборот АСЕАН–КНР в 2005 г. составил 114,3 млрд. долл. Китай уже стал третьим (после Японии и ЕС) торговым партнером Ассоциации, а в перспективе намерен стать основным. До 49% увеличились объемы взаимных закупок и продаж новых товаров: техники, деталей и узлов к ней, некоторых видов наукоемкой продукции (с 35 до 49%), а ввоз в Китай минерального сырья, топлива и масел растительного происхождения, каучука, изделий из древесины уменьшился до 28%. Примечательно, что доля Сингапура во всем вывозе товаров стран АСЕАН в КНР составила 38% (19,8 млрд. долл.), Малайзии – 18% (9,5 млрд.), Таиланда – 18% (9,2 млрд.), а Индонезии 13% (6,6 млрд.) [205, 09. 11. 2006]. Таким образом, на четыре страны АСЕАН в 2005 г. пришлось 87% экспорта, а на остальные шесть стран АСЕАН лишь 13%. В целом же экспорт товаров из стран АСЕАН в Китай составил 52,4 млрд. долл.

Япония заинтересована в развитии широкого обмена в самых различных областях со странами региона на принципах так назы-

ваемого равного партнерства. Страна восходящего солнца не намерена уступать свои сильные экономические позиции в субрегионе, где для большинства государств она является вторым по значимости торговым партнером. Токио с 2003 г. ведет переговоры о заключении соглашений о создании ЗСТ на двусторонней основе с Таиландом, Малайзией, Филиппинами и Индонезией.

Страны АСЕАН ведут переговоры и с другими государствами относительно свободной торговли, которые позволят создать сложную сеть двусторонних и многосторонних экономических отношений. Концепции, которыми руководствуются лидеры этих стран и многие экономисты, во многом идеалистичны и порождают иллюзорное представление о возможности их полного претворения в жизнь. Однако, как показывает практика, установить режим свободной торговли в отдельно взятом регионе пока еще никому не удалось.

Главная проблема стран ЮВА – повышение конкурентоспособности своих товаров на мировом рынке. В либерализующемся мире оценка конкурентоспособности становится многомерной и измеряется по макроэкономическим и микроэкономическим параметрам. Основным фактором конкурентоспособности является место страны на мировом рынке. Свидетельство роста конкурентоспособности – технологические показатели (инновации, трансферт технологии), индекс общественных институтов (контракты, законодательство, коррупция), макроэкономические данные (рейтинг кредитоспособности, правительственные расходы). Индекс конкурентоспособности на микроэкономическом уровне включает оценку деятельности компаний, их стратегий и качественные характеристики национального бизнеса.

По всем этим характеристикам самой высокой конкурентоспособностью обладает Сингапур. Индонезия, занимая 67-е и 68-е места из 80, намного отставала от своих соседей [233 а, 2003. Т. 5. № 3. С. 22].

Учитывая, что процессы модернизации и внедрение инноваций в исследуемых странах бурно развиваются, появляются новые возможности регионального сотрудничества и новых форм интеграции. В частности, продолжаются переговоры о реализации соглашения от 2000 г. по Инвестиционному полю АСЕАН («Area Investment ASEAN» – AIA). Согласно этому документу географические границы АСЕАН определяют некое единое экономическое пространство. Соответственно предусматривается, что в этих границах будет постепенно расширяться доступ иностранного капитала к различным отраслям национального хозяйства, который начнет более тесно взаимодействовать с местным деловым миром в создании системы экономических связей, способствующих формированию новой экономики.

В 1997 г. был принят документ «Перспективы АСЕАН 2020» (Vision ASEAN 2020), где излагалась ключевая стратегия обеспечения экономического развития и безопасность членов АСЕАН. Она включала создание взаимосвязанных сетей энерго-, газо- и водоснабжения, в частности Азиатской сети электроэнергетики, Трансасеановского газо- и водопровода, а также общей телекоммуникационной системы. Предполагается также, что в дальнейшем получаемая электроэнергия будет поступать не только в страны – члены АСЕАН, но и южный Китай. Кроме того, имеются планы двустороннего сотрудничества в области энергетики между Таиландом и Малайзией, между Малайзией и Сингапуром, Таиландом и Лаосом, Индонезией и Сингапуром. При разработке Генерального плана проекта «Азиатской энергосети» двустороннее сотрудничество может быть обобщено, что станет началом многостороннего отраслевого интеграционного процесса в энергетике не только в ЮВА, но и в значительной части Восточной Азии.

К числу других отраслевых мегапроектов можно отнести сооружение трансасиатского железнодорожного сообщения от Сингапура до Куаньминя. Этот участок станет частью «железного шелкового пути» общей протяженностью 81 тыс. км, который пройдет через 28 стран, соединив столицы, главные порты и промышленные центры, и интегрирует азиатский континент в единую железнодорожную транспортную сеть [245 а, 11. 11. 2006]. Еще одним мегапроектом является создание восточноазиатского информационного пояса, начало формированию которого намерены положить наиболее передовые в технологическом отношении страны – Сингапур, Малайзия, Индонезия, Южная Корея.

Продуктивно содействие АСЕАН освоению ее членами современных и технологичных методов ведения бизнеса. Расширяется электронная торговля, создаются информационные базы электронного туризма, позволяющие расширять на совместной основе туристический бизнес. Секретариат Ассоциации разрабатывает проекты «Электронный фермер» и «Электронный центр агробизнеса» (ASEAN E` Farmers и Agritani E` hub). Первый проект предоставляет возможность фермерам и производителям сельскохозяйственной продукции непосредственно выходить на рынок информации, оформлять сделки в режиме реального времени. Второй проект позволяет использовать электронную почту при транзакциях, которые исходят от крупных компаний, и оказывать поддержку малым и средним сельскохозяйственным предприятиям. Эти инновации отвечают интересам огромной массы населения Юго-Восточной Азии, значительная часть которого все еще связана с аграрным сектором. Как отмечал вице-премьер Таиланда Корн Даббаранси

на открытии фермерского семинара в мае 2002 г., «Таиланд решил использовать все потенциальные возможности, которыми обладают информационная и коммуникационная технологии для блага людей, включая крестьян. Это будет содействовать подъему производительности и эффективности их труда и повышению конкурентоспособности на глобальном рынке». По мнению Даббаранси, такая деятельность АСЕАН «ускорит формирование единой глобальной деревни» [252, 2002. Т. 1. № 7. С. 14–15].

Создание крупных субрегиональных проектов предопределяет необходимость координации не только отраслевых планов, но и стратегий экономического развития. Таким образом, все более тесная интеграция по отраслевому принципу со временем может стимулировать нарастание интеграции в макроэкономическом отношении и привести к разработке некоей общей стратегии.

На данном этапе Сингапур добился важных успехов, но, как всегда, его политическая и экономическая элита думает о перспективе и своевременно переходит к новой внешнеэкономической стратегии, ориентированной на массовое производство новейшего продукта, ищет новые рынки сбыта. Повышение качества финансовых услуг, ускорение потоков денежных средств и капиталов во многом обеспечиваются благодаря широкому внедрению в кредитно-банковский сектор компьютерных технологий. Правительство оказывает целенаправленную поддержку на всех стадиях нововведений в государственном и частном секторах экономики на основе инновационной доктрины, которая дорабатывается в инновационную стратегию. Сингапур заметно продвинулся в деле закрепления своих компаний и фирм в новых нишах на региональном и мировом рынках. В связи с этим сингапурские власти, да и многие представители делового мира, относятся к глобализации и регионализации прагматически, как в целом позитивным и не исключающим друг друга процессам.

Главными выводами, к которым пришли остальные страны региона после финансового кризиса, – неизбежность новых кризисных явлений, предопределяемых несовершенной архитектурой мировой денежной системы, а также неминуемость катаклизмов по мере набирающей силу глобализации.

В частности, озабоченность членов АСЕАН вызывает слабая иена и слабеющий американский доллар. Это, по мнению многих экономистов, ведет к девальвации азиатских национальных валют, долговые обязательства которых деноминированы в долларах и иенах. Такие соображения могут в перспективе вызвать широкую монетарную интеграцию в Азии. Не случайно появляются проекты создания новой разновидности азиатского доллара или АСУ,

по своим функциям приближающегося к евро, или же учреждения своего варианта Монетарного фонда Азии.

С другой стороны, за последние пять лет определилась тенденция устремления китайских компаний, в том числе и государственных, в экономику стран ЮВА. Первоначально их взоры были устремлены на нефтедобывающую промышленность Индонезии и Таиланда. Но затем инвестиции стали поступать и в другие отрасли, в том числе в средние предприятия обрабатывающей промышленности. К 2004 г. китайские компании инвестировали в 24 объекта Таиланда 214,7 млн. долл. В Сингапуре китайские инвестиции в 21 объект составили 71,1 млн., а в Индонезии были одобрены заявки на сооружение 12 объектов на 100 млн. долл. США. В Джакарте сооружается китайский Деловой центр, строятся электростанции и телекоммуникационные объекты. В 2004 г. в Таиланде строилось около 20 объектов [229, 2004. Т. 167. № 5. С. 24–27].

Нарастающий приток капиталовложений не является односторонним явлением. Многие компании стран ЮВА, прежде всего Сингапура, вкладывают в экономику Китая средства, исчисляемые сотнями миллионов долларов, что во многом предопределяется широкими возможностями сбыта продукции и дешевой рабочей силы. Однако представляется вполне вероятным, что в ближайшие годы часть производственных мощностей, ориентированных на выпуск экспортной трудоемкой продукции, будет переведена из Китая в отдельные страны Ассоциации в связи с ростом оплаты труда в КНР.

Богатые природные и людские ресурсы, расширяющийся рынок «четверки» новичков в АСЕАН (Вьетнам, Лаос, Кампучия, Мьянма) становятся весьма притягательными для делового мира «шестерки» ветеранов, что создает основу для сохранения общих интересов, цементирующих Ассоциацию. Например, в авиационном сообщении Камбоджи значительны позиции малайзийского и индонезийского капитала. В развивающейся банковской системе этой страны нашли свои ниши отделения нескольких тайских банков, малайзийского банка «Мэй бэнк», индонезийского «Липпо банк». Компании Малайзии участвуют в работах по выявлению в Таиланде запасов золотосодержащей руды. У нефтяной компании Малайзии «Петронас» есть важные деловые интересы в Мьянме. Таким образом, активность делового мира создает свою сеть сложных и взаимодополняющих отношений, что ведет к активизации интеграционных процессов на различных уровнях.

Пока решается центральный вопрос о том, какое государство станет основной движущей силой развития огромного Азиатско-Тихоокеанского региона, играть ведущую роль в набирающих амплитуду и мощь интеграционных процессах (которые не могут

протекать и без попятного движения), центром определения общей политики все же остается АСЕАН.

Созданное в конце 2005 г. экономическое сообщество Восточной Азии, в которое вошло 16 государств, может намного расширить географические рамки сотрудничества в различных областях и, в случае успеха, оказать значительное влияние на геополитические и геоэкономические процессы в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В последние годы страны ЮВА стремятся укрепить связи с основными торговыми партнерами. Например, по предложению президента США Дж. Буша готовится рамочное соглашение по торговле и инвестициям, которое должно охватить все страны ЮВА (Trade and Investment Framework Agreement – TIFA). Его текст исходит из рабочей программы АСЕАН – США, которая охватывает торговлю, инвестиции, сельское хозяйство, биотехнологию, развитие людских ресурсов, строительство, малое и среднее предпринимательство, информационные и коммуникационные технологии.

Налаживается сотрудничество и со странами прилегающих регионов. Свидетельство тому – неуклонное расширение связей между АСЕАН и Индией, которое исходит из девиза «Смотри на Восток». Это направление курирует Малайзия, которая конструктивно ищет взаимоприемлемые для обеих сторон решения. Достигнута договоренность о сотрудничестве в валютно-финансовой области, налаживается сотрудничество в науке и технике, подготовке квалифицированных кадров, в торговле и инвестициях. Ведутся совместные малайзийско-индийские работы по промышленному использованию композитных материалов и редкоземельных элементов. Программа Центра сотрудничества АСЕАН – Индия предусматривает детальное описание и учет природных ресурсов АСЕАН, агротехнические исследования, изучение распространенных инфекционных заболеваний. Для стран ЮВА расширение сотрудничества с Индией означает не только большую свободу действий за границами Восточной Азии и АТЭС, но и возможность маневрирования в отношениях с Китаем и Японией.

Изменения и тенденции, наблюдаемые в сфере производства, отношениях между странами-партнерами, их внешнеэкономической политике, а также появление новых претендентов на лидерство в группе ведущих государств АСЕАН позволяет судить о нынешних реалиях рассматриваемого региона. Здесь, в географических рамках Юго-Восточной и Восточной Азии зарождается новая система экономических взаимоотношений широкого круга государств, в котором есть достойное место и для России. В перспективе этому региону предстоит неизбежно стать одним из ведущих составляющих глобализированного мира.

Библиография

Документы международных организаций и статистические справочники

1. ADB Economic Outlook 2000. 2001
- 1a. Bank Dunia, 1997 a. Jakarta, 1997
2. Bank Negara Malaysia, Monthly Statistical Bulletin, June, 2000. Kuala Lumpur, 2000
- 3a. Commodity Yearbook 2003. N. Y. and Geneva, 2004
3. Buletin Ringkasan BPS. Desember, 2002. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2002
4. Data for 1999 – 2000: Primary Study from Office of National Account, Office of National Economics and Social Development Board. Data for 2000–2003. Bangkok, 2004
5. International Monetary Fund. Directorate of Trade Statistics, November 2004. Wash., 2004
6. OECD. Science, Technologie and Industry Outlook. Paris, 2001
7. UNCTAD. World Investment Report. Geneva, 2002
8. UNCTAD. Handbook of Statistics 2004. N. Y. and Geneva, 2004
9. UNCTAD. Trade and Development Report. N. Y. and Geneva, 2002
10. UNIDO. Human Development Recourses 2000. N. Y. and Geneva, 2001
11. UNIDO. International Trade Statistics Year Book. N. Y., 2002
12. World Bank 2002. Oxford and N. Y., 2003
13. World Bank 2003 a. Oxford and N. Y., 2003
14. World Competition Yearbook 2003. N. Y., 2004
15. World Bank. World Development Indicator Database. N. Y., 2005
16. World Investment Report 2005. Geneva, 2006
17. WTO. International Trade Statistics 2003. Geneva, 2004
18. WTO. Secretariat Press Release. 11 April, 2006
19. Annual Economic Report 1997. Bank of Thailand. Bangkok, 1998
20. Annual Economic Report 2001. Bank of Thailand. Bangkok, 2002
21. Annual Economic Report 1999. Bank Negara Malaysia. Kuala Lumpur, 2000
22. Brief Guide for Investment. Investment Coordinating Board of the Republic of Indonesia. Jakarta, 2000
23. Buku Ringkasan Pembangunan Semesta. Yaitu Perasan Hasil Kerja Deparnas Yang Garis-Garis Besarnya Telah Ditetapkan Oleh M.P.R.S. Dengan Kata Pimpinan Oleh Sukarno. Departemen Penerangan R I. Jakarta, 1961
24. Buletin Ringkasan BPS. Desember, 2003. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2003
25. Buletin Ringkasan BPS. Desember, 2004. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2004
26. Constitution of the Kingdom of Thailand. Bangkok, 1997
27. Data for 1999–2000: Primary Study of National Account. Office of National Economic and Social Development Board. Bangkok, 2004
28. Economic Planning Unit. Seventh Malaysia Five-Year Plan (1996–2000). Kuala Lumpur, 1996
29. Economic Planning Unit. Eighth Malaysia Plan (2001–2005). Kuala Lumpur, 2001
30. Economic Planning Unit. Ninth Malaysia Plan (2006–2010). Kuala Lumpur, 2006
- 30 a. Economic Review. Mid-Year 2005. Bangkok Post, 2005

31. EIU. Country Profile 2001. Indonesia. L., 2001
32. EIU. Country Profile 2001. Malaysia. Brunei. L., 2001
33. Fourth Malaysia Plan 1981–1985. Kuala Lumpur, 1981
34. Following Up the Study of APEC Liberalization and Facilitation. Tables of Investment Barriers. Economic Committee Meeting. Seoul, 2003
35. Government Report to the Gotong Royong House Representatives of the Settlement Foreign Debt. Jakarta, 1969
36. Handbook Singapore 2004. Singapore, 2004
37. Indikator Ekonomi, Buletin Statistik Bulanan. Desember 2002. BPS. Jakarta, 2002
38. Indikator Industri Besar dan Sedang, 1996. Biro Pusat Statistik. Jakarta, 1998
39. Indikator Industri Besar dan Sedang, 1999. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2001
40. Indonesia. A Brief Guide for Investment. The Investment Coordinating Board RI. Jakarta, 2004
41. Indonesia Source Book. Jakarta, 1994
42. Institute of Bankers Malaysia. Kuala Lumpur, 1992
43. Investing in Indonesia. Jakarta, 2000
44. Investing in Indonesia. The Trade, Tourism and Investment. Promotion Board. Indonesian Chamber of Commerce. Jakarta, 2001
45. Investment Regulation for Business Field Closed to Investment under Certain Conditions. Investment Coordinating Board. Jakarta, 2004
46. Investment Regulation on Foreign Direct Investment. Indonesia Investment Year 2004. Investment Coordinating Board RI. Jakarta, 2004
47. Garis-Garis Besar Rencana Pembangunan Lima Tahun 1956–1960. Biro Perancang Negara. Jakarta, 1957
48. Ketetapan-Ketetapan Sidang Umum Ke–Lima MPRS. Jakarta, 1968
49. Laporan Perekonomian Indonesia 2000. Angkatan Kerja, Konsumsi dan Kemiskinan Penduduk. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2000
50. Malaysian Department of Statistics. Kuala Lumpur, 2002
51. Malaysia External Trade Statistics Preliminary Release. Kuala Lumpur, 2006
52. Mid-Term Review of the Second Malaysian Plan (1971–1975). Kuala Lumpur, 1974
53. Nota Keuangan Indonesia. Jakarta, 1969
54. Office of the National Economic and Social Board. Office of SMEs Promotion. Bangkok, 2004
55. Radjaratman S. Malaysia. Kuala Lumpur, 1976
56. Rancangan Dasar Undang-Undang Nasional Semesta Berencana Delapan Tahun: 1961–1968. Buku kesatu, Jilid I. Jakarta, 1960
57. Report on the Trade and Services. Business Census 2002 From National Statistical Office. Analyzed by SME's Promotion. Bangkok, 2004.
58. Report of the Bank of Thailand 2000. Bangkok, 2001
59. Report on the Trade and Services. Business Census 2002. From National Statistical Office. Analyzed by SME's Promotion. Bangkok, 2004
60. Rukunegara. Kuala Lumpur, 1970
61. Second Malaysia Plan 1971–1975. Kuala Lumpur, 1971
62. Singapore Yearbook 2005. Ministry of Information, Communication and Arts. Landmark Books Pte. Singapore, 2006
63. Statistik Indonesia. 1970–1971. BPS. Jakarta, 1972
64. Statistik Indonesia 1996. Biro Pusat Statistik. Jakarta, 1997
65. Statistik Indonesia 2001. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2002
66. Statistik Indonesia 2004. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2005

67. Thailand's Development Experience and Strategies for the Twenty First Century. Bangkok, 2003
68. Third Industrial Master Plan 2006–2020. Malaysia Towards Global Competition. Kuala Lumpur, 2006
69. Third Outline Perspective Plan (2001–2010). Kuala Lumpur, 2001
- 69 a. Undang-Undang Pokok Agraria dan Land Reform. Jakarta, 1961

Литература

70. Александров Ю. Г. Современная Индонезия. Аграрная политика 1965–1975. М., Наука, 1977
71. Андреев М. А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М.: Соцэкгиз, 1962
72. Андрианов В. Д. Россия в мировой экономике. Учебное пособие для вузов. Гуманитарный издательский центр Владос. М., 2002
73. АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы. М., 2002
74. АСЕАН: итоги, проблемы, перспективы. Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 1998.
75. Белл, Д. Становление индустриального общества. М., 1973
76. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1973
77. Былиняк С. А. Формирующиеся финансовые рынки. М., 2004. М. 2002
78. Володин А. Г., Широков Г. К. Глобализация: начала тенденций, перспективы. М., 2002
79. Грикуров С. С. Политика тайландского правительства в области промышленности // Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. М., 1972
80. Гуревич Э. М. Политическая система современного Сингапура. М., 1984
81. Доктор Махатхир Мохамад, премьер-министр Малайзии. От имени своего народа. М., 1998
- 81 a. Другов А. Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997
82. Дольникова В. А. Таиланд. Социальная история в свете демографических процессов. Автореферат. М., 1997
- 82 a. Игнацкая М. А. Структурно-функциональный анализ новой экономики. М., 2002
83. Курзанов В. Н. Промышленное развитие Сингапура. М., 1978
84. Ли Вл. Ф. Теория международного прогнозирования. М., 2002
85. Лю Юн-ань. Современный Сингапур. Справочное издание. Изд. «Наука». М., 1976
86. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира – в первый (1965–2005). МГИМО (Университет) МИД России. М., 2005
- 86 a. Малайзия. Справочник. Наука. М., 1987
- 86b. Махатхир Мохамад. Малайский валютный кризис. Как и почему это произошло. Селангор, 2001
87. Михеев В. Страны Восточной Азии и степень овладения ими «новой экономики». М., 2004
88. Новая индустриальная волна на Западе. Антология. Под редакцией В. Л. Иноземцева. Academia. М., 1999
89. Пахомова Л. Ф. Итоги социально-экономической политики правительства Махатхира Мохамата // Доктор Махатхир Мохамад политик и личность. Форум. М., 2001

90. Пахомова Л. Ф. Модернизация внешнеэкономической политики стран Юго-Восточной Азии // Восточная Азия между регионализмом и глобализмом. Отв. редактор член-корреспондент РАН Г.И. Чуфрин. Наука. М., 2004
91. Пахомова Л. Ф. Современная буржуазия Юго-Восточной Азии. Наука. М., 1987
92. Пахомова Л. Ф. Поиск пути к справедливому и процветающему обществу // Сукарно политик и личность. Форум. М., 2000
93. Пахомова Л. Ф. Эволюция мелкого традиционного производства // Капитализм на Востоке во второй половине XX века. Наука. М., 1995
94. Рогожин А. А. Интеграционный процесс в ЮВА: оптимистический сценарий // Юго-Восточная Азия в 1999 г. Актуальные проблемы развития. М., 2000
95. Российская экономика в 2005 году. Тенденции и перспективы. Институт экономики переходного периода. М., 2006
96. Современная западная социология. М., 1990
97. Симония А. А. Нефть и газ в странах Юго-Восточной Азии. М., 1983
98. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956
99. Транспортная стратегия России. Новосибирск, 2003
100. Хонг, Марк. Перестраивая Сингапур. Неофициальный перевод. М., 2001
101. Чуфрин Г. И. Сингапур. 1970
102. Шанмургатмана, Гарман. Сингапур: Обеспечение устойчивого роста на основе инноваций. Справочные материалы: Государственное – частное партнерство в поддержку конкурентоспособности промышленности и диверсификации экономики. М., 2005
103. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Отв. редакторы Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984
104. Юго-Восточная Азия в 1999 г. Актуальные проблемы развития. М., 2000
105. Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002
106. Юго-Восточная Азия в 2002 г. Актуальные проблемы развития. М., 2003
107. Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004
108. Юго-Восточная Азия в 2004 г. Актуальные проблемы развития. М., 2005
109. Янг, М. Возвышение меритократии 1870–2033. М., 1958
110. ABAC's Preliminary Report on its Priorities and Recommendations for 2003. Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade. Khon Kaen. Thailand, 2–3 June 2003
111. Abdulgani, Ruslan. Resapkan dan Amalkan Pancasila. Jakarta., 1964
- 111a. AFTA, NAFTA, CER and APEC: Possibilities for Financing Technology and Investment Flows. Universitas Indonesia. Jakarta, 1995
112. APEC Economy Committee (2000). Towards Knowledge – Based Economies in APEC. Singapore, 2003
113. APEC Economic Outlook 2003. APEC Economic Committee. Singapore, 2003
- 113 a. APEC Workshop for SME Program. Managers on Reducing SME's Compliance Cost. // Country Report from Indonesia. Bandar-Seri- Begawan, 2005
114. APEC Workshop for SME Program, Managers on Reducing SME's Compliance Cost. // Country Report from Malaysia. Bandar Seri Begawan, 2005
115. APEC Workshop for SME Program, Managers on Reducing SME's Compliance Cost. // Country Report from Thailand. Bandar Seri Begawan, 2005
116. Aswiahjono, H. Transformasi Industri: Makna dan Tantangan // Mari Pangestu, Raimond Atje, Julius Mulyadi. Transformasi Industri Indonesia dalam Era Perdagangan Bebas. Jakarta. CSIS. 1996

117. Bell, D. Notes on the Post Industrial Society // *The Public Interest*. 1967. № 7. C. 102
118. Bell, D. *The Coming of the Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N. Y., 1976
119. Bell, D. *Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y., 1976
120. Bell, D. *The Third Technological Revolution. Its Possible Socio Economic Consequences*. *Dissent*, 1987. T. XXXVI. № 2
121. Birch, D. *Staging Crises: Media and the Citizenship*. // *Singapore Changes Guard: Social, Political and Economic Directions in the 1990s*. N. Y., 1993
122. Buchanan, I. *Singapore in South East Asia. An Economic and Political Appraisal*. L., 1972
123. *Business Exploration and Production*. Kuala Lumpur, 2000
124. Castles Lance. *Socialism and private Business*. // *Bulletin Indonesia Economy Studies*. Canberra, 1965. № 11
125. Chanda, Nayan. *The Tug for Asia's Best Brians* // *Hongkong*, 2002. T. 163. № 45. C. 38–44
126. Chandra Dewi. *Making Decisions in IT Education. – Computerizes Malaysia*. Kuala Lumpur, 2000
127. Chandran, Rama R. *Classifications of Nations by Development Domain: An Objective Criteria*. Paper Presented at the Statistics, Development and Human Rights Conference. Montreux, Switzerland, 2002
128. Coerrara, Valeri. Channan Saxenan Sweta. *Contagion, Monsoons and Domestic Turmoil in Indonesia. A case Study in the Asian Currency Crisis*. IMF Working Paper, 2000
129. Cohen, Benjamin. *Mulyinational Firms and Asian Exports*. New Haven –L., 1975
130. De Lorenzo, Yosof. *Islamic Finance*. Kuala Lumpur, 2006
131. *Doing Business in 2006. Creating Jobs*. A Publication of the World Bank and the International Finance Corporation 2006. The International bank for Construction and Development, the World Bank. Wash., 2006
132. *Drivers of the New Economy in APEC. Innovation and Organization Practices*. APEC Economic Committee. Singapore, 2003
133. *Economic Review. Mid-Year 2005*. Bangkok, 2005
134. *Ekonomi Indonesia di Era Politik Baru*. Ed. by Mohamad Ikhsan, Chris Maning, Hadi Soesastro. Jakarta, 2002
135. Elliot, D. *Thailand: Origins of Military Rule*. L., 1978
136. *Environmental Mailers. Annual Review*. Wash., 2000
137. Elliot R., Kengo Ikemoto. *AFTA and the Asian Crisis: Help or Hindrance to ASEAN Intra – Regional Trade?* // *Asian Economic Journal*. 2004. T. 18, Issue 1. C. 1–23
138. Faustinas, Andrea. *Pertemuan Menlu ASEAN ke-34 dan Stabilitas Kawasan Asia Tenggara* // *Analisis CSIS*. Jakarta, 2001. T. 30. № 3
139. Friedman E. M. *The Future of Singapore Monetary Policy*. *International Finance*. Issue 3, 2003
140. Ghosh, B. N. *Malaysia in Transformation Within Socio Economic Perspective*. Selangor, 1998
141. *Government Report to the Gotong-Royong House Representatives on the Settlement Foreign Debts*. Jakarta, 1969
142. Hatta, Mohammad. *Pengantar ke Jalan Ekonomi Perusahaan*. Jakarta, 1954
143. Hill, H. *Ownership in Indonesia. Who owns what and does it matter?* // *Indonesia Assessment 1990. Political and Social Change*. Canberra, 1990

144. Hirshman, Albert. O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven, 1958
145. Hong, Mark. *The Singapore Model of Development*. Paper Delivered to Club of Young Political Scientists. Moscow, 1999
146. Hong, Mark. *Singapore's Successful Response to the Asian Economic Crisis*. M., 1999
147. Hong, Mark. *Singapore's Success in Creating Racial and Religious Harmony*. Singapore, 2003
148. *Indonesia Assessment 1994. Finance as a Key Sector in Indonesia's Development*. Ed. by Ross H. McLeod. Canberra-Singapore, 1995
149. *Indonesia's New Order. The Dynamic of Socio Economic Transformation*. Ed. by Hal Hill. Sydney, 1994
150. *Indonesia Source Book*. Jakarta, 1994
151. *Inflation Report of Thailand*. Bank of Thailand. January 2003. Bangkok, 2003
152. Ismael, J.E. *Agriculture in the Indonesian Development Plan // Five Papers on Indonesian Development*. Jakarta, 1971
153. Krugman, Paul. *What Happened to Asia?* mimeo. IMF. 1998.
154. Lall, Dipak. *State and Development*. New Dehly, 1998.
- 154a. Lim Chong-Yah. *Singapore: Twenty – Five Years of growth and Structural Changes // Singapore*, 1985
- 154 b. Leggett, Chris. *Singapore's Industrial Relations in the 1990s // Singapore Changes Guard: Social, Political and Economic Directions in the 1990s*. N. Y., 1993
155. Lim Chong-Yah. *Singapore: Twenty Five Years of Growth and Structural Changes*. Singapore, 1985
156. Mahathir Mohamad. *How Trading in Ringgit was Stopped*. Kuala Lumpur, 1999
157. Mahathir Mohamad. *A Visionary and His Vision of Malaysia's K-Economy*. Ed. by Ng. Tieh Chuan. Pelanduk Publications. Selangor, 2003
158. *Malaysia*. Kuala Lumpur, 1996
159. *Malaysia's Economy in the Nineteen's*. Ed. by Jonu K.S. Pelanduk Publication. Selangor, 1994
160. *Malaysia's Vision 2020*. Ed. by Achmad Sayu Abdul Hamid. Pelanduk Publication. Selangor, 1995
161. *Malaysian Economy Selected Issues and Policy Direction*. Kuala Lumpur, 1994.
- 161 a. *Managing the Malaysian Economy. Selected Speeches by Dr. Mahathir Mohamad, Prime-Minister*. Ed. by Hashim Makaruddin. Vol. 2. Selangor, 2000
- 161 b. Margolin, Jean-Luis. *Foreign Models in Singapore's Development and the Idea of Singaporean Model. // Singapore Changes Guard: Social, Political and Economic Directions in the 1990s*. N. Y., 1993
162. Mears, A. and Moelyono. *The Indonesian Economy During the Soeharto Era*. Kuala Lumpur, 1991
163. *The Nation Business Review. 1000 Top Companies*. Ed. by Pana Janviroj. Bangkok, 2000.
164. Neil, A. Engelgard. *Democracy and Thai Middle Class: Globalization, Modernization, and Constitutional Change // Asian Survey*. Berkeley, T. XLIII. № 2, 2003
165. *The New Economy and APEC*. October, 2001
166. *Nota Keuangan Indonesia*. Jakarta, 1969
- 166 a. Ong Keng Yong. *Towards an ASEAN Single Market and Single Investment Destination*. Bangkok, 2004
167. Porat, M. U. *The Information Economy: Definition and Measurement*. US Department of Commerce. Wash., 1997

- 167 a. Profile Industri Kecil dan Kerajinan Rumah Tangga. Badan Pusat Statistik. Jakarta, 1998
168. Radjaratman S., Rodan G. The Political Economy of Singapore's Industrialization: National State and International Capital. Singapore, 1988
- 168 a. Rodan, Garry. Challenges for the New Guard and Directions in the 1990s. //
169. Rasiah, R. Malaysia's Nation Innovation System. L., 2003
170. Rosenstein-Rodan P. N. Notes of the Theory of the «Big Push» // Economic Development for Latin Amerika. Ed. By H. S. Ellis. L., 1951
171. Rudelet, S. and Jeffrey Sachs. The Onset of the East Asian Finance Crisis. Mimeo. Harvard Institute for National Development. 1998
172. Rugman, A. The End of Globalisation. The New and Radical Analysis of Globalisation and What It Means to Business. Random House. L., 2000
173. Sabah, Ibrahim Abu. Kesadaran dan Persepsi Luar Bandar Terhadap Pembangunan Sumber Manusia di Sarawak. Dewan Bahasa dan Pusaka. Kuala Lumpur, 1995
174. Sadli, M. Bila Kapal Punya Dua Nakhoda. Esai-Esai Ekonomi-Politik Masa Transisi. Jakarta, 2002
175. Sadli, M. Landscape Ekonomi & Politik dalam Krisis & Transisi. Jakarta, 2001
176. Sakaya, T. The Knowledge – Value Revolution or A History of the Future. Tokyo–N. Y., 1991
177. Severino C. Rodolfo. ASEAN Rises to the Challenge. Jakarta, 1999
178. Simanjuntak, Robert A. Enambelas Bulan Perjalanan Desentralisasi Fiskal di Indonesia // Ekonomi Indonesia di Era Politik Baru. Jakarta, 2002
179. Simatupang, Pancar, Syafa'at, Niswar. Strategi Pembangunan Ekonomi Nasional. Industrialisasi Berbasis Pertanian. Makalah dalam Kongress XIY ISEI. April 2000. Makassar, 2000
180. Singapore, 1985. Singapore, 1986
181. Singapore's Success in Creating Racial and Religious Harmony. Singapore, 2002
182. Statement by ASEAN Secretariat. Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade. Khon Kaen, 2003
183. Stoner, I. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983
184. Sukarno. Kooperasi adalah Wahana ke Alam Sosialisme Indonesia. Jakarta, 1965
185. Sukarno. Penemuan Kembali Revolusi Kita. Jakarta, 1959
186. Sukarno. Penyambung Lidah Rakyat Indonesia. Jakarta, 1965
187. Suryadinata, Leo. Negara dan Etnis Tionghoa. Kasus Indonesia. Jakarta, 2002
188. Tambunan, Tulus T.H. Industrialisasi di Negara Sedang Berkembang. Kasus Indonesia. Jakarta, 2001
189. Tan, Augustine. Changing Patterns of Singapore's Foreign Trade and Investment Since 1960 // Singapore: Twenty Five Years of Development. NanYang Xing Linby. Zaobao, 1984
190. Tanter, Richard, Yong Kenneth. Politik Kelas Menengah Indonesia. Clayton, 1994
191. Thailand in the 80-s. Published by the National Identity Office, Office of the Prime Minister, Kingdom of Thailand. Bangkok, 1984
192. Thailand in the 90's. Published by the National Identity Office of the Prime Minister, Kingdom of Thailand. Bangkok, 1991
193. Thailand Development Experience and Strategies for Twenty First Century. Government and Private Cooperation Division National Economic and Social Development Board. Office of the Prime Minister. Bangkok, 1995

194. Thailand ICT Indicators. Moving towards the Information Society. Series 1. Bangkok, 2003
195. Trade Policy Review. Indonesia. Report by the Secretariat WTO. Geneva, 1999
196. Trade Policy Review. Malaysia. Report by the Secretariat WTO. Geneva, 1998
197. Trade Policy Review. Thailand. Report by the Secretariat WTO. Geneva, 1999
198. Traisorat, T. Thailand: Financial Sector Reform and the East Asian Crisis. The Hague, 2000
199. US Treasury, IMF, OECD and Member Countries. Geneve, 2000
200. Yudhoyono, Susilo Bambang. Mengenai Masalah Menetapkan Agenda dan Arah // Kompas. Jakarta, 17. 11. 2004
201. Wong, John. ASEAN Economies in Respective Comparative Study. Singapore, 1995
202. Zaharom Nain qand Mustafa Anuar. IT Strategies in Malaysia: the Multimedia Super Corridor. Paper on International Conference on Information Technologies and Social Development. Geneve, 2004
203. Zahruddin, Ust. Yj, Abd. Rahman. Uderstanding the Prosses // Business Times, 22. 03. 2006

Периодические издания

- 203 а. Альянс медиа И. А.
204. Банковский ряд. М.
205. Бюллетень иностранной коммерческой информации. М.
206. Военно-промышленный курьер. М.
207. Известия. М.
208. ИТАР-ТАСС. М.
209. Коммерсант. М.
210. КОРИНФ: контакты, рынки мира, информация. М.
211. Эксперт. М.
212. Angkatan Bersenjata. Jakarta
213. Antara. Jakarta
214. Asia Inc. Singapore
215. Asia Survey. Berkeley
216. Asian Business and Industry. Singapore
217. Asian Finance. Hong Kong.
218. Asiamoney. Hong Kong
219. Asia Survey. Berkeley
220. Asiaweek. Hong Kong
221. Bangkok Post
222. Berita Harian. Jakarta
223. BOI Investment Review. Bangkok
224. Business Times. Kuala Lumpur
225. Challenge. N. Y.
226. Changi Express. Singapore
227. Citra Indonesia. Jakarta
228. Economist. L.
229. Far Eastern Economic Review. Hongkong
- 229 а. Financial Times. L.
230. Gatra. Jakarta
231. Harian Ekonomi Nasional. Jakarta
232. Indonesia. Jakarta

233. Indonesian Observers. Jakarta
- 233 a. Indonesian Perspective. Jakarta
234. Jakarta Post.
235. Kompas. Jakarta
236. Malaysia Today. Kuala Lumpur
237. Malaysian Business. Kuala Lumpur
238. Mirrow. Singapore
239. Nation. Bangkok
240. National Survey. Bangkok
241. New Strait Times. Kuala Lumpur
242. New Sunday Times. Kuala Lumpur
243. Overseas Business Report. Wash.
244. Philippine Business Report. Manila
245. Shipping Times. Singapore
- 245 a. South Cina Morning Post. Hongkong
246. Straits Times. Singapore
247. Suara Pembaruan. Jakarta
248. Suara Karya. Jakarta
249. Sunday Star. Bangkok
250. SWA Sembada. Jakarta
251. Tempo. Jakarta
252. Trade With Thailand. Bangkok
253. Utusan Melayu. Kuala Lumpur
254. Viet Investing Review. Hanoy
255. Wall Street Journal. N. Y.

Summary

Pakhomova L. F. Models for Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia)

Since gaining independence Southeast Asia countries have been dramatically transformed from a backwards nations into industrialized regional power and largest producers not only agricultural products but a wide range of goods (machines, semiconductors, hard-disk drivers) and diversified services.

This comprehensive evaluation of the social - economic strategies and models of growth with mixed individual variations liberal market economy and coordinating market economy based on comparative economics' approach and interdisciplinary study. Author deals with a broad range of issues, including planning, privatization, cooperation with TNC, modernization infrastructure, creating new human capital, poverty reduction, spreading the benefits of growth more widely. It is critical to the performance on macroeconomic and microeconomic levels.

It was a long and hard way to prosperity through import substitution, export-oriented manufacturing industry towards the economy based on knowledge. The process of relocating different stages of production creating new forms such as industrial zones, development of enclaves, centers of rapid growth, venture capital etc. Albeit important distinctions between these countries in their main stylized features of economic structures and institutional frameworks in which governments are implementing their policy, there is a lot of common features and relational problems especially in functional institutions and impact of external factors.

It has been more evident during Asian financial crisis and post crisis years when governments have tackled problems in their own style. Crisis times became prominent the defective futures of the economic strategy and a model of growth in Indonesia during «order baru» and to the less extend in Thailand.

The policy-makers' main aim in Singapore, Malaysia, Thailand as well is to become fully industrialized countries to the 2020. Moreover these countries are creating new economy or k-economy and switching to the high technology intensive industries and modern services. Nowadays Indonesia is trying to modernize its infrastructure and develop various types of export and industrial zones, clusters and etc. This country badly needs the massive investments and properly human capital to achieve sustainable dynamic growth and prosperity. Despite differences of achievements and perspectives for prosperities these countries as other members ASEAN are deepening the regional integration.

The author is well aware of challenges, constrain factors and difficulties in implementation social-economic strategies and how they are still far (except Singapore) from modalities.

Though the internal factors, including economic policy, seems to be decisive for achieving their aims.

This comprehensive analysis of the positive and negative experience of South-east Asia countries especially in creating export production and industrial zones, centers of economic growth on bilateral and multilateral base, and some other aspects as well may be useful for Russia as a new emerging market.

Научное издание

Пахомова Людмила Федоровна

**Модели процветания
(Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *А. З. Алмазова*
Корректор *Л. В. Хохлова*
Оригинал-макет *А. Б. Дунаева*

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 07.11.06. Подписано в печать 04.12.06.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 16. Уч.-изд. л. 17
Тираж 400 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6